

КУЛЬТУРНЫЙ
ПРОГРЕСС
В
ЭПОХУ БРОНЗЫ
И
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ТЕЗИСЫ
ДОКЛАДОВ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГАРДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР

**КУЛЬТУРНЫЙ ПРОГРЕСС В ЭПОХУ
БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

(20—24 октября 1982 г.)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**ВСЕСОЮЗНОГО СИМПОЗИУМА, ПОСВЯЩЕННОГО
60-летию ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1982

Р. II
497907

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Б. Н. АРАКЕЛЯН, В. М. МАССОН, Э. В. ХАНЗАДЯН

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՒԵԳԻԱ

Բ. Ն. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ, Վ. Մ. ՄԱՍՈՆ, Է. Վ. ԽԱՆԶԱԴՅԱՆ

**ՍՍՀՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ԿԱՐՄԻՐ ԴՐՈՇԻ
ՇՔԱՆՇԱՆԱԿԻՐ**

ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

**ՍՍՀՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ԼԵՆԻՆԳՐԱԴԻ
ԲԱԺԱՆՄՈՒՆՔ ԵՎ**

**ՀՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ
ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԴՐՈԳՐԵՍԸ

ԲՐՈՆԶԻ ԵՎ ՎԱՂ ԵՐԿԱԹԻ ԴԱՐԱՇՐՋԱՆՈՒՄ

**Համամիութենական սիմպոզիումի թեզիսներ
նվիրված ՍՍՀՄ-ի կազմավորման 60-ամյակին**

**ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1982**

© Издательство АН Армянской ССР.

І. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОГРЕСС

В.М.МАССОН

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОГРЕСС В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

1. Культурный прогресс как явление мировой истории в эпоху палеометалла в Старом Свете был особенно значим для обществ, расположенных к северу от зоны первичных цивилизаций и сопутствующих структур древневосточного облика. Именно здесь, где в полной мере наблюдается смена исторически определенных типов культур и культурных констант, сконцентрированный пучок инноваций приводит к появлению принципиально новых культурных комплексов с новыми модами и ценностными ориентациями. В зоне оседлых земледельческо-скотоводческих культур аридной зоны с их традиционным набором прочных долговременных жилищ, богато орнаментированной плоскодонной керамикой и мелкой пластикой введение меди не знаменовало кардинальных изменений, а, скорее, фиксировало максимальный расцвет уже сложившейся культурной системы. При этом ранние земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие общества юга Бадкан и прилегающих областей, приблизившись в разной мере к порогу цивилизации, исчерпали в конкретной природной и исторической ситуации возможности данных культурно-хозяйственных систем, после чего наступает общественный катаклизм.

2. В степной зоне Евразии и ряде примыкающих к ней областей культурный прогресс в эпоху палеометалла был особенно ярким. Прогрессивное развитие общества связано с ростом производительных сил в первую очередь тогда, когда сам прогресс в целом следует рассматривать как тип и направление развития от менее совершенного к более совершенному. Вместе с тем следует учитывать наличие в обществе противоречивых тенденций, различать прогресс как своего рода глобальное явление и прогрессивное развитие отдельных конкретных обществ. Оставаясь глобальным явлением общепланетарной закономерности, прогресс этот мог сопровождаться катаклизмами, упадком и своего рода возвратным движением в отдельных

общественных организациях. Вместе с тем нужно особенно внимательно относиться к установлению прогрессивного или регрессивного типа развития по тем ограниченным материалам музейной выборки древних культур, которую нам дают археологи. Например, утверждение социальных сдвигов в обществе на основании погребальных обрядов особенно выразительно на первых этапах установления этих обычаев. Далее потребность в подобном идеологическом прессинге снижается, что особенно ярко видно на примере царских гробниц, типичных именно для начальных этапов утверждения классовой дифференциации.

3. Область, связанная с производством материальных ценностей, представляет собой важнейший компонент в культурной системе. В эпоху палеометалла широко распространяется использование такого источника энергии, как тяговая сила животных. Прогресс производственных процессов связан в первую очередь с их большей эффективностью и повышением производительности труда. Огромную роль в производстве этой эпохи сыграло развитие горного дела, металлургии и металлообработки с ее дифференциацией на такие отрасли, как специализированная деятельность кузнецов, литейщиков, ювелиров, оружейных мастеров. Для огромной зоны вне рамок древневосточной ойкумены это было технологическое основание второго крупного общественного разделения труда. Вместе с тем следует иметь в виду, что, как показали экспериментальные исследования, ряд медных орудий (например, серпы) отнюдь не обладал более высокой производительностью по сравнению с кремневыми орудиями. Вместе с тем новая технология, особенно литье, позволяла быстро получать стандартные серии орудий, легко поддающихся массовому изготовлению. В данном случае резкое повышение производительности производства орудий труда, а не производительности самих орудий было решающим и определяющим фактором прогресса.

4. Прогресс оружейного дела в эпоху палеометалла, когда вырабатываются специализированные формы военного оружия, отличного от вооружения охотников, тесно связан с такими явлениями, как рост богатства (чему явно способствовало внедрение новых форм скотоводства) и усиление военных столкновений в борьбе за насильственное перераспределение как самих богатств, так и уловов

их воспроизводства (пастбищ). Следует иметь в виду, что вооруженное насилие в данном случае не только выполняло определенные экономические функции, но и являлось непосредственным экономическим фактором. Своего рода милитаризация общества, ярко проявляющаяся даже в наборе типов артефактов, была своего рода знаменем времени. Второй пик милитаризации культуры, приходящейся на эпоху раннего железа и особенно ярко представленный в Закавказье, был тесно связан со всадничеством и представлял взаимозависимое явление с процессом формирования социально-антагонистического общества.

5. Важной чертой культурного прогресса эпохи палеометалла было повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации. Необходимость обмена была заложена уже в самом материальном производстве эпохи бронзы, потреблявшего различные металлы, залежи которых расположены значительно реже, чем выходы кремния или обсидиана. Усиления разного рода связей способствовало и развитие колесного транспорта. Дальнейшее развитие получает знаковая форма коммуникаций, причем особое значение приобретают разного рода символы. Целый ряд символических или, как обычно говорят археологи, культовых предметов способствовал накоплению, закреплению и передаче опыта, превращенного из индивидуального в социальный. Эта сторона культуры, широко представленная в археологических материалах, еще не исследована должным образом. Поскольку связь символа с символизируемым явлением, как правило, мотивирована, символы становятся фокусом, видимым сосредоточением различных более или менее отвлеченных истин.

6. Весьма важно изучение диалектики единства и множественности культур. Исторический тип культур, свойственный эпохе палеометалла, отличается повышенной степенью общности. Последняя связана и с единством технологии, органической частью которой было развитие обмена, и с более оживленным общением, облегчаемым прогрессом транспорта. Технологические, культурные и идеологические инновации сравнительно быстро распространяются на огромных территориях, причем скорость этого распространения возрастает с широким освоением верхового коня.

7. В Средней Азии в эпоху палеометалла происходит формиро-

вание цивилизации древневосточного типа: в подгорной полосе Южного Туркменистана в результате закономерного развития культуры неолитических земледельцев; в долине Мургаба и на Средней Амударье в результате прямого переселения групп общин. Развитие строительного дела - от разных типов жилых домов до монументальной архитектуры и фортификационных сооружений, прогресс и дифференциация ремесел и усложнение знаковых систем вплоть до использования протоиндийской письменности были характерными чертами этих культурных систем древневосточного типа. В северных областях Средней Азии формируются культуры воинственных скотоводов, становление которых ускорило влияниями и переселениями из других центров прогрессивного развития культур этого типа.

П.М.ДОЛУХАНОВ

ЭПОХА БРОНЗЫ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

1. Эпоха бронзы явилась результатом ряда изменений в экономике и культуре, которые были вызваны саморазвитием этнокультурных организмов и частично реакцией на изменения среды. Эти процессы по-равному протекали в различных областях Евразии, что было связано как с разнообразием природных условий, так и с существованием устойчивых культурных традиций.

2. Для понимания сущности этих процессов необходимо кратко остановиться на событиях, происходивших в предшествующий палеоисторический период. Огромное значение для развития первобытных культур Евразии имел климатический оптимум голоцена (9000-5000 л.н.) - благоприятное соотношение тепла и влажности, вызвавшее интенсивное развитие растительности и животного мира. В течение этого времени в Европе распространяются земледельческие культуры: УП-УІ тыс. до н.э. - ранний неолит Балканского полуострова; У тыс. до н.э. - земледелие распространяется на лёссовую зону Центральной Европы (культура линейно-ленточной керамики); ІУ - середина III тыс. до н.э. - земледелие охватывает север Централь-

ной Европы (культура воронковидных кубков) и запад лесостепной зоны (Кукутени-Триполье). Распространение земледельческого производства в подгорной полосе Средней Азии и в межгорных депрессиях Закавказья, произошло, по-видимому, в начале климатического оптимума, не позднее VI тыс. до н.э.

3. На протяжении VI тыс. до н.э. в подгорной полосе Копет-Дага происходило развитие неолитической джейтунской культуры. Сравнительно небольшие поселения, хозяйство которых было основано на поливном земледелии, скотоводстве при сохранении большого значения охоты, располагались в наиболее обеспеченных водой участках делювиально-продлювиального шлейфа. Ранне-неолитические (энеолитические) поселения Закавказья располагались как в пределах межгорных депрессий, так и в предгорьях. Хозяйство было основано на продуктивном земледелии и скотоводстве.

4. Палеографические данные (Хотинский, 1977) свидетельствуют о том, что климатический оптимум сменился раннесуббореальным похолоданием (4600-4200 л.н.), на смену которому пришло средне-суббореальное потепление (4200-3400 л.н.). Климатические изменения в ряде районов привели к серьезному нарушению земледельческих систем, вызвав коренную перестройку хозяйства. В середине III тыс. до н.э. (4600-4400 л.н.) происходит сравнительно быстрое угасание трипольской культуры на западе лесостепной зоны Украины и Молдавии. Одновременно в тех же областях происходит распространение древнеямной культуры, хозяйство которой было основано на кочевом скотоводстве. Во второй половине III тыс. до н.э. на территории северной Европы происходит распространение культур шнуровой керамики. Этот процесс связывается с кризисом земледельческого производства в ареале культуры воронковидных кубков. При этом некоторая часть населения перешла к скотоводству, другая - сохранила земледелие, третья - присваивающее хозяйство.

5. На юге Средней Азии в середине - конце III тыс. до н.э., на основе интенсивного сельскохозяйственного производства, возникает общество сложной социальной стратификации и выделяются протогородские центры (Массон, 1981). В середине II тыс. до н.э. на юге Средней Азии происходит угасание древнеземледельческой цивилизации, сопровождавшееся полным исчезновением поселений на

дельтовых равнинах Мургаба и Теджена и переходом от протогородского к сельскому типу расселения на предгорной равнине Копет-Дага.

6. В течение III тыс. до н.э., на основе интенсивного развития земледелия, скотоводства и ремесел, происходит значительный рост населения межгорных котловин (включая Среднеаракскую депрессию) и предгорий Закавказья. В течение II тыс. до н.э. происходит дальнейшее развитие устойчивых хозяйственных и культурных образований, сложившихся в этих районах. В это время отмечается социальное расслоение (Ханзадян, 1979), а также усиление культурно-экономических связей с Эгейским миром и Малой Азией. Адаптация к изменившимся экологическим условиям, по-видимому, выразилась в увеличении хозяйственного значения скотоводства и ремесел (в особенности металлургического производства), а также в развитии торговли. Таким образом, эпоху бронзы можно рассматривать как систему инноваций, охватившую социальную, производственную и культурную сферы. Хронологические рамки и конкретные формы изменений зависели от развития производительных сил и культуры в предшествующий период и от масштабов перестройки экологической среды.

С.Н.БРАТЧЕНКО

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ БРОНЗОВОЙ ИНДУСТРИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

I. Отнесение культур или типов памятников к отдельным периодам энеолита - эпохи бронзы обычно основывается на общем облике вещественных материалов. Периоды зачастую воспринимаются лишь как хронологические вехи, мало связанные с определенными уровнями внедрения металла для производства орудий. Поэтому для многих культур остается совершенно неясной действительная роль и распространённость металлических орудий, а тем самым и уровень развития производства. Такое положение объясняется тем, что медные и бронзовые изделия встречаются очень редко на поселениях, а так-

же в погребениях ряда культур, причем в последних они имеют избранный характер и не представляют все категории.

2. В определении степени распространенности металлических орудий, очевидно, необходимо установить их соотношение с каменными и в особенности с кремневыми орудиями. Однако это не может решаться чисто арифметически, без учета специфики материала орудий и источников по их изучению. Прежде всего необходимо учесть, что металлические орудия — предметы длительного пользования, в процессе которого они постоянно подтачивались, а при повреждении шли в переплавку как сырье для изготовления новых. Поэтому в слое поселения могут быть найдены лишь отдельные случайно потерянные предметы. В отличие от этого кремневые орудия функционировали непродолжительно и при порче выбрасывались, доказательством чего является массовость этих находок на стоянках и поселениях палеолита, неолита, энеолита. Далеко не одинаковы также и остатки производственного характера, связанные с изготовлением тех или иных орудий. По этой причине материалы поселений дают искаженную картину, далекую от реальности: кремневых находок всегда будет больше, чем металлических. Казалось бы выяснить соотношение тех и других невозможно.

3. Представляется, однако, что ключом к решению данной проблемы являются именно кремневые находки, их характер и ассортимент орудий. Основопологающая посылка при этом — безусловное бытование на поселении орудий основных функций, определяемых по широкому кругу культур данной эпохи. Следовательно, если на поселении набор кремневых орудий рубящего и режущего действия неполный или их вообще нет — значит отсутствующие орудия были металлическими, хотя они и не найдены. Данные, полученные по поселениям, дополняются анализом инвентаря погребений, случайных находок, кладов и взаимно коррелируются. С таким подходом нами рассмотрены материалы ряда культур.

4. На поселениях позднего Триполья, среднестоговском и ямном поселениях (Деревка, Михайловка раскопаны почти полностью) среди каменного инвентаря отсутствуют (Усатово, Деревка) или составляют редкость топоры-тесла. Эти орудия, но из металла, а также ножи, кинжалы, долота, стержни известны из погребений и

случайных находок. В энеолитических и ямном погребениях найдены также проушный топор и литейные формы.

5. На поселениях средней бронзы - катакомбных, бабинских (многоваликовых) и каменско-дивенцовских - встречаются лишь кремневые отщепы, осколки и единичные находки наконечников стрел, копий, скребков и вкладышей серпов (последние только на поселениях Крыма). Совершенно ясно, что этих орудий недостаточно для функционирования поселения. Вместе с тем бронзовые орудия или вовсе отсутствуют, или представлены единичными находками (нож, стержни). В катакомбных погребениях орудия встречаются редко, что связано с особенностями обряда (помещение в могилу прежде всего пищи и украшений). Из бронзовых орудий относительно распространенной категорией являются ножи и стержни, однако найдены и плоские топоры, тесла, долота, стамески, проушные топоры. Эти орудия известны в немалом количестве также среди случайных находок и кладов. Свообразие некоторых типов изделий и находки литейных форм и других предметов, связанных с металлообработкой (тигли, сопла, слитки металла, металлodom, абразивы, наковальни и т.п.), указывают на развитую местную бронзовую индустрию. В погребениях бабинской культуры с весьма скудным инвентарем встречены лишь бронзовые ножи и тесло. О других видах бронзовых орудий можно судить по случайным находкам, кладам и литейным формам с поселений. Вместе с тем найденные в нескольких бабинских погребениях кремневые ножи и скребки, а на каменско-дивенцовских поселениях Крыма - вкладыши серпов свидетельствуют о некотором повышении роли кремневой индустрии. Это обстоятельство, а также небольшие размеры бронзовых ножей, как и появление среди них восточных, абашевских образцов могут указывать на некоторый недостаток сырья, что, очевидно, и обеспечило проникновение на Украину восточного, а затем и западного металла в следующую, позднебронзовую эпоху.

6. Итак, памятники средней бронзы Юга Восточной Европы - катакомбные, бабинские, каменско-дивенцовские, а также северокавказские - оставлены населением с развитой бронзовой индустрией, причем более богатой, чем это дают нередко сами материалы раскопок. В этом отношении они особенно контрастируют с культу-

рами шнуровой керамики среднеевропейской зоны с повсеместным господством кремневых орудий неолитических типов, а также с рядом постшнуровых культур этих областей, в которых кремневые рабочие орудия еще значительны. В целом в эпоху средней бронзы Юга из кремня изготовлялись главным образом наконечники стрел и копий, а из других пород камня - орудия ударного действия, абразивы, терки.

7. В эпоху поздней бронзы в ряде культур исчезают и кремневые наконечники. Лишь в заключительный период эпохи внезапно отчасти возрождается кремневая индустрия - кремневые серпы в белозерских, бондарихинских белогрудовских памятниках (при полном отсутствии бронзовых). Эта замена бронзовых орудий кремневыми, как и редкими еще железными, а также уменьшение размеров орудий из бронзы - свидетельство нехватки металла, что и обусловило переход к железу в следующий период.

М. Г. ГАДЖИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I. Культурный прогресс является частным проявлением общей закономерности развития человеческого общества. Марксизм-ленинизм рассматривает историческое развитие в целом как прогрессивное, как движение от низшего к высшему, предполагающее, что каждая последующая общественно-экономическая формация сложнее, богаче по своему содержанию, чем предшествующая. Однако марксистско-ленинское понимание мирового процесса движения, как весьма сложного и противоречивого явления, намного содержательнее, чем простая идея эволюции. Это развитие как бы повторяет пройденные уже ступени, но повторяет их иначе, на более высокой базе, развитие по спирали, а не по прямой линии, развитие скачкообразное, кататрофическое. Все это имеет исключительно важное значение для понимания культурно-исторических процессов, происходивших и

в докапиталистических общественно-экономических формациях. Надо сказать, что эти фундаментальные положения диалектического материализма недостаточно полно учитываются в первобытной археологии Северного Кавказа.

2. В III тыс. до н.э. на Северном Кавказе сложились два культурных комплекса, отражающих прогрессивное развитие местных земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих обществ в эпоху раннего металла. Один из них представлен в Прикубанье и Центральном Предкавказье майкопской культурой, а другой на Северо-Восточном Кавказе - куро-аракской культурой. Показателями культурного прогресса в майкопском обществе являются высокоразвитое металлопроизводство (с разнообразным литьем, использованием стоек при изготовлении посуды и других технических приемов), продукция которого успешно стала заменять каменные орудия и керамическое производство, в котором используется гончарный круг. Эти отрасли производства превращаются в ремесла. Такие же высокоразвитые отрасли - металлопроизводство и гончарное дело - фиксируются в эпоху ранней бронзы и на северо-востоке Кавказа, у племен куро-аракской культуры. В обществах майкопской и куро-аракской культур на основе внутренних процессов развития происходит имущественная и социальная дифференциация, отразившаяся в погребальных обрядах. Наряду с захоронениями родовых общинников появляются погребения вождей и представителей знати с пышным ритуалом (Майкопский, Новосвободненский, Налчикский курганы с богатыми захоронениями, погребение в деревянном саркофаге, установленном на повозке, в Дагестане), подчеркивающие их особое имущественное положение и социальное противостояние основной массе общинников.

3. Археологические культуры Северного Кавказа II тыс. до н.э. (северокавказская, гинчийская, каякентско-хорчоевская), сменявшие майкопскую и куро-аракскую, характеризуют общества, находившиеся на более низком уровне культурно-исторического развития. Во II тыс. до н.э. мы уже не видим на Северном Кавказе такого яркого металлообрабатывающего производства, в том числе и ювелирного дела, как, например, у племен майкопской культуры, проследивается явный упадок в керамическом производстве, вышел на

употребления гончарный круг. Погребения характеризуют общества имущественно и социально малодифференцированные, монотонно развивавшиеся. Процесс культурно-исторического развития северокавказских племен во II тыс. до н.э. не только затормозился, но и шел, как нам кажется, по нисходящей линии. Новый культурный подъем, наметившийся на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы на рубеже II-I тыс. до н.э., был в дальнейшем ускорен в связи с освоением металлургии железа.

4. Обрисованная картина культурно-исторического процесса на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. не поддается рационалистическому объяснению с точки зрения жесткого прямолинейного развития. В культурном прогрессе майкопского времени исследователи видели временное эпизодическое явление - нарушение прямолинейного развития варварского общества, ускоренного культурным влиянием из Передней Азии, после прекращения которого северокавказское общество II тыс. до н.э. стало развиваться замедленно. Другие исследователи считали, что упадок обусловлен постоянным включением в северокавказскую среду менее развитых степных племен севера. Односторонние объяснения таких значительных культурно-исторических явлений, в первую очередь внешними причинами, вряд ли могут привести к удовлетворительным результатам. Необходим учет различных факторов, в том числе и внутренних, применительно к каждой конкретной ситуации. Независимо от этого надо признать, что культурно-историческая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э., не являясь исключением из общей закономерности, а представляет собой яркое проявление в конкретных условиях законов диалектического материализма о развитии общества. Первобытная археология и древняя история открывают все новые и новые стороны и примеры сложного и противоречивого процесса культурно-исторического развития, в котором порою совершались гигантские скачки назад.

С.С.БЕРЕЗАНСКАЯ

О РЕМЕСЛЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

1. Известно, что ремесло является ярким показателем уровня развития любого общества и что без палеоэкономии, одним из важных аспектов которой является ремесло, нельзя судить сколько-нибудь полно ни о культуре, ни о культурном прогрессе. Между тем в силу ряда причин, важнейшими из которых представляются отсутствие критических разработок теоретического плана и недостаточное количество целенаправленных раскопок, изучением ремесла занимаются недостаточно. В полной мере все это относится к изучению ремесленного производства в эпоху бронзы на территории Украины.

2. Накопившийся в последние годы материал, в основном полученный в результате больших новоотроечных экспедиций, позволяет составить первое общее представление о ремесле, его возникновении, этапах развития и роли в культурном прогрессе у племен эпохи бронзы на территории Украины. Для изучения ремесла здесь имеются пять основных типов памятников: 1) поселения, в том числе специализированные; 2) шахты по добыче кремня и медной руды; 3) мастерские по изготовлению кремневых, костяных и бронзовых орудий; 4) могильники с погребениями ремесленников; 5) клады кремневых изделий, бронзовых изделий и клады литейщиков. Анализ этих памятников дает основание для следующих выводов: у племен эпохи бронзы на территории Украины было уже разнообразное и развитое ремесленное производство; фиксируются следующие ремесла: кремнедобывающее, кремнеобрабатывающее, костерезное, скорняжное, металлургическое; одни из них продолжали традиции ремесел, существовавших еще в энеолите, другие возникли только в бронзовом веке; удельный вес ремесленного производства в хозяйстве и социально-экономической структуре племен бронзового века был различен в ранний, средний и поздний периоды. Кроме того, ремесла были различны применительно к степному и лесостепному районам Украины. Особенно большое влияние на экономику и социальное устройство общества эпохи бронзы на территории Украины оказало ме-

талдургическое ремесло. Соответствующие материалы свидетельствуют о наличии регулярного обмена продуктами различных ремесел и о том, что обмен в эпоху бронзы на территории Украины в основном определялся природными условиями и характером сырьевых источников.

Г.Б.АРШЯН

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(По материалам бронзового века Армянского
нагорья и Южного Кавказа)

1. Существенным элементом историко-материалистического понимания развития человеческого общества является представление об относительной независимости функционирования различных сфер социальной жизни. При этом на отдельных отрезках человеческой истории направление, а также скорость изменений в экономике и материальной культуре могут не соответствовать переменам в социальной организации и духовной культуре. При типологизации различных социально-исторических форм нетрудно установить, что существовали общества с развитым интенсивным хозяйством, духовной культурой и сравнительно отсталыми социальными структурами и, наоборот, общества с относительно развитой социальной организацией основывались на более отсталом интенсивном хозяйстве. В истории отдельных регионов наблюдается прерывистость в развитии культуры при сохранении развития социальных структур. Относительная независимость развития культуры и социальной организации отчетливо раскрывается при сравнительном анализе археологических материалов Армянского нагорья и Южного Кавказа раннего и среднего-бронзового веков.

2. Шенгавитская (она же - нуро-аракская) культура, датируемая нами в настоящее время ок. 3500/3300 - 2400/2200 лет до н.э., сформировалась на основе длительного предшествующего разви-

тия элементов древнеземледельческих долинных культур Армянского нагорья. Ее хозяйство, вероятно, относилось к типу земледельческо-скотоводческого. Земледелие было интенсивным, основанным на весьма совершенной системе ирригации, использовавшей ограниченные водные ресурсы малых реч. В эпоху шенгавитской культуры на Армянском нагорье и Южном Кавказе, очевидно, произошел переход к пашенному земледелию. На ранних этапах этой культуры, возможно, преобладало придомное скотоводство, позднее - отгонное. Развитие ремесла, дифференциация поселений, значительное углубление внутрисоциального общественного разделения труда привели к возникновению элементов городской цивилизации (Мохрабдур, Явик-тепе). Идеология отражала переход к патриархальному обществу. Искусство шенгавитской культуры развило совершенные формы, которые впоследствии были, по крайней мере частично, утрачены. Вместе с тем в процессе внутреннего развития шенгавитской культуры происходил лишь только переход к большесемейной организации, а внутрисоциальное разделение труда не привело к резкой имущественной дифференциации, господству частной собственности и оформлению классового общества на этой основе. Существенные различия в культурном уровне наблюдаются лишь между крупными областями распространения шенгавитской культуры, а не между отдельными поселениями внутри микрорегионов.

3. В противоположность шенгавитской триалетская культура, датируемая (если исключить из нее курганы Триалети раннего бронзового века) первой половиной II тысячелетия до н.э., представляет хозяйство скотоводческо-земледельческого типа с выраженным преобладанием экстенсивного скотоводства. Скот, по-видимому, становится общераспространенным объектом частной собственности, средством накопления индивидуального богатства в виде предметов роскоши. В этих условиях на смену внутрисоциального приходит межсоциальное (может быть, точнее, - межэтническое) общественное разделение труда, с чем связан упадок собственного ремесленного производства (особенно металлообработки) триалетской культуры. В настоящее время не только типология форм, но и данные спектрального анализа указывают на это явление. Накопление индивидуальных сокровищ, представленных инвентарями курганов, свидетельствует о

вполне сложившемся институте частной собственности. Устанавливается резкая дифференциация могильников, которая проявляется не только в топографии, размерах и конструкциях погребальных сооружений, различиях в богатстве погребального инвентаря, но и в разнице всего археологически засвидетельствованного облика культуры рядового населения и аристократической верхушки. В рамках триалетской культуры, по крайней мере в некоторых областях ее распространения, с нашей точки зрения происходил переход к классовому обществу.

4. Вместе с упадком шенгавитской культуры перестали использоваться такие общественные достижения, как системы искусственного орошения, ряд архитектурных навыков, часть опыта в области ремесленной технологии и искусства. Изменения социальных императивов вели к изменению фонда реализуемого культурного наследия. Однако прерывистость в развитии культуры, наблюдаемая между шенгавитской и триалетской археологическими культурами, не сопровождалась перерывом в процессе становления классового общества. Напротив, новые формы хозяйства и общественного разделения труда ускорили социальную дифференциацию.

5. Сопоставление обществ, реконструируемых для шенгавитской и триалетской археологических культур, отчетливо раскрывает относительный характер объективного исторического прогресса. Во-первых, выявление прогресса возможно лишь в сравнении более ранней социокультурной системы (шенгавитской) с более поздней (триалетской) и всеми позднейшими эпохами социокультурного развития Армянского нагорья и Южного Кавказа. Во-вторых, при смене одной системы другой часть их элементов прогрессировала (социальная организация), другая, наоборот, регрессировала (ирригационное земледелие). В-третьих, внутренний регресс технологии (относительный упадок собственной металлообработки триалетской культуры), благодаря межсоциумному разделению труда, компенсировался качественно новым уровнем прогресса в области внешних связей триалетской культуры. Взаимоотношение прогрессивного и регрессивного в шенгавитской и триалетской культурах раскрывается и в сравнении с двумя общими критериями всемирно-исторического прогресса. Первый из этих критериев выражает общую тенденцию постепенной социальной и культурной интеграции. Если исходить из дру-

того критерия, прогрессивными могут считаться такие социокультурные системы, которые, с одной стороны, достигают наиболее равновесных отношений с природной средой и внутри самих себя, а с другой - достигают наименьшей степени зависимости от внешней среды и легко восстанавливаются в случае непредвиденных нарушений функционирования. По первому критерию, как шенгавитская, так и триалетская культуры характеризуют собой качественно различные, закономерные ступени социокультурной интеграции древней Передней Азии. Шенгавитская культура являет собой высокую степень гомогенности на обширной территории. Триалетская культура, занимая значительно меньшую территорию и будучи гетерогенной, по ряду признаков характеризовалась более далекими и интенсивными связями. По второму критерию, как шенгавитская, так и триалетская культуры продолжительное время обеспечивали адаптацию специфического социального и этнического развития к условиям внешних - природной и этнокультурной сред.

6. С проблемой прогресса в бронзовом веке Армянского нагорья и Южного Кавказа неразрывно связан вопрос о значении шенгавитской культуры, который может быть рассмотрен в двух основных аспектах: логико-познавательном и историческом. Первый аспект в основном выражается значением модели шенгавитской культуры, имеющей эвристическую ценность. Что касается исторического значения, то оно имеет двоякое содержание. Во-первых, оно выражено прогрессивными компонентами социальной организации и культуры, реконструируемыми при анализе шенгавитской археологической культуры. Эти компоненты были непосредственно включены в дальнейшее социокультурное развитие рассматриваемого региона. Во-вторых, его определяют те элементы пассивного культурного наследия шенгавитской культуры, которые, не будучи впоследствии актуализованы, представляли собой необходимые решения в сфере хозяйственного и бытового освоения окружающей среды определенными социальными организациями. Данные элементы (способы ирригации, некоторые формы скотоводства, многокомнатный большесемейный дом и др.) должны были возродиться впоследствии и возрождались в силу исторической необходимости.

М.Н. ПОГРЕБОВА

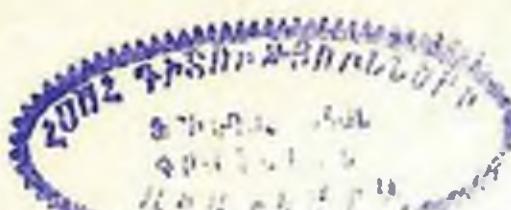
РОЛЬ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ

1. Значение возникающих между народами контактов в истории человечества и в развитии культуры получило в науке широкое признание. Тезис о контакте народов и слиянии их культур как главных стимулов прогресса по существу не вызывает возражений. Сложнее вопрос о степени влияния таких контактов на возникновение общих или близких форм в культуре разных народов. Вопрос этот актуален не только для археологии, но в равной степени для этнографии и фольклористики. Именно этнографами были первоначально сформулированы такие понятия, как культурная диффузия, противопоставленная эволюции, т.е. внутреннему поступательному развитию общества.

2. В трудах этнологов и культурологов вопросы о роли заимствований в развитии культуры и о путях таких заимствований получили теоретическое, хотя и не всегда однозначное осмысление. Этими специалистами разрабатывались подходы о механизме перенесения тех или иных культурных элементов, их интерпретации в свете диффузионизма или эволюционизма, о принципах развития культуры и т.п. Отдельные концепции и направления вызывают возражения, но многие выводы представляют бесспорный интерес и для археологии. Так, в частности, заслуживает безусловного внимания вывод о взаимодействии культур как о сложном процессе, в результате которого нередко возникает явление, качественно новое.

3. Нельзя не учитывать и те критерии, которые вводились этнографами для сравнения различных культур. Таков, например, критерий формы, не вызванной утилитарными потребностями, количественного совпадения, а также критерий пространственной и хронологической оценки культурного факта. Базис и критерий наличия или отсутствия промежуточных стадий развития, критерий сходных элементов, имеющих равное значение в близких и дальних культурных комплексах и ряд других. Особого внимания заслуживает положение о наличии коммуникативной системы, понятной всем, втянутым в культурные контакты обществом.

4. Вопрос о природе похожих элементов в культурах разных на-

родов особо рассматривался в трудах фольклористов. Четкое определение понятия историко-типологических, генетических и контактных связей, позволяющее разграничить разные типы сходений, имеет значение, выходящее за пределы той отрасли науки, на базе которой оно было сделано. Анализ фольклорного материала убедительно продемонстрировал возможность независимого возникновения одинаковых коллизий тогда, когда их появление обусловлено историко-типологическим развитием каждого отдельного народа. Это не отрицает и возможности заимствования и передач при наличии соответствующих условий.

5. В археологии вопрос о принципах сравнения и интерпретации полученных результатов решается главным образом эмпирически. Теория, как таковая, по существу не разработана, хотя известные усилия в этом направлении и предпринимаются. Выработывались, в частности, критерии археологических показателей диффузии, делались попытки рассчитать скорость распространения некоторых культурных элементов, разрабатывались различные ситуации культурных контактов и их отражения в археологии.

6. Очевиден тот факт, что вещи однотипные встречаются у разных народов, географический и хронологический контакт между которыми не был возможен, что не позволяет допустить заимствование. В то же время разница социально-экономических условий не позволяет считать отмеченное сходство результатом породивших их структур. Все это свидетельствует о том, что отдельные совпадения в материальной культуре разных народов еще ничего не значат. При выявлении исторических контактов значение имеет не только и не столько количество материала, сколько его характер, распределение и ряд сопутствующих факторов, первое место среди которых занимает историческая вероятность.

7. В археологии значительно чаще, чем с чисто импортными или копирующими их вещами, приходится иметь дело с выборочным подражанием, введением отдельных инокультурных элементов. Это, очевидно, связано с тем особым значением, которое придавалось вещи в традиционных и архаических культурах. Особую сложность представляет вопрос о принципах определения степени "похожести" отдельных вещей.

8. Сложный процесс развития культуры, постепенно впитывающей и перерабатывающей инокультурные элементы, но сохраняющей при этом свою самобытность, хорошо прослеживается в Закавказье в эпоху поздней бронзы - раннего железа. Помимо распространенных достижений чисто технических, заимствуются отдельные формы, сюжеты, иногда композиции. Выборочность этих деталей не случайна. Все они так или иначе связаны с системой представлений воспринимавшей культуры или могут быть переведены на ее язык. Подобные заимствования - один из мощных факторов культурного прогресса, повимаемого в широком смысле.

В.С.БОЧКАРЕВ

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ПРОГРЕСС СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ
(По материалам поры поздней бронзы юга Восточной
Европы)

1. В южной половине Восточной Европы, как и на большей части европейской степи и лесостепи, эпоха поздней бронзы открывается свитой новых культур (срубная, андроновская и др.). Вместе с этими культурами происходит становление и развитие комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, которое позволило с небывалой доселе полнотой осваивать степные и лесостепные пространства и тем самым стимулировало колонизацию новых земель. Более устойчивая экономика и прочная оседлость благоприятно сказались на развитии металлургии и металлообработки, обогащенных серий новых технических и технологических приемов. С этой поры металлические изделия стали широко внедряться в сельское хозяйство, деревообработку, горное и военное дело. Расцвету металлообработки в сильной степени способствовал также слой "военной аристократии" (Е.Е.Кузьмина), возникновение которой, очевидно, связано с процессом дислокации культур или их отдельных групп. Этот процесс не всегда протекал мирно, о чем мы можем судить по появлению укрепленных поселений и настоящих крепостей, многочис-

ленных погребений мужчин, погибших от стрел, и таким памятником, как Пепкинский курган (А.Х.Халиков) и др. К этой же поре (XУП-ХУ вв. до н.э.) приурочены погребения "военной аристократии", которые иногда составляют целые родовые (?) могильники (Покровск, Синташта). Аналогичные могильники того же времени открыты в лесной зоне Восточной Европы и Западной Сибири (Сейма, Турбино, Ростовка и др.). Все они отличаются не только богатством инвентаря, особенно воинского, но и так называемым культурным синкретизмом. В них присутствуют не только элементы соседних культур, но и очень отдаленных (карпато-дунайских, южнобалканских, северокавказских, сибирских). Последнее обстоятельство указывает как на высокий общественный статус погребенных, так и на вероятность далеких грабительских походов. В среде этой "аристократии", которую отличает "культурный космополитизм", возникает эффективная система наступательного вооружения, включающая легкую (очевидно, двухместную) боевую, конную колесницу (Синташта, Спасеное, Сухая Саратовна, Петровна и т.д.), лук, мощное копье (длиной 20-50 см), кинжал. Структурно сходная система вооружения зафиксирована у поздних хеттов и ассирийцев ( ). В атаке основным оружием колесничих был лук со стрелами, снабженными крупными кремневыми наконечниками сейминского и турбинского типов. Появляются и металлические стрелы - черешковые или втульчатые. В спешном положении и в поединках применялись копья различных типов и кинжалы. Для борьбы с колесницами противника кроме лука использовали специальные копья с крюками (Ростовка). Из защитного вооружения известны деревянные щиты (Наталино) и роговые латы (Ростовка).

Кроме этого оружия колесничих в состав боевого снаряжения различных культур входили проушные топоры (срубная, андроновская), топоры-клевцы (андоновская), клевцы, кельты, боевые ножи, редко дротики (Сейм-Турбино-Ростовка), булавы, пращи (срубная, андроновская).

Сравнительный анализ показывает, что в XУП-ХУ вв. до н.э. население Юго-Восточной Европы и прилегающих с востока территорий обладало одним из самых мощных военных потенциалов того времени. Военная мощь опиралась на успехи сельскохозяйственного про-

изводства (обилие лошадей), металлообработки (цельнолитое бронзовое оружие, плотничьи инструменты) и деревообработки (колесницы). Все это в конечном счете и обеспечило успех грандиозных миграций той эпохи.

2. Бурная эпоха 2-й четверти II тыс. до н.э. после передвижения основной части срубной культуры в пределы степной и лесостепной Украины сменяется общей культурной стабилизацией. В XIУ-XII вв. до н.э. степь от Дуная до Волги покрывается сетью укрепленных селищ, курганными и грунтовыми могильниками с тысячами погребений, которые отличаются удивительной простотой и единообразием. Среди них исчезают "богатые" погребения и вообще сколько-нибудь отклоняющиеся от общей нормы. Несмотря на общий культурный подъем, общество сабатиновского этапа представляется слабее дифференцированным, чем в предшествующую эпоху. Нет никаких признаков существования и "военной аристократии". С этим вполне коррелирует то обстоятельство, что в XIУ-XII вв. до н.э. кардинально меняется набор вооружения. Сохраняя типологическую преемственность с предшествующей эпохой, копье трансформируется в легкий дротик, в том числе и специализированного вида (красномаяцкий тип), а кинжал - в короткий рубящий меч сосново-мезинского и красномаяцкого типов, явно предназначенных для пешего боя. Судя по всей совокупности источников резко сокращается боевое применение лука и колесниц. О существовании последних мы можем предполагать только по находкам стержневых псалий и некоторых бронзовых поделок (Лозово). Но более или менее широкое применение такой дорогой военной машины почти автоматически подразумевает наличие военной знати (Э.А. Грантовский), чего не подтверждают источники XIУ-XII вв. до н.э. (в частности, отсутствует дорогое оружие).

Резюмируя сказанное, можно заключить, что новая система вооружения предназначалась для пешего боя.

Из других видов оружия, которые дополняют нарисованную картину, следует назвать кинжал, кельт (в ядроновской культуре - проушный топор), булаву, пращу, деревянный щит, обтянутый бронзовой пластиной (Борисовка).

3. В белозерское время (XII-X вв. до н.э.) продолжается раз-

витие срубной культуры без каких-либо кардинальных перемен. Набор оружия остается прежним, хотя оно и претерпевает типологические изменения. К этому следует добавить еще три обстоятельства, которые отличает белозерский этап: а) кризис бронзолитейного производства, вызванный внешними причинами (следствием этого было раавитие железоделательного производства); б) черты социальной и имущественной дифференциации, что нашло отражение в погребальном обряде; в) признаки освоения верхнего кося и зачатки новой системы вооружения. Правда, по последнему пункту мы имеем только косвенные данные, основанные на морфологическом и структурном сходстве белозерских и киммерийских псалий и появлению длинных кинжалов или коротких мечей с параллельными лезвиями (Волошское).

4. Третья реформа вооружения происходит в IX-УШ вв. до н.э. и связана она с возникновением кочевого скотоводства и переходом к веку железа. В киммерийское время на первое место выдвигается конный стрелок из лука, вооруженный также кинжалом, железным мечом с параллельными лезвиями, длинным копьем, секирой (А.И.Терезножкин).

5. В заключение обратим внимание на три общих положения, которые вытекают из проведенного обзора: а) совершенно ясно просматривается зависимость систем вооружения от общего состояния общества и политической ситуации; б) системы вооружения эпохи поздней бронзы в пределах степи принципиально были едины, но источники инноваций имели восточное происхождение; в) в условиях степи непосредственное и прямое влияние на выбор системы вооружения оказывали средства передвижения в бою.

В. А. АЛЕКСИН

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА И ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

I. Производственная деятельность древних людей во многом определяет формы их общественной организации, которая наиболее ярко отражается в погребальных обрядах древних обществ. Так, для

архаических обществ охотников и рыболовов (мезолит Европы) характерна слабо выраженная дифференциация мужского и женского труда. Анализ соответствующих погребений показывает, что мужчины и женщины в равной степени выполняли некоторые основные виды работ (сбор моллюсков, изготовление орудий труда). Тем не менее эта дифференциация все же имела место: мужчины занимались охотой и рыбной ловлей, женщины - изготовлением украшений. Хотя в основной массе мужские погребения богаче женских, анализ погребального инвентаря свидетельствует о равном общественном положении мужчин и женщин. Иерархия поло-возрастных классов населения также выражена весьма слабо. Мужчины старше 20 лет и женщины 20-40 лет являлись полноправными членами своих коллективов. Подчиненное место в иерархии поло-возрастных классов общества занимала только группа женщин 40-60 лет. Социальная структура обществ с экономикой присваивающего типа аморфна. Бедные и богатые погребения имеются только в Западной Европе (Франция), где представлено четыре группы погребений: а) без инвентаря; б) с украшениями; в) с орудиями труда; г) с орудиями труда и украшениями. Бедные и богатые могилы, как правило, обусловлены причинами смерти, половозрастными градациями, идеологическими мотивами, профессиональной ориентацией умерших. Только в трех случаях богатые мужские погребения можно интерпретировать как захоронения вождей или старейшин. В обществах охотников и рыболовов господствуют одиночные погребения. Наличие в ряде случаев двойных и коллективных погребений может свидетельствовать о существовании малой семьи, состоящей из мужа, одной или двух жен и их детей. Малочисленность таких погребений, видимо, объясняется тем, что экономическая самостоятельность отдельных малых семей еще не отличалась достаточной стабильностью.

2. Сложение экономики производящего типа (земледелие и скотоводство), появление металлургии меди не сразу вызвали существенные изменения в социальной организации коллективов еще недавно занимавшихся охотой, собирательством и рыболовством. На ранних стадиях становления экономики производящего типа (УШ-УП тыс. до н.э. Иран, Малая Азия, Месопотамия) социальная структура обществ еще весьма аморфна, почти ничем не отличалась от соци-

альной структуры общества с присваивающей экономикой. Представлены 3-4 типа инвентаря (орудия труда; украшения; орудия труда и украшения; сосуды). В УІ - начале III тыс. до н.э. количество типов инвентаря возрастает до 8. Наличие бедных (без инвентаря), стандартных (I-3 типа вещей в могилах), богатых (I-6 типов вещей в могиле, включая каменные сосуды и украшения из меди) погребений свидетельствует о интенсивно протекающем процессе имущественной и социальной дифференциации древнеземледельческого населения. Зафиксированы погребения вождей (символы власти) и служителей культа (женские статуэтки). Во второй половине III тыс. - начале II тыс. до н.э. социальная структура раннеземледельческих обществ усложняется еще больше. Количество типов инвентаря возрастает до 17. Резко увеличивается полярность бедных и богатых погребений. В бедных могилах инвентарь качественно и количественно не возрастает. В богатых могилах зафиксировано до 15 типов предметов, включая изделия из золота, серебра, бронзы. Повсеместно известны погребения вождей и жрецов различных рангов в могилах которых положены символы власти и культовые предметы. В большом количестве появляются погребения с печатями (свидетельство развития института собственности) и оружием. В эпоху раннеклассовых обществ (Месопотамия) имущественное и социальное расслоение общества достигает апогея. Наряду с погребениями богатых общинников зафиксированы гробницы знати и царей. Таким образом, начиная с УІ тыс. до н.э. раннеземледельческие общества характеризуются чрезвычайно развитой системой социальных градаций различных рангов. Погребальные обряды древних земледельцев фиксируют четкие различия в производственной деятельности мужчин и женщин. Мужчины занимались сельскохозяйственными работами, женщины - различными видами домашних производств (шитье, плетение корзин, ткачество, вязание, приготовление пищи). Наборы погребального инвентаря в могилах (УШ - начало III тыс. до н.э.) свидетельствуют о равном положении мужчин и женщин в обществе. В дальнейшем наблюдается постепенное обеднение женских захоронений и увеличение богатства инвентаря мужских погребений, которое приобретает особо яркие формы к концу III тыс. до н.э. в раннеклассовых обществах имущественное и социальное превосходство мужчин

несомненно. Эти изменения являются следствием развития патриархальных отношений в раннеземледельческих обществах, которые приводят постепенно к утрате женщинами равного с мужчинами социального престижа и к господству мужчин в экономической и социальной организации древнеземледельческих обществ. На ранней стадии развития экономики производящего типа взрослые мужчины и женщины старше 20 лет являются полноправными членами общин. Бедный погребальный инвентарь в могилах мужчин и женщин 50-60 лет, видимо, обусловлен их подчиненным положением в обществе, что могло быть связано с их меньшим участием в производственной деятельности общин. Со второй половины III тыс. до н.э. богатые наборы инвентаря, как правило, встречаются только в могилах мужчин 20-50 лет. Погребения мужчин 50-60 лет выглядят несколько беднее, но все же богаче, чем раньше. В женских могилах погребальный инвентарь, как правило, беден, либо его вообще нет. Самыми бедными являются могилы пожилых женщин 40-50 лет. Отмеченные факты свидетельствуют о наличии в раннеземледельческих обществах жесткой иерархической системы поло-возрастных классов населения. В древнеземледельческих общинах чрезвычайно распространен обряд коллективных погребений, свидетельствующих о сложении большесемейной общины на Ближнем Востоке уже в УП-УІ тыс. до н.э.

3. Сравнивая схемы развития общественных отношений древнеземледельческих племен юга Средней Азии с вышеприведенной схемой развития общественного строя древних земледельцев Ближнего Востока, можно сделать два вывода. Первый вывод заключается в том, что до рубежа III-II тыс. до н.э. социальная организация земледельческих общин юга Туркмении тождественна социальной организации земледельцев Ирана, Малой Азии и Месопотамии. Общины древних земледельцев юга Туркмении на рубеже III-II тыс. до н.э. стояли на той стадии общественного развития, которая предшествует эпохе раннеклассовых обществ. Однако во II тыс. до н.э. раннеклассовое общество на юге Туркмении не сложилось - помешал кризис культуры юга Туркмении в конце периода Намазга У. В сфере погребальной обрядности этот кризис проявился следующим образом: вещи культового характера, бусы из полудрагоценных пород камня, будавки с зооморфными навершиями, изделия из золота и серебра исчезают из на-

боров погребального инвентаря. Резко сокращаются случаи находок печатей в могилах. Сохраняется 4 типа наборов (время Намазга VI) вместо 9 типов наборов в предшествующий период (время Намазга V). Прекращается практика коллективных погребений. Типы наборов инвентаря и его распределение в мужских и женских могилах (преобладание печатей в женских погребениях) свидетельствуют о том, что социальная организация населения юга Средней Азии времени Намазга VI более архаична, чем в предшествующий период. Стадиально этот тип социальной организации тождествен социальной организации земледельческих племен Ирана и Средней Азии рубежа III-I тысяч. до н.э. (Гисер I-II). Таков второй вывод, который следует из анализа погребального обряда юга Туркмении эпохи поздней бронзы. Аналогичные погребальные обряды распространяются в эпоху поздней бронзы в сопредельных с южной Туркменией регионах: юго-запад Туркмении (Сумбарские могильники), юг Узбекистана (культура Сапанди), север Афганистана (памятники типа Дашлы). Очевидно, в эпоху поздней бронзы на юг Туркмении вторгается иную культурное население, находящееся на более архаичной стадии общественного развития, основу хозяйства этого нового населения также составляла экономика производителя типа. Новое население пришло в южную Туркмению скорее всего из районов южного Узбекистана, где распространена в рассматриваемый период культура Сапанди. Происхождение последней можно связать, основываясь на ряде специфических черт погребального обряда (парные погребения, могилы воинов и ремесленников, наборы бронзовых украшений) с зоной культур степной бронзы. Вторжение иную культурного населения, находившегося на той стадии общественного развития, когда имущественное расслоение населения еще не привело к кардинальным изменениям социальной структуры общества, надолго приостановило процесс естественного перехода земледельцев юга Туркмении к раннеклассовому обществу. Подобный регресс в сфере развития общественных отношений, очевидно, может иметь место только в период формирования основ раннеклассового общества. В сложившемся классовом обществе этот феномен не зафиксирован, как показывает исторический опыт Месопотамии, которую неоднократно завоевывали воинственные племена горцев Загроса, находившихся на более низкой стадии общественного развития.

II. КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, ИХ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В.И.МАРКОВИЧ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

1. Вопрос о взаимодействии разнокультурных племен эпохи бронзы на территории Северного Кавказа не нов, но его решение почти всегда ограничивается констатацией обменных связей и взаимовлияний. Рассмотрение его в виде исторического процесса, имеющего свои положительные (прогрессивные) и отрицательные (регрессивные) стороны представляет значительные трудности и требует параллельного изучения синхронных культур.

2. Известно, что на территории Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы обитали племена двух культур - майкопской и куроаракской. В зоне их соприкосновения (северо-западная часть горной Чечено-Ингушетии и прилегающие районы Северной Осетии) местные жители в области производства пользовались успехами обеих культур. Надо ли их считать более передовыми по сравнению с обитателями глубинных районов названных культур? Этот небольшой пример показывает всю сложность разрешения поставленного вопроса.

3. Контакты майкопских племен со строителями западнокавказских дольменов на позднем этапе (примерно XXIV-XXII вв. до н.э.), именуемом иногда новосвободненским, дали странное сочетание дольменных построек с инвентарем майкопского облика. Установлено, что дольмены, как погребальные сооружения, не характерны для носителей майкопской культуры. Однако продвигаясь к востоку от своей основной территории, они изредка строили дольменовидные гробницы (Нальчик, Кизипен). Возникает мысль, что далеко не мирные отношения между строителями дольменов и "майкопцами" привели к появлению мемориальных могил новосвободненского типа, а затем, в подражание им, и центральнокавказских захоронений.

4. Северокавказская культурно-историческая общность, несомненно, состоящая из нескольких близко родственных культур -ва-

риантов, на раннем этапе генетически связаны с майкопскими памятниками. Это замечено на материалах погребений и некоторых вещевых комплексах. Мастерство в изготовлении предметов из металла (мышьяковистые бронзы), в шлифовке и полировке твердых пород камня, формовке керамической посуды, богатство декора — все свидетельствует о дальнейшем поступательном развитии культуры местных племен. К тому же со II тыс. до н.э. начинают осваиваться высокогорные районы Северного Кавказа, стоящие на подступах к перевалам через Главный хребет.

5. Древние жители северо-восточной части Кавказа — современных Чечено-Ингушетии и Дагестана — создали самобытную культуру, которую даже предлагали называть культурой "обмазанной керамики", так как находимая здесь посуда покрыта густым слоем грубой обмазки. Возникнув еще в неолите, эта черта проходит через тысячелетия, приобретая в скифское время декоративный характер. Контакты между населением более западных районов и местными жителями надо считать плодотворными для обеих сторон. Пожалуй, они были даже необходимее для северо-востока, так как в обнаруженных здесь памятниках часто встречается металлическое литье, украшенное выпуклым узором.

6. К середине II тыс. до н.э. на территорию Северного Кавказа началось продвижение носителей катакомбной — предкавказской культуры (второе название нам представляется не очень верным и несколько искусственным). Оно отодвинуло в горы, местами даже к Главному хребту значительную часть чисто местных племен. Степняки захватили почти все Прикубанье, проникли в приморскую часть Дагестана. Форма оставленных ими могил, катакомб, напоминающая юрты и кибитки, свидетельствует о преимущественно кочевом образе жизни. Для жителей Северного Кавказа их вторжение не было прогрессивным. Пожалуй, они почти ничем не обогатили культуру местных племен. Предвигаясь в горы, сами степняки растворялись в среде аборигенов. Обнаруженные памятники указывают на то, что они окружили себя местными предметами, исключение составляют курильницы и редкие на Северном Кавказе бронзовые ножи — "красавки". Горный Дагестан оказался недостижимым для степняков, и здесь продолжался последовательный путь развития культуры. К на-

чаду I тыс. до н.э. древнее население Северного Кавказа справи-лось с последствиями прихода степных племен. Оно заметно освоило культурные достижения эпохи, чему способствовали связи с Закавказьем.

В.Б.ВИНОГРАДОВ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА В
ВОСТОЧНОЙ ЧЕЧНЕ

(Эпоха бронзы)

1. Высказанное недавно сожаление по поводу того, что "сейчас в Чечено-Ингушетии памятники эпохи бронзы почти не изучаются" (В.И.Марковин, М.Б.Музухоев; 1979) далеко от объективности, так как не учитывает тех разнообразных чисто полевых и аналитических результатов, которые получены после 1966 г. (т.е. после завершения раскопок в крае В.И.Марковина) главным образом грозненскими археологами (В.Б.Виноградов, М.Х.Ошаев, В.А.Петренко, С.Л.Дударев, К.З.Ерзункаева, Б.М.Хашегульгов и др.). Вернее говорить о фрагментарной информированности специалистов о таких безовых памятниках, как Мало-Харсеновский, Зандакский могильники, Курчалоевский "золыник" и др., и о неравномерной изученности территории Чечено-Ингушетии. В юго-восточной Чечне исследуется в последнее время ряд новых перспективных некрополей, в том числе у сел. Бельты (Ножай-Мртвовский район).

2. Бельтинский могильник дал пока 33 разнотипных погребения (коллективные - от 2 до 12 костяков - гробницы, индивидуальные каменные ящики, грунтовые могилы; положение костяков, скорченное на боку, есть и вторичные - расчлененные - погребения) с весьма выразительным и многообразным инвентарем. Его основной материал может быть датирован в рамках ХУП-ХП вв. По основным своим признакам этот памятник приобретает характер прежде отсутствовавшего промежуточного звена между памятниками горно-предгорной зоны типа Гатын-Кале и объектами каякентско-харачоевского облика (Харачой, Белгатой, Дарго и др.). Можно считать, что некрополь в основном

предшествует по времени, но частично и синхронен Бачи-Юртовским могильникам № 2 и № 4, Курчалоевскому зольнику (XIII-XII вв. до н. э., по В.И.Марковину и М.Х.Ошаеву). Последние традиционно относятся к числу каякентско-харачоевских, но их оригинальный облик, получающий дальнейшее развитие в Майртупском могильнике № 2, представляет собой, на наш взгляд, некую боковую линию развития, исходно базирующуюся на памятниках типа Гатын-Каде и Бельты). Основная же ветвь генезиса воплощена в горно-предгорных древностях западного (ичкеринского) варианта каякентско-харачоевского культурного облика. В свете накопленных материалов представляется объективным и нуждающимся в разработке предлагаемое М.Х.Ошаевым (на примере Бачи-Юртовских могильников) разделение (ныне признаваемого для эпохи бронзы в восточной Чечне) этнокультурного единства (зоны А, по В.И.Марковину) на два локальных ареала: горно-предгорный с характером памятников типа Гатын-Каде - Бельты - Харачой и плоскостной - Бачи-Юрт - Курчалой - Майртуп.

3. Первый из них в хронологических рамках средней бронзы отнюдь не является, в чем прав В.И.Марковин, органической частью гинчинской (по М.Г.Гаджиеву) культуры, так как обладает явственно-удовимыми отличиями и может рассматриваться как отдельная этнолокальная группа (причем, очевидно, вовсе не единственная на территории Чечни, ибо, например, Мало-Харсеновский могильник при известном сходстве достаточно далеко "отошел" от гатын-калинской "классики") внутри крупной восточнокавказской праджестанской культурно-исторической области. В ее недрах появляются те черты материальной и духовной культуры, которые в эпоху поздней бронзы определяют облик "харачоевских" древностей. Нельзя безоговорочно принимать хронологическую шкалу В.Г.Котовича для памятников бронзового века Восточного Кавказа. Свообразие в эволюции местной культуры Чечни должно быть причиной длительного и устойчивого сохранения основных традиционных "харачоевских" черт вплоть до начала раннежелезного века (и последующего их переживания). Но, вероятно, В.Г.Котович был дальновиден, когда отказался видеть в каякентско-харачоевских древностях отдельную археологическую культуру и трактовал их лишь как воплощение "каякентско-харачоевского этапа".

4. Прогресс в любом из локальных районов должен более всего зависеть от внутреннего производственного потенциала данного общества, развивающегося в условиях реальности процесса самосохранения. Вместе с тем, по мере развития общества, неизбежно растет многообразие информационных каналов и повышается уровень коммуни- кабельности (С.А.Арутюнов, В.М.Массон). Известные ныне памятники эпохи бронзы в юго-восточной Чечне позволяют проследить постепенное развитие производящего хозяйства (скотоводства, металлургии, керамического дела и пр.). Параллельно усиливаются связи с внешним миром, что демонстрируется, в частности, богатством и разнообразием украшений — прежде всего пышных ожерелий из пастовых, каменных бусин и морских раковин. Происходят и знаменательные перемены социального порядка. В частности, на Бельтинском могильнике нередко фиксируются неглубокие, бедные вещевым сопровождением индивидуальные грунтовые погребения (возможно, свидетельство существования патриархального рабства) рядом с монументальными гробницами, в которых присутствуют щедрые и разнообразные наборы сопутствующих предметов, в том числе отрядкового вооружения. Уда-ются также археологически проследить распад большесемейных коллективов и утверждение роли малой семьи.

5. Эти (и иные) уловимые процессы резко активизируются на рубеже II-I тыс. до н.э., когда к местной динамике активнее прибавляются факторы внешнего воздействия, в их числе — миграционная волна племен кобанской культуры. На этом (завершающем) этапе эпохи бронзы исторические судьбы генетически родственных обитателей горно-предгорной и плоскостной зон восточной Чечни в целом еще больше расходятся. Однако в разыгравшихся событиях таиндись пред-посылки будущего развития населения Ичкерии в сторону постепенного сближения (отнюдь не пассивного!) с протовайнахским этническим массивом остальной территории края — носителем, как надо полагать, кобанской культуры. Этот этап этнокультурного прогресса невозможно и нереально считать результатом "кобанской аннексии", как это полагает В.И.Козенкова (1979). Еще предстоит исследовать истинное соотношение коренного (субстратного) и пришлого, кобанского эле-ментов.

К.Н.ПИЦХЕЛАУРИ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

1. За последнее время в Восточной Грузии между эпохами средней и поздней бронзы стало возможно выделить несколько новых ступеней развития материальной культуры. Это - заключительная стадия эпохи средней бронзы, переходной этап между эпохой средней и поздней бронзы, и ранняя ступень эпохи поздней бронзы. На этой основе была выявлена генетическая взаимосвязь материальной культуры первой и второй половины II тыс. до н.э.

2. Материалы выделенных нами новых этапов развития материальной культуры с более или менее заметными отклонениями идентичны на всей территории Центрального Закавказья и их распространение почти полностью совпадает с границами так называемой триалетской культуры эпохи средней бронзы. В Центральном Закавказье на базе этой культуры четко выделенные локальные варианты формируются со второй ступени эпохи поздней бронзы. На вновь выделенных этапах материальная культура Центрального Закавказья в основном продолжает все местные традиции, что и связывает ее генетически как с предыдущими, так и с последующими ступенями развития. Однако на переходном этапе между эпохами средней и поздней бронзы почти полностью заменяются местные типы некоторого бронзового оружия переднеазиатскими, и последующее их развитие протекает на этой основе.

3. На втором этапе эпохи поздней бронзы в некоторых частях Центрального Закавказья появляется бронзовое оружие и украшения, не имеющие местных прототипов, но находящие близкие параллели с более древними и синхронными материалами Восточной и Центральной Европы. Примечательно, что это оружие в Восточной Грузии так же внезапно исчезает как и появляется, после чего развитие в этом регионе опять продолжается на местной основе. В связи с этим очень важен факт нахождения центральнозакавказских бронзовых предметов в Восточной Европе.

Э.В.ХАНЗАДЯН

РАЗВИТИЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛИЧЕСКИХ КУЛЬТУР АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ

В эпоху палеометалла на территории Армянского нагорья сложились высокоразвитые культуры, характеризующиеся крупными сдвигами хозяйственно-экономического, идеологического и социального характера.

1. В прогрессе всего общества Передней Азии и Кавказа в эпоху древней бронзы особенно активную роль сыграла культура, выделенная и названная еще в 30-х годах Б.А.Куфтиным куро-аракской. Большинство исследователей эту культуру датируют концом IУ-Ш тыс. до н.э. Ученые выделяют три разновидности куро-аракской культуры - шенгавитского типа, шиди-картлийского и северокавказского.

2. Памятники шенгавитского типа занимают обширную территорию от р.Куры до Армянского Тавра, от куро-аракского двуречья до верховьев р.Евфрат. Эта культура выделяется самобытной керамикой местного происхождения, придающей ей своеобразный облик. Несмотря на широкий ареал распространения, шенгавитская культура на всем протяжении своего развития сохраняет присущие ей общие признаки.

3. Продолжая многовековые традиции местной оседло-земледельческой культуры, шенгавитская представляла собой качественно новую ступень развития общества. Наблюдается прогресс во всех сферах хозяйственной и общественной жизни. Особенно развивается архитектура и строительная техника. Различные геоклиматические условия Армянского нагорья, безусловно, явились определяющим фактором оформления закономерностей топографии, планировки и архитектуры шенгавитской культуры. Преобладающим типом постройки было круглое в плане жилище.

4. Мощное развитие экономики базировалось на пашенном зем-

леделии и отгонном скотоводстве, гармоничное сочетание которых обеспечивало его неуклонный подъем. Довольно развитое пашенное земледелие с применением тягловой силы крупного рогатого скота сочеталось с искусственным орошением. Безусловно, лишь наличие земледелия с регулярной ирригацией могло обеспечить оседлую жизнь, существование которой в Армянском нагорье подтверждается многослойностью поселений.

Повышению производительного потенциала земледелия стимулировал подъем бронзолитейного дела. Металлические орудия обеспечивали земледелие новой техникой, благоприятствовали совершенствованию земледельческих орудий. Значительно расширился ассортимент культурных растений. Подъем земледелия и освоение новых посевных площадей в то же время способствовали появлению культурных растений с красящими свойствами. Новая отгонная форма скотоводства, в свою очередь, стимулировала развитие материальной культуры, способствовала росту и благосостоянию населения.

5. Решающим фактором прогресса шенгавитской культуры являлась металлургия. Армянское нагорье, богатое различными рудными месторождениями и лесами (топливом), естественно, стало колыбелью металлообработки и литья и сыграло важную роль в развитии древней цивилизации. В ранние периоды металла она являлась главной сырьевой базой для ряда стран Передней Азии и Кавказа (Ж.Морган, А.Иессен, Е.Черных). Местное население издревле специализировалось в добыче и обработке металла. В эпоху ранней бронзы торговля металлом приобретает особое значение, способствовала установлению регулярных, тесных контактов с указанными странами. Обмен технологией благоприятствовал повышению производственного потенциала шенгавитской культуры.

6. Развитие колесного транспорта (свидетельствуют разнотипные глиняные модели повозок) и, видимо, более раннее освоение верхового коня (косвенным доказательством которого являются скульптурные и орнаментальные изображения, а также остеологические остатки, выявленные в поселениях), в свою очередь способствовали развитию отгонной формы скотоводства, тесных контактов с древневосточным миром и информационных каналов, ускоряли темпы миграции, повышали прогрессивный потенциал культуры древней

бронзы Армянского нагорья.

7. Прогресс охватывал все сферы производства, в том числе и керамику, которая отличалась изяществом форм, чернолощеной поверхностью и своеобразным орнаментом. Вначале она характеризовалась определенным однообразием, частой повторяемостью форм и орнаментации. Эта культура по техническому и художественному качеству достигает высокого уровня развития. Хотя выделяются локальные варианты, однако в них наблюдается определенная общность. В финальном этапе своего развития керамика шенгавитской культуры становится более разнообразной, сохраняя при этом присущие ей признаки. Своеобразную группу составляют также скульптурные фигурки животных, круглые очаги и разнотипные подставки. Играя большую роль в быту, керамика шенгавитской культуры одновременно являлась важной отраслью народного творчества, отражала художественный вкус и верования носителей этой прекрасной культуры.

8. Прогресс широко отразился и на росте производительных сил. В результате сегментации и расселения этноса древнейших племен, Армянское нагорье покрывается густой сетью поселений. Здесь на расстоянии 1-2 км зафиксирован целый ряд стационарных поселений разной величины и с разной мощностью строительных горизонтов, с характерными глинобитными и сырцовыми постройками. Устанавливается иерархический ряд поселений. Среди них выделяются центральные поселения протогородского типа (Мецамор, Мохраблур, Арч).

9. Миграция становится характерной чертой этой культуры. Особенно большие масштабы она принимает в эпоху расцвета шенгавитской культуры (в середине III тыс. до н.э.). Наводняя Сирию, Палестину, Эгейский мир, она доходит до Средней Европы. Носителями этой культуры, как предполагают ученые (Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов), могли быть индоевропейцы, и территория индоевропейской прародины хронологически и пространственно могла совпадать с областью куро-аракской культуры.

10. Культура эпохи средней бронзы, датируемая концом III-I половиной - II тыс. до н.э., являлась непосредственным продолжением древнейших традиций шенгавитской культуры. Развиваясь в одной и той же этнической среде и имея с шенгавитской общие грани-

цы распространения, она представляла новую ступень исторического прогресса. Общество эпохи средней бронзы характеризуется более развитой, по сравнению с лентавитской, социальной организацией. Быстрые темпы социального и культурного прогресса были обусловлены новым подъемом земледелия и особенно экстенсивным развитием скотоводства. Активизация транспортных средств обеспечила интенсивное освоение предгорий и горных поясов Армянского нагорья, создавая новую экономическую базу. Являясь основным и самым большим источником прибавочного продукта, отгонное скотоводство способствовало накоплению богатства и выделению аристократической верхушки, что привело, возможно, к образованию классового общества. Наглядными свидетелями нового социально-хозяйственного строя являются громадные курганы вождей кированско-триадакской группы. В эпоху средней бронзы прогрессирует металлургическое производство, оснащенное новыми технологическими приемами. Появляются совершенно новые типы металлических вещей, особо выделяются высокохудожественные ювелирные изделия. Из-за отсутствия хорошо изученных и четко стратифицированных поселений этого времени данная культура эпохи средней бронзы изучена сравнительно слабо, и поэтому при определении археологических культур ученые основываются на керамику.

II. В эпоху средней бронзы, видимо, был завершен процесс этногенеза населения Армянского нагорья. Решающую роль в этом сыграли хайасы, зафиксированные в хеттских надписях с XV в. до н.э., этноним "хай" являлся самоназванием армян (И.М.Дьяконов).

12. Носителями культуры эпохи поздней бронзы (конец XV - XII вв. до н.э.), возможно, были хайасы. В указанное время культура бронзы достигает зенита своего развития. Армянское нагорье становится крупным горнометаллургическим центром Передней Азии (ассирийские клинописные источники II тыс. до н.э.). В эпоху развитой бронзы металлургическое производство сыграло большую роль в прогрессе экономики, появляются новые высокохудожественные бронзовые изделия, предметы конского снаряжения, прогрессирует оружейное дело - появляются новые синкретические формы. Качественно новые сельскохозяйственные орудия способствуют повышению производительности труда и накоплению материальных ценностей. Скотовод-

ство, в свою очередь, стимулирует прогресс. Цитадели с мощными укреплениями становятся производственными центрами и резиденциями аристократической верхушки. Экономический расцвет укреплял политические права привилегированного класса, о чем явно свидетельствуют подмурганые захоронения Дчашен-Мецаморской группы с возками, с символами власти и культа, с богатым набором инвентаря, подчеркивающими особый социальный статус захороненных лиц.

13. Кардинальные изменения социально-экономического характера, происходящие в эпоху раннего железа (XI-IX вв. до н.э.), способствовали созданию новых политических образований. Интенсивное освоение металлургии железа на рубеже II-I тыс. до н.э. являлось самым мощным импульсом прогресса. Наблюдается интенсификация земледелия и переход к высокопроизводительным специализированным формам хозяйства - садоводству, виноградарству, обработке бахчевых культур, полеводству, которые привели к небывалому подъему экономики и благоприятствовали расцвету ремесел и особенно искусства. Большое количество голов крупного и особенно мелкого рогатого скота, уводимого урартийцами во время военных походов, а также огромное количество скелетов животных, обнаруженных в захоронениях аристократической верхушки, подтверждают громадные масштабы скотоводства. Последнее способствовало накоплению материальных ценностей, расширению торговли, установлению регулярных экономических и культурных связей с Переднеазиатским миром. Ярким свидетельством этих связей являются вавилонская гиря-лягушка с клинописными надписями и цилиндрическая печать с египетскими иероглифами, найденные в Мецаморе. Широкое освоение верхового коня ускорило распространение на огромной территории технологических, культурных и идеологических инноваций (В.М.Массон). Прогресс способствовал переоформлению всей культуры в целом. На территории Армянского нагорья синхронно возникает культура мецаморского типа, характеризующиеся устойчивым внутренним единством, которое, скорее всего, восходит к этнокультурному единству. Памятники типа Мецамор отражают культуру страны, известной в урартских источниках как Этиуни.

С.Л.ДУДАРЕВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА
У ПЛЕМЕН ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ПЛОСКОСТНОЙ ЧЕЧНИ

1. Эпоха финальной бронзы в бассейне р.Терек представлена все еще немногочисленными памятниками (среди них явно преобладают погребальные), наиболее исследованными в Восточной Чечне. Именно здесь, в плоскостной (равнинной) части данной территории, у с.Майртуп, был открыт могильник № 2. Раскопки памятника в 1980-1981 гг. Предгорно-плоскостной археологической экспедицией Чечено-Ингушского госуниверситета им. Д.Н.Толстого (руководитель - проф.В.Б.Виноградов) выявили 20 захоронений, которые могут быть распределены на две хронологические группы. Погребальный обряд обеих групп во многом сходен: неглубокие грунтовые ямы (очертания не фиксируются), погребенные уложены скорченно на левый бок головой на северо-восток-восток, северо-восток, восток (ранняя); восток, юго-восток-восток, запад (поздняя), часто встречаются остатки заупокойной пищи (кости коровы, барана и пр.). Значительно заметнее отличия в инвентаре. Для погребений ранней группы характерны груболелые толстостенные сосуды баночной формы с небольшим дном (от одного до трех в могиле), подчас очень крупных размеров, густо обмазанные жидкой глиной и затем обожженные. Обмазка имеет вид четких и достаточно глубоких порой пальцевых бороздок, проведенных наискось или горизонтально, или бывает бессистемна. Сосуды украшены ниже горловины отдельными наделными валиками с заплатами.

2. В мужских захоронениях, помимо керамики, найдены предметы вооружения из бронзы: наконечники копий с листовидным и ланцетовидным пером и цельнолитой втулкой; плоский листовидный кинжальный клинок; крупный длинночерешковый наконечник стрелы ("площик") с острыми опущенными вниз лопастями. Один из наконечников копий нехарактерен для культур Кавказа эпохи поздней бронзы. Это небольшой (15,6 см) наконечник с прорезанными лопастями (погребение № 3). На могильнике обнаружена порфирито-диабазовая булава с

шестью шипами. В погребениях воинов также встречены наделия из кабаньего клыка и кости, каменная подвеска-оседок.

3. В женских погребениях выявлены: 1) головные украшения в виде "гирлянд" бронзовых височных колец в I,5-2 оборота, составленных из 6-8 экземпляров; кольца сделаны из узкой подтреугольной в сечении пластины, диаметр образцов не превышает в среднем 3x2,5 см; 2) бронзовые браслеты трех типов: а) с тремя рядами шарообразных выпуклин по внешней плоскости и концами в виде реалистично выполненных головок баранов; б) в виде пластинчатой решетки с несомкнутыми концами; в) из подтреугольного в сечении прута с несомкнутыми концами; 3) бронзовые спирали, булавка с закрученной в петельку головкой и др.

4. В несколько более поздних могилах количество сосудов возрастает до шести. Они лишаются обмазки, кроме баночных форм появляются усеченно-биковидные сосуды с отвернутым краем и тонкими гладкими стенками с легким лощением. Обмазка все же еще продолжает сохраняться (но уже не такая выразительная и во всех зафиксированных случаях бессистемная) на баночных сосудах "старых" форм. Трансформируются бронзовые украшения. Зооморфные браслеты становятся массивнее, шире. Увеличивается диаметр височных колец и ширина пластины, из которой они изготовлены, нижнее кольцо "гирлянды" иногда имеет спиральный завиток. Данные украшения соответствуют третьему типу височных колец Серженъ-уртовского могильника (по В.И.Козенковой). Появляются образцы браслетов кобанского типа - с граненой внешней плоскостью, а также лопатковидные подвески, хорошо известные по Серженъ-уртовскому могильнику. Железные изделия в исследованных погребениях не найдены.

5. Ранняя группа могил может быть отнесена еще к докобанскому времени - не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. Эта датировка основывается прежде всего на находке наконечника копья из погребения № 3, который имеет параллели на Урале, Нижнем Дону, в Среднем Поволжье, срубных древностях Северного Причерноморья и датируется белозерским временем, точнее XI-X вв. до н.э. (консультация В.С.Бочкарева, Н.Н.Чередниченко, В.И.Клочко). Другим опорным в хронологическом отношении комплексом является инвентарь погребения № 7, в котором найдена поделка лопатковидной формы из кабанье-

го клыка с тремя продольными отверстиями в плоскости. Она может быть трактована как миниатюрный псадий типа раннебелозерских (определение А.И.Тереножкина), однако не исключено, что предмет мог играть роль подвески, аналогичной некоторым образцам позднесрубной эпохи из Северного Причерноморья (Широчанский могильник - консультация В.В.Отрощенко). В сочетании с остальными предметами комплекса (бронзовые наконечник копья, "плодик", фрагменты баночных и биконических сосудов) эта поделка устанавливает дату погребения временем не позднее X в. до н.э. В пользу предложенной датировки первой группы могил говорят и другие соображения. Во-первых, здесь еще нет никаких предметов "классического" кобанского облика; во-вторых, в захоронениях X-УШ вв. до н.э. Сержень-Юртовского и Ахкинчу-Барзойского могильников "обмазанная" керамика уже отсутствует. Нет здесь и предметов срубного типа, причем погребальный обряд ранних захоронений у Сержень-Юрта близок с докобанскими майртупскими по некоторым важнейшим показателям (грунтовые могилы без внешних признаков, расположенные рядами, скорченное на левом боку независимо от пола положение покойников, северо-восточная ориентировка умерших, угольки и заупокойная лица в могилах и др.). Новые материалы эпохи поздней бронзы из с.Майртуп не позволяют согласиться с В.Г.Котовичем и О.М.Давудовым, включившими часть захоронений Сержень-Юртовского могильника в рамки выделенного ими для Северо-Восточного Кавказа периода "поздняя бронза-П" - XII-X вв. до н.э. Вторая группа погребений Майртупского могильника № 2 ориентировочно датируется началом I тыс. до н.э.

6. Ранние материалы из Майртупского могильника № 2 оказались тем недостающим звеном, которое соединило между собой какаентско-харачоевские памятники восточной части плоскостной Чечни типа Курчалоевского зольника и Бачи-Юртовских могильников № 2 и № 4 (1300-1100 гг. до н.э., по В.И.Марковину и М.Х.Ошаеву) и объекты раннекобанской эпохи (Сержень-Юрт и др.). Появившаяся, таким образом, возможность проследить генезис местных памятников последней трети II - начала I тыс. до н.э. позволяет сделать наблюдения относительно некоторых особенностей культурного прогресса у абригенного населения этого периода.

7. В первую очередь обращает на себя внимание резкий скачок

в области металлообработки, совершенный населением изучаемой территории в конце II - рубеже II-I тыс. до н.э. Он выразился в появлении совершенно новых, оригинальных типов изделий. Заметным явлением можно считать распространение оружия центрально- и восточно-кавказских типов, возникновение уникальных разновидностей бронзовых украшений. Заметим, что зооморфные браслеты указанной формы В.И.Козенкова выводит из культур Подунавья, однако находки из майртупских погребений № II и № I9 дают основания согласиться с мнением В.Г.Котовича и О.М.Давудова о местных истоках происхождения таких браслетов. Интенсивное развитие местной металлургии меди и бронзы в конце II тыс. до н.э. не было следствием инфильтрации пришлого населения - погребальный обряд, традиции керамического производства, узлокальные типы украшений свидетельствуют о поступательном развитии материальной культуры одной из групп прадагеставского этнического массива в западном ареале кавкентско-харачоевских древностей. По-видимому, можно говорить о мощном влиянии преимущественно кавказских металлургических центров эпохи поздней бронзы, прежде всего восточно-грузинского. С другой стороны, продвижение степных (киммерийских) племен на Кавказ в ту же эпоху привело к появлению в среде автохтонов отдельных элементов культур Юго-Восточной Европы, проникших также в бассейн рр. Терек и Сунжи (наконечник копья из Майртупа, псалии белогородовского типа из Бамута и Завдава и др.). С X в. до н.э. аборигенное население испытывает влияние мигрировавших сюда юбанских племен. Материалы демонстрируют слияние "субстратных" и привносных центральнокавказских элементов.

А.А.МЕХАЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗВИТИИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКУБАНЬЕ

I. В 1981 г. археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника обнаружила новое поселение майкопской культуры. Оно находится у пос.

Свободный Красногвардейского района на левой надпойменной террасе реки Кубань и является самым северным майкопским бытовым памятником. Поселение занимает площадь около 1 га. С древнейшим этапом его жизни соотносится обводной ров глубиной около 4,5 м и земляной вал с частоколом. Культурный слой вскрыт на участках, примыкающих непосредственно к валу, и насыщен каменными и кремневыми орудиями, изделиями из кости и рога, фрагментами керамики, фаунистическими остатками. Центральная часть поселения, на которой не обнаружено культурных остатков, служила, по всей видимости, местом для загона скота.

2. На определенном этапе существования поселения ров оказался заполненным насыпью вала, культурные напластования распространились за пределы первоначальной границы, перекрыв ров. Любопытно, что наиболее насыщенные и сохранные слои вскрыты именно над ровом и в его верхнем уровне, где были заложены раскопы общей площадью около 300 кв.м. В ходе раскопок здесь были найдены остатки шести глинобитных жилищ. Особый интерес вызывают развалины дома в раскопе II, представляющие собой многослойный глинобитный пол со столбовыми лунками по периметру и глинобитными стенами высотой до 20 см. К постройкам примыкают хозяйственные ямы, насыщенные различными находками.

3. В целом на поселении получено большое количество разнообразного материала. Преобладают орудия труда: кремневые и каменные (серпентиновые) топоры, тесла и долотца, как правило, тщательно отшлифованные и полированные; кремневые вкладышевые орудия, жатвенные ножи; проколки, скребки и т.д., костяные и роговые муфты, проколки, долотца, лоцида, молоток, каменные зернотерки и т.п. Значительную группу составляют украшения: каменные, серпентиновые и сланцевые браслеты, глиняные, костяные и каменные бусы, подвески из клыков кабана и зубов оленя. Наконечники стрел и дротиков представлены единичными экземплярами. Особый интерес вызывает пластика поселения, ведущим мотивом которой являются глиняные фигурки женщин и быков. Металл представлен лишь двумя фрагментами небольших бусин. Керамика достаточно разнообразна и характеризуется, как правило, отличным обжигом и лощенком. Это большие хозяйственные сосуды и кухонная посуда (кувшины, миски,

сита и т.д.). Система орнаментации многовариантна. Однако наиболее традиционным являлось нанесение так называемых жемчужин на внутреннюю и внешнюю поверхность сосудов.

4. Новый памятник наиболее близок к таким поселениям майкопской культуры, как Мешоко, Ясенова Поляна, Очажный грот Воронцовской пещеры, "Замок" под Кисловодском и т.д. Однако при существующей близости имеются существенные различия, позволяющие, по всей видимости, наметить в майкопской культуре локальные варианты, в один из которых входит, очевидно, поселение Свободное. С другой стороны, столь отдаленное к северу от традиционного центра майкопской культуры местонахождение поселения Свободное приводило к более регулярным контактам со степными племенами. Отдельные образцы керамики и некоторые другие категории инвентаря имеют определенные аналогии в памятниках типа Михайловка, Хутор Репин и Триполье и т.д. Немало связующих звеньев имеется между материалами рассматриваемого поселения и памятниками Закавказья.

А.Л.НЕЧИТАЙЛО

О ЗНАЧЕНИИ СВЯЗЕЙ СТЕПНОЙ УКРАИНЫ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

1. Разносторонние связи особенно активизировались в эпоху раннего металла ввиду необходимости получения сырья из его месторождений. Работами Е.Н.Черных установлено, что степная Украина снабжалась металлом в основном из кавказского металлургического центра.

2. Анализ конкретных материалов степных культур эпохи ранней бронзы Украины показал существенные кавказские влияния на население этой территории в период ямной и кеми-обинской культур. Они выразились как в поступлении импорта, так и в производстве образцов подражания почти всех основных типов орудий труда и оружия из металла (топоры, вилообразные орудия, долота, тесла, ножи), а также украшений (височные подвески, бляхи с пунсоном); кроме

того - в керамике, в появлении форм посуды, сходных с импортом, то есть самые типы вещей создавались под влиянием культур Северного Кавказа.

3. Племена ямной культурно-исторической общности, соприкоснувшись с оседлым земледельческо-скотоводческим населением майкопской культуры, не только заимствовали достижения последних и служили их равносочиняемыми, но и в свою очередь оказывали сильное влияние на них. Так, в результате этого на Кавказе появляется курганный обряд погребения, затем майкопским населением Центрального Кавказа воспринимается идея антропоморфных изображений, а вместе с ней формы остродонных сосудов и элементы веревочного декора. Все это совпадало с внутренними тенденциями развития майкопских племен. Именно такого типа внешние влияния и вобрала в себя майкопская культура, стоявшая на несколько более высоком уровне по сравнению со степными племенами. Так, идея монументальной антропоморфной пластики соответствовала интересам майкопского общества в период усилившейся его дифференциации и была им усвоена, видимо, с некоторым переосмыслением, так как сами майкопские степы не идентичны северопричерноморским, а имеют свои специфические особенности.

4. Влияние регулярных экономических, культурных и этнических связей сказывалось на развитии взаимодействующих культур, вело их к сближению и усилению взаимобмена. Контакты способствовали, например, развитию металлообрабатывающего производства в причерноморских степях на своем и кавказском сырье. Кроме того, в результате взаимовлияния сформировались и общие типы металлических орудий в степном и кавказском мире.

И.Г. НАРИМАНОВ

КУЛЬТУРА РАВНИН ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ В РАННЕЙ БРОНZE

I. Равнинные районы Восточного Закавказья, ранее заселенные неолитическими племенами, в период ранней бронзы или вообще пусты, или становятся значительно менее обжитыми. Это относится,

в частности, в Мильско-Карабахской степи. Здесь, южнее р.Каркарчай, энеолитические поселения группируются у небольших водных источников, где, однако, нет ни одного поселения раннебронзового периода. Более значительна концентрация энеолитических поселений к северу от р.Каркарчай. Там же поселений эпохи ранней бронзы несравнимо меньше.

2. В период ранней бронзы поселения в основном были основаны непосредственно на берегах сравнительно больших рек у стыка равнин и гор или у р.Аракс, т.е. на окраинах степи. Иными словами, поселения раннебронзового периода приурочены к тем пунктам, в которых не было недостатка в воде во все сезоны года. Это дает основание предполагать, что небольшие водные источники в конце энеолита высыхают и основанные там поселения покидаются. Вероятно, этим объясняется одна из причин переселения населения Мильско-Карабахской степи на новые территории в период ранней бронзы.

3. Аналогичная картина наблюдается и в других равнинных районах Восточного Закавказья. В плане преемственности энеолитической и раннебронзовой культур определенный интерес представляют поселения Лейлатепеси, Джуттепе и Гарахаджи в Карабахской равнине. Поселение Лейлатепеси однослойное, высотой 2,5 м, диаметром 70 м, находится в глубине равнины, в 30 км к северо-востоку от г.Агдама. Керамика красного обжига, иногда со светлым ангобом, обработана гребенчатым инструментом. Кувшины с низкой горловиной, и профилированным венчиком, напоминающие таковые из Мишарчая, Цопи, Техута, изготовлены на круге. Поселение Джуттепе однослойное, высотой 8 м, диаметром 110 м, расположено в глубине равнины около сел. Гараханлы Агджебединского района. Керамика состоит из трех групп. Здесь встречается ангоб каштанового оттенка, следы обработки с гребешком и отпечатки спиралевидного плетения на днище сосуда. Поселение Гарахаджи однослойное, высотой около 3 м, площадью 2 га, расположено к западу от г.Агдама. На керамике имеются следы обработки гребешком, ангоб каштанового цвета и грубая обмазка. Поселения Джуттепе и Гарахаджи относятся к эпохе ранней бронзы, а Лейлатепеси к финальной стадии энеолитической культуры в Закавказье.

Н.В.АНФИМОВ

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

1. На северном склоне Кавказского хребта и в Закубанье было обнаружено и исследовано несколько могильников. В 1958-1963 гг. был исследован Николаевский могильник в с.Красногвардейском (ААО), в 1965 г. раскапывался могильник хут.Кубанского (Усть-Лабинский район), погребения раннежелезного века были обнаружены на могильнике Ясенова Поляна блиа пос.Колосовки (в 40 км на юго-восток от г.Майкопа), в 1974 г. был исследован Абинский могильник блиа г.Абинска, на р.Фарс в станице Дондуковской были доисследованы несколько погребений. По южному склону Кавказа, на Черноморском побережье Краснодарского края, в настоящее время известно три могильника: 1) блиа г.Новороссийска в верховьях р. Дурсо; 2) в г.Геленджике на Телстом мысу и 3) на окраине с.Новомихайловки (Туапсинский район). В поселке Динеморском было разрушено погребение, аналогичное геленджикским.

2. Имеется возможность выделить две локальные группы: памятники, расположенные в Закубанье, и памятники Черноморского побережья. Имея много общих черт в материальной культуре (оружие, предметы конского убора, отчасти керамика), они отличаются обрядом погребения и некоторыми предметами инвентаря. В первой группе захоронения производились в неглубоких прямоугольных ямах, господствующая ориентировка - южная с небольшим отклонением к востоку. Исключение в этом отношении составляет могильник Ясеновой поляны, где ориентировка восточная, иногда с отклонением к югу. Положение скелетов как скорченное на боку, так и вытянутое. В головах обычно ставились глиняные сосуды. К обрядовой стороне относится помещение в могилу галек. Памятники эти принадлежат протомеатской культуре.

3. во второй группе (черноморской) захоронения производились в каменных ящиках, а в Геленджикском могильнике были использованы дольмены, прикрытые затем земляной насыпью. Господствующая ориентировка восточная, встречается и юго-восточная.

Наравне с одиночными погребениями имеются коллективные, что в первой группе не наблюдается. Некоторые предметы инвентаря, такие, как бронзовые булавки с широкой плоской шляпкой, бронзовые бляхи с точечным орнаментом, типичны только для Черноморского побережья и в памятниках первой группы не встречаются. Некоторое исключение в этом отношении составляет Абинский могильник, который территориально ближе к Новороссийску и является как бы связующим звеном между первым и вторым локальными вариантами.

4. В хронологическом отношении памятники эпохи раннего железа могут быть разделены на две хронологические группы - памятники УШ - начало УП вв. до н.э. и памятники УП в. до н.э. Последняя группа характеризуется появлением железного оружия (наконечники копий, боевые топоры, и двулопастных бронзовых втульчатых наконечников стрел. К первой хронологической группе в Закубанье относятся Николаевский могильник и случайные находки в основном на разрушенных погребений. Абинский могильник, который датируется второй половиной УШ - первой половиной УП вв. до н.э., является как бы переходным между первой и второй хронологическими группами. Ко второй группе относятся могильники хут. Кубанского и Ясенова Поляна и погребения станицы Дондуковской. На Черноморском побережье к первой хронологической группе относятся большинство исследованных погребений могильника Дурсо у пос. Большие Хутора, Дивноморское погребение и могильник Новомихайловский. Геленджинские погребения со вторичным использованием дольменов разновременны и не составляют единой хронологической группы.

Е.Е.КУЗЬМИНА

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

(Принципы выделения и установления
хронологических этапов)

I. Андроновская культура, или культурная общность, развивалась с ХУП по ХП вв. до н.э. на огромной территории степей, лесостепей, пустынь и гор Азии от Урала до Енисея и от зоны тайги

до Аму-Дарьи, занимающая площадь, превышающую Западную Европу.

2. Однако до сих пор остаются остродискуссионными проблемы происхождения, культурного единства, выделения локальных вариантов и хронология памятников АКО. Большинство исследователей признает единство андроновской культуры, в то время как В.Н.Чернецов, Э.А.Федорова-Давыдова, В.С.Стоколос, М.Ф.Косарев, Т.М.Потемкина видят в ней две самостоятельные культуры - федоровскую и алакульскую, но по-разному оценивают генезис федоровской культуры: В.С.Стоколос считает ее пришедшей на Урал из Сибири, М.Ф.Косарев - в Сибирь из Урала. Сторонники единства АКО, признавая вслед за К.В.Сальниковым федоровские и алакульские комплексы хронологическими этапами развития АКО, по-разному определяют их последовательность: одни считают федоровский этап древнейшим, алакульский - более поздним, другие признают федоровские памятники более поздними, чем алакульские. Причем К.А.Акишев, М.К.Кадырбаев и Г.Б.Зданович допускают возможность частичного сосуществования федоровских и алакульских комплексов. Абсолютная хронология андроновских памятников одного типа оценивается исследователями по-разному: федоровские могильники Енисея датируются Г.А.Максименковым ХУП-ХУ вв. до н.э., Н.А.Членовой - концом II тыс., вплоть до УШ в. до н.э.

3. Для объективного решения андроновской проблемы было признано целесообразным провести систематизацию материалов всего ареала, введя единую систему признаков классификации. В основу классификации был положен анализ погребального обряда и керамического комплекса. Учитывая, что принцип построения декора и мотивы орнамента являются важнейшим этническим индикатором, при классификации андроновской керамики по методу С.В.Зотовой выделялись орнаментальные системы по сочетанию признаков. В основу классификации были положены закрытые комплексы андроновских погребений.

4. В результате проделанного анализа удалось выявить в АКО две линии развития - алакульскую и федоровскую и выделить большую группу смешанных памятников. Памятники алакульского типа локализируются на западе андроновского ареала (Урал, Западный, Северный, Центральный Казахстан). Они характеризуются устойчивым соче-

танием ряда признаков: захоронения по обряду трупоположения в земляных курганах или каменных кольцах в больших грунтовых могилах со срубом или с каменным ящиком в сопровождении скелета или черепа и ног коня (реже - быка, барана); сосуды изготовлены ленточной техникой (часто на матерчатом шаблоне), с подмазкой лент снаружи и подделкой дна снизу, что обуславливает форму горшка с широким дном и уступом на плечике. Орнамент нанесен по прямой сетке гладким или крупнозубчатым штампом и имеет горизонтальную штриховку лент; в могилах обычен богатый набор инвентаря. Алакульские памятники датируются XУ-XIУ вв. до н.э. на основании находок ножей с намечающимся перекрестием, широковысоких топоров, семинских копий, тесел привольненского типа, дисковидных бесшипных псадиев, браслетов с плоской спиралью. На основании сходства металлургических изделий и псадиев и многочисленных случаев сочетания в погребениях алакульские комплексы синхронизируются со срубными покровского этапа и раннетазбагъябскими.

5. На Урале выделяются позднеалакульские комплексы, для них характерны: захоронения в грунтовом могильнике в мелкой узкой овальной яме без деревянных и каменных конструкций, без костей животных; горшки II типа с нарушенными пропорциями и обедненным орнаментом, в закрытом комплексе представлен сосуд с налепным валиком сабашиновского типа, что определяет дату позднеалакульских памятников XШ-XII вв. до н.э. и позволяет синхронизировать их с хвалынскими срубными комплексами Поволжья и сабашиновскими Украины.

6. Памятники федоровского типа локализируются на востоке андроновского ареала на Енисее, Оби и в Восточном Казахстане. В Центральном и Северном Казахстане и на Урале они располагаются чересполосно с алакульскими, в Западном Казахстане отсутствуют. Они характеризуются устойчивым сочетанием ряда признаков: захоронения по обряду трупоожжения в круглых или прямоугольных оградах, сложенных цистовой кладкой, реже в каменных кольцах и земляных курганах, в грунтовых могилах с цистой или грунтовых, редко в ящиках, иногда в сопровождении ребер коня; сосуды изготовлены без применения шаблона с подмазкой лент изнутри и подделкой дна изнутри, что обуславливает форму горшка с округлым

плечом и узким дном, часто на поддоне; орнамент нанесен на косой сетке средне- или мелкозубчатым штампом; в ранних могильниках инвентарь отсутствует. Раннефедоровские памятники датируются XV-XIV вв. до н.э. на основании многочисленных случаев сочетания в закрытых могильных комплексах с раннеалакульскими и срубными покровского этапа.

7. На Урале и на востоке федоровского ареала выделяются позднефедоровские комплексы; для них характерны: захоронения в смыкающихся оградах иногда в узких мелких могилах и камерах на горизонте, сосуды II типа с нависающим туловом; орнамент обеднен, зональность нарушена. На Урале в закрытых погребальных комплексах представлены черкакульские сосуды, что определяет дату позднефедоровских памятников XIII-XII вв. до н.э. На востоке ареала в позднефедоровских погребениях найден большой набор датирующих вещей (ножи с упором или с продольным ребром, ножи однолезвийные, серпы с закраинами, зеркала и бляхи с петелькой, браслеты с ковической спиралью), позволяющих отнести позднефедоровские комплексы к эпохе поздней бронзы.

8. Выявленные принципиальные различия чистых алакульских и федоровских комплексов, прослеживаемые в погребальном обряде (ингумация - кремация), конструкции погребальных сооружений (курган - цистовая ограда; сруб, ящик - циста), захоронения коней (или их шкур, или только ребер) и, что особенно важно, в технологии изготовления, форме и разных принципах орнаментации керамики (налеп снаружи - изнутри; плечо с уступом - округлое; орнамент по прямой сетке - по косой; штамп гладкий и крупнозубчатый - мелкозубчатый), не позволяют признать федоровские и алакульские комплексы генетически связанными этапами и, учитывая этнографическую значимость двух различных традиций гончарства и погребального обряда, заставляют признать их двумя независимыми линиями развития, отражающими специфику двух генетически различных групп населения.

9. В Казахстане и Средней Азии выделяются многочисленные комплексы, в которых в разных сочетаниях выступают элементы федоровской и алакульской традиций. В результате культурной интеграции формируются синкретические типы: кохумбердынский - в Зе-

падном, амальгендинский - в Северном, атасуский - в Центральном Казахстане, семиреченский - в Семиречье. Эти смешанные комплексы датируются XIII-XII вв. до н.э. на основании находок выработанных типов ножей с ромбическим перекрестием и ребром, типов бронзовых и костяных стрел, сложноорнаментированных блях, браслетов с конической спиралью, карасукских лапчатых подвесок и пр.

Ю. Выявление на основной и большей части андроновского ареала многочисленных памятников и ярких синкретических типов, объединяющихся по ряду признаков в неразрывную цепочку, не позволяет, вопреки мнению ряда исследователей, выделить две независимые культуры - алакульскую и федоровскую, а заставляет вслед за А.А.Формозовым говорить о существовании андроновской культурной общности, памятники которой не составляют статистически устойчивой совокупности признаков, но представляют сочетание ряда признаков, четко отличающих андроновские комплексы от инокультурных.

II. Формирование АКО представляется как результат сложных исторических процессов автохтонного развития, миграции и интеграции. По-видимому, федоровское население было автохтонным на территории Казахстана, Во второй четверти II тыс. до н.э. произошла миграция из Восточной Европы группы населения, явившегося основой формирования алакульцев. Продвижение алакульцев на восток по территории Казахстана вызвало миграцию части федоровцев в Восточный Казахстан и Западную Сибирь. Другая часть федоровцев была ассимилирована алакульцами. В результате интеграции в Казахстане сформировались синкретические типы, причем сложение кохумбердинского типа на западе произошло значительно раньше, чем семиреченского на востоке.

В.И.САРИАНИДИ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДЕЛЬТЕ МУРГАБА

I. В настоящее время здесь открыто свыше 100 древнеземле-

дельческих поселений, некогда располагавшихся в бассейне древней дельты р. Мургаб (древняя Маргиана) на площади около 300 кв. км, где они образовывали несколько хозяйственно-ирригационных оазисов. Наиболее распространены были неукрепленные поселения аморфной конфигурации, наряду с которыми, однако, существовали единичные крепости прямоугольной конфигурации с мощными кирпичными стенами и угловыми башнями. В центре столичного поселения Гонур-депе располагается кремль размером 130 на 120 м, обведенный по периметру обводными стенами, с боевыми прямоугольными башнями по углам. Внутри кремля располагаются монументальные строения. В настоящее время вскрыта часть одного такого здания, состоявшего из сочетания обширных помещений типа залов с чрезвычайно узкими в ряде случаев коридорообразными.

2. В культуре Маргианы обнаруживается два главных компонента. Местный компонент документируется в первую очередь общим обликом керамического комплекса, восходящим к керамике типа Намвазга У. Однако и здесь имеются характерные формы, как, например, соусники со сливами или сосуды с "мостиками", близко напоминающие посуду соседнего Ирана. Местные истоки обнаруживают и металлические перегородчатые печати, имеющие, правда, более широкую зону распространения. Второй компонент характеризуется новшествами, ранее неизвестными в Южном Туркменистане, но находящими аналогии, нередко доходящие до тождества, в Бактрии. В первую очередь это укрепленные крепости с угловыми башнями. Практически полностью исчезает практика коллективных захоронений в гробницах, в пределах поселений. Вместо этого теперь устраиваются грунтовые могильники (предположительно катакомбного типа) вне пределов поселений, как правило, с индивидуальными захоронениями. Практически полностью прекращается изготовление антропоморфной пластики. Новыми являются каменные печати-амулеты так называемого мургабского стиля с гравированными, нередко сюжетными композициями явно мифологического содержания. Одновременно распространяются цилиндры-печати месопотамского типа с повествовательными сценами. Налицо комплекс признаков, роднящий культуру эпохи бронзы Маргианы и Бактрии, так что есть веские основания предполагать существование общего бактрийско-маргианского архео-

логического комплекса или, иначе, единой историко-культурной общности. Сходство настолько близкое, что можно предполагать не только историко-культурное, но и генетическое родство древнего населения этих двух огромных регионов.

3. Изменение культурных традиций указывает, с нашей точки зрения, на приход в Маргиану нового населения. Поиски прародины пришлых племен уводят нас в древний Иран, где весьма показательны материалы, недавно открытые в Шахдаде, около Кермана. Сходство обнаруживается во всем комплексе, но особенно показательны чрезвычайно редкие каменные так называемые составные статуэтки, известные еще только в Бактрии, а теперь и Маргиане, что исключает элемент случайного совпадения. С другой стороны, металлические изделия находят впечатляющие параллели в дуристанских бронзах, намечая тем самым одно из вероятных направлений древних связей.

4. Предполагаемая племенная инфильтрация через северо-восточный Иран документируется выразительными материалами "астрабадского клада" и Гиссар III, выделяя этот регион как промежуточный, по которому могло идти движение с запада в восточном направлении. Одна группа пришельцев попадает в северный Афганистан, где не было местного населения, быстро осваивает свободные земли, положив начало культуре бронзового века Бактрии. Другая волна колонистов достигает пределов Южного Туркменистана и бассейна дельты Мургаба, где смешивается с местным населением, частично обживая старые и основывая новые поселения.

И.С.МАСИМОВ

КЕЛЛЕЛИНСКИЙ ОАЗИС И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В МАРГИАНЕ

1. Келлелинский оазис, расположенный в древней дельте реки Мургаб, в 120 км к северо-северо-западу от г. Байрам-Али Марыйской области Туркменской ССР, был открыт в полевом сезоне 1974-1975 гг. Это один из восьми самостоятельных оазисов, занимающий

не только крайнее северное подожение по отношению к другим, но и наиболее ранняя по времени группа древнеземледельческих поселений в этой части Туркменистана. Келлединский оазис включает шесть отдельно стоящих холмов и семь развееванных остатков других поселений в виде россыпей керамики на такыре.

2. Раскопки проведены на поселении Келледи 4, имеющем вытянутую форму площадью более 3 га. В центре холма раскопан крупный квадратный в плане дом размерами 29x29 м (84I кв.м), сооруженный из сырцового кирпича прямо на материковом слое, представляющем собой плотную коричневого цвета глину, под которой залегает элювиальный песок почти метровой толщины. По краю здание окружено тремя-четырьмя коридорообразными помещениями вытянутых форм. С трех сторон к нему ведут проходы с улицы, причем с запада два прохода, расположенных рядом, по середине западной наружной стены здания. Главный вход в дом находился по середине южной стены, имеющей ширину 1 м. С двух сторон вход оформляют одинаковые по размерам два квадратных в плане помещения, имеющих по одному внутрстенному очагу. По центру здания находится внутренний дворик, с четырьмя хозяйственными очагами-печами двухкамерной конструкции. Вокруг двора расположены 45 различных по размерам, но прямоугольных в плане помещений жилого хозяйственного назначения. Последние объединены в несколько самостоятельных квартир, из 2-3 комнат для малой семьи. В целом дом принадлежал одной родовой общине, состоящей из малых семей, связанных родственными отношениями.

3. Исключительно богатый археологический материал, найденный с поверхности, так и при раскопках поселений Келледи характеризует культуру его обитателей. Находки обломков глиняных моделей повозок указывают на использование колесного транспорта. Много глиняных терракотовых статуэток, вылепленных, как правило, в условноплоскостном стиле. В целом же материальная культура этого оазиса почти не отличается от культуры подгорной полосы Копетдага времени Намазга У начала II тыс. до н.э. Здесь почти полностью отсутствует керамика ручной лепки, за исключением кухонной, в гончарной посуде преобладает так называемый "намазгинский" тип керамики, имеющей светлую зеленоватую окраску черепка.

4. Как самостоятельный оазис Келлели сформировался в начале II тыс. до н.э., когда была обжита вся его территория. Его обитатели пришли с подгорной равнины Копетдага, где в то время еще полностью не ощущался приближающийся упадок цивилизации Алтын-тепе. Раннее освоение Келлели стало основной предпосылкой для обживания здесь территории всего нижнемургабского оазиса, вплоть до государственных образований в эпоху Ахеменидов. Поэтому влияние материальной культуры, памятников Келлелинского оазиса мы видим не только в культуре южных оазисов, относящихся к середине II тыс. до н.э., но и в материальной культуре древней Бактрии, сейчас хорошо изученной на территории южного Узбекистана, севернее Афганистана.

5. Археолого-топографические исследования, а также разведочные раскопки поселений Келлелинского оазиса позволили предварительно выявить здесь четыре типа поселений: отдельно стоящий дом или усадьба, поселения сельского типа, укрепленные поселения и поселения городского типа. При наличии здесь иерархического ряда памятников центральным холмом является Келлели I, выделяющийся среди других абсолютным размером своей площади и расположенным за пределами холма центром ремесленников-гончаров. Основополагающую роль в развитии культуры Келлелинского оазиса, несомненно, сыграла цивилизация раннегородского типа на рубеже III-II вв. до н.э. в подгорной полосе Копетдага, как это устанавливается раскопками Алтын-тепе. Она, вероятно, способствовала и совершенствованию политической системы небольшого союза общин, возглавляемых военными или хозяйственными лидерами, стремившимися осваивать новые земли. В дальнейшем, как мы видим, происходит как бы отпочкование культуры в южном направлении в сторону Бактрии с целью освоения новых земель, где возникают новые земельные оазисы с сохранением в них иерархической структуры поселений, уже известной по памятникам Келлелинского оазиса.

Т.П.КИЯТКИНА

КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ
И ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ

1. Роль антропологического материала, как исторического источника, могущего в ряде случаев быть маркером контактов, переселений и перемещений групп населения, широко известна и признана. Ценность антропологической информации тем выше, чем древнее эпоха и меньше наши знания о ней из других источников. В Средней Азии в последние два-три десятилетия раскопано несколько крупных памятников эпохи бронзы, давших значительный антропологический материал.

2. В юго-западной Туркмении И.Н.Хломеным раскопано два могильника: Пархай 2, датированный ранней бронзой, по своим керамическим комплексам синхронный периодам Намазга Ш и IУ культуры древних земледельцев подгорной полосы Копетдага. Керамика Пархая 2 имеет большое сходство с керамикой Шах-тепе (Северный Иран). В культурном отношении Пархай 2 генетически предшествует культуре эпохи поздней бронзы. Краниологический материал в силу плохой сохранности не представлен, но его принадлежность к южной ветви европейской расы очевидна. Размеры мозгового и лицевого отдела вводят его в круг средиземноморской расы. Могильник Сумбар в культурном отношении сопоставляется с памятниками поздней бронзы и раннего железа Северного Ирана; датируется концом II тыс. до н. э. Краниологический материал незначителен, однако его изучение позволило отнести население долины Сумбара к высоколицым южным европейским формам. Грациальность типа, исключительно резкая горизонтальная профилировка лица, резкое выступание носа определенно говорят о включении типа сумбарцев в каспийский антропологический тип. От населения Северного Ирана, известного по краниологическим сериям из Тепе-Гиссара и Шах-тепе, памятников, значительно более ранних (3000-2000 лет до н.э. Тепе-Гиссар и 2000-1800 лет до н.э. Шах-тепе (II слой), сумбарцы отличаются большими размерами лица, относительно более виакими орбитами при тех же резко выраженных европейских особенностях в целом. Черепа из

Цархая 2 значительно массивнее и принадлежат к более грубому типу, который может быть связан с более ранним населением с его протоморфными особенностями.

3. Земледельческое население эпохи Намазга У известно нам по раскопанному В.М.Массоном крупному протогородскому центру Алтын-тепе в Восточной Туркмении. Алтын-тепе был заселен земледельческими племенами еще в У тыс. до н.э. Известные краниологические материалы эпохи энеолита характеризуют население как европеоидное грацильное, делтодолихоморфное. Население периода развитой бронзы генетически восходит к энеолитическому и характеризуется долихокранией, лептоморфностью и резкой выраженностью европеоидных черт. Оно обнаруживает тесное морфологическое сходство с населением Сапаллителе и Джаркутана (середина и вторая половина II тыс. до н.э.). Эти три группы представляют единый морфологический комплекс, в основе которого, возможно, был и единый праэтнический пласт - местное древнее европеоидное население.

4. Очень сходны с ним группы племен скотоводческой вахшской культуры, могильники которых раскопаны Б.А.Литвинским в низовьях Вахша (южный Таджикистан). Их происхождение связывается исследователем с западными территориями, земледельческим населением Мургабского оазиса эпохи Намазга У I. Однако некоторые особенности строения лицевого скелета несколько выделяют группу вахшской культуры, хотя ее принадлежность к тому же каспийскому расовому типу не вызывает сомнений. Племена бешкентской культуры, пришедшие, по мнению исследователя памятников этой культуры А.М.Мандельштама, на правобережье Пянджа из более северных областей, по своим морфологическим особенностям стоят несколько особняком; их происхождение, судя по краниологии, связано с западными областями, с гиперморфным южным европеоидным типом, бытовавшим в Центральной Азии наряду с каспийским.

5. Антропологическая характеристика всех материалов показывает, что морфологические комплексы, свидетельствующие в ряде случаев, вероятно, и о генетической общности, далеко не всегда могут быть соответственно "вписаны" в историко-культурную общность, что обусловлено отсутствием причинной связи между физическим типом и культурой.

А.Д.ЦРЯХИН

АБАШЕВСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

1. Широкие полевые исследования выявили значительные массивы памятников эпохи бронзы, к которым все труднее применять понятие "археологическая культура": ямная, катакомбная, абашевская, срубная, андроновская и другие культуры. В самом принципе оправданным представляются попытки применения к ним понятий "культурно-историческая общность" и "культурно-историческая область" (С.В.Киселев, Н.Я.Мерперт, Е.Н.Черных и др.).

2. Абашевские древности (вторая и третья четверти II тыс. до н.э.) ныне известны на огромной территории, ограниченной на западе левыми притоками рек Днепра и Дона и на востоке распространяющейся в глубинные районы Зауралья, на севере в лесной, а на юге - в степной зонах. Общими показателями абашевской культурно-исторической общности являются: "подкуртанный" обряд захоронения с возведением небольших, преимущественно уплотненных насыпей, под которыми часто фиксируется наличие круговых конструкций; часто фиксируемый интервал между временем совершения захоронений и сооружением насыпей; расположение могильных ям под насыпями парами или рядами; наличие в разной степени выраженного культа огня; традиция жертвоприношений животных; преимущественное положение умерших на спине с вытянутыми (более ранние) и приподнятыми ногами (более поздние захоронения); разная ориентировка умерших (с постепенным возобладанием юго-восточной); преимущественное наличие относительно кратковременных поселков с небольшим культурным слоем; общие моменты в конструкции построек (слабая углубленность котлованов в материк, их прямоугольная или почти квадратная в плане форма, наличие в жилищах тамбурной части, столбовая конструкция стен, двускатное перекрытие); колоколовидность керамических форм, сочетающаяся с наличием у подавляющего большинства сосудов плавного перехода от основания к стенкам; собственная металлургия и металлообработка, что нашло отражение в выработке

собственной типологии как орудий труда и предметов вооружения (проушный топор, разновидности ножей и кинжалов с ромбическим окончанием черенка и др.), так и украшений (разные в сечении браслеты, имеющие несомннутые, часто приостренные концы; лепестковидные бляшки розетки и т.д.); общие показатели в уровне развития хозяйства и общественно-социальной структуры.

3. Понятие культурно-историческая общность (сумма археологических культур, за которыми стоят близкие этносы) и культурно-историческая область (входящие в нее археологические культуры не обязательно являются этнически близкими) отражает спектр широкомасштабной исторической реальности в евразийской степи и лесостепи в эпоху бронзы. Имеющийся уровень осмысления абашевской культурно-исторической общности позволяет принципиально по-новому трактовать целый ряд данных, остававшихся ранее непонятыми. Наличие в глубинных степных районах целого ряда абашевских захоронений, выделяющихся социальным уровнем погребенных, может служить поводом для суждения о том, что в срубном и алакульском мирах часть военной верхушки (прежде всего воинов-колесничих) являлась абашевской.

4. Внутри абашевской культурно-исторической общности ныне удается выделить три абашевские культуры: доно-волжская, средне-волжская и уральская. Для доно-волжской абашевской культуры характерно наличие как донных, так и мысовых поселений. Относительно редко под курганами фиксируются внемогильные конструкции. Для погребального обряда характерно положение умерших на спине с вытянутыми, а не приподнятыми ногами. Покойники чаще ориентированы головой в северо-восточную четверть насыпи. Покойники в могильных ямах часто смещены от центра. Сосуды помещаются не только в могильные ямы, но и около могилы, на перекрытии и даже за пределами площади могил. В погребениях чаще встречаются орудия труда и предметы вооружения и крайне редко - украшения. Для керамики характерен значительный процент не только колоколовидных горшков, но и баночных форм. Почти не получили распространения нарядно украшенные колоколовидные чаши. Отмечается преобладание украшения сосудов из горизонтальных прочерченных линий, ограниченных сверху и снизу боковыми вдавлениями. Совершенно не встречены из-

вестные по другим абашевским культурам такие элементы украшения сосудов, как длинная лесенка, шахматный узор, удлиненные заполненные треугольники и т.д. Здесь чаще, чем в других абашевских культурах, встречаются округло-желобчатые браслеты с несомкнутыми приостренными концами. Отсутствуют лепестковидные бляшки-розетки.

5. Средневолжская абашевская культура характеризуется наличием лишь единичных кратковременных донных стоянок, известных к тому же только на юге распространения памятников этой культуры. Характерно наличие внемогильных подкурганых деревянных конструкций. Здесь наиболее значительны проявления культа огня, включая огромные кострища в площади курганов. Могильные ямы, как правило, имеют меньшие размеры. Почти повсеместно встречается положение умерших на спине с приподнятыми ногами. Преобладающая ориентировка умерших в юго-восточную четверть насыпи. В погребениях особенно часто встречаются украшения (включая богато украшенный головной убор) и в то же время крайне редко - орудия труда и предметы вооружения. Только на этой территории отмечено наличие маленьких острореберных сосудиков с ребром у самого их основания - своего рода тюльпановидных сосудиков. Здесь реже, чем в других культурах, встречаются горшки с ребристостью в верхней части тулова и банки с массивным верхом. В то же время здесь более всего острореберных сосудиков и колоколовидных банок. В украшении сосудов особенно часто встречаются округлые вдавления. Только здесь на сосудах отмечено наличие удлиненных треугольников, нанесенных в шахматном порядке и горизонтально расположенных ромбов с перекрещивающейся штриховкой. Преобладают округлые, треугольные и полукруглые в сечении браслеты с несомкнутыми приостренными концами. У средневолжских абашевцев были распространены полукруглые полые бляшки и очковидные подвески.

6. Для уральской абашевской культуры характерно наличие, как правило, небольших поселков, имеющих террасное местоположение или расположенных по склонам больших мысовых участков. Для курганов наиболее характерны не свойственные для других абашевских культур каменные внемогильные конструкции, но здесь камень довольно широко применялся и в оформлении могильных ям. Отмечает-

ся наличие мощных костров, горевших над могильными ямами уже после совершения захоронения. Чаще, чем на других территориях, фиксируется наличие частичных и повторных захоронений. В положении умерших прослеживается сочетание традиции как помещения их на спину вытянуто, так и на спину с приподнятыми ногами. Устойчивости в ориентировке умерших нет. Многими отличительными чертами обладает керамика. Колоколовидные сосуды чаще имеют значительно меньшую высоту венчика. В украшении сосудов, чаще чем в других абашевских культурах, отмечается меандровый орнамент и лопастный узор, традиция украшения - нижняя часть сосудов прочерчена: вертикальной елочкой и т.д. Распространены округлые в сечении браслеты с несомкнутыми притупленными концами, металлические накладки, пластинчатые бляшки. Только здесь известны многовитковые маленькие желобчатые подвески и металлические бусы. Значителен набор металлических орудий труда и предметов вооружения.

К.Х.КУШНАРЕВА

К ВЫДЕЛЕНИЮ КУЛЬТУР ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА

1. Обычно в литературе выделяются две археологические культуры - западногрузинская и триалетская на территории Грузинской ССР. Остальная часть Закавказья была представлена многочисленными разрозненными материалами, подавляющее большинство которых происходит из могильников. Это преимущественно подуразрушенные, часто лишь доследованные погребения, как правило, мало опубликованные в местных изданиях, либо не опубликованные вообще. Во всех известных комплексах преобладала керамика.

В итоге работы по "Археологии СССР" на территории Южного Кавказа удалось выделить еще три археологические культуры - кармирбёрдскую, севано-уверликскую и кизылванкскую. Намечены их границы и специфические особенности. Определяющим признаком всех трех археологических культур на современном уровне исследования

следует считать керамику. Остальные признаки, в силу неполноценности источников, прослеживаются лишь по отдельным комплексам.

2. Кармирбердская культура локализуется в южной зоне Закавказья. Наиболее насыщенной памятниками областью является Араратская равнина. На северо-западе границы культуры охватывают Ширакское плато, на востоке - районы оз.Севан; восточнее Севана памятники этой культуры неизвестны. Сегодня кармирбердскую культуру характеризуют преимущественно могильники. Ведущим признаком кармирбердской культуры является красноангобированная расписная монохромная посуда, украшенная широкими орнаментальными фризами с метопами из сетчатых прямоугольников, шахматных полей, перемежающихся с фигурами "двойных секир" и вписанных друг в друга углов и треугольников. Она встречается в различных количественных сочетаниях с гладкой красноангобированной и чернолощеной керамикой, украшенной резьбой, либо точечным орнаментом. Из других признаков, зафиксированных лишь на отдельных памятниках выделенного культурного ареала, следует указать: курганный насыпь; кромлех; грунтовая могила; одиночное захоронение на боку с подогнутыми ногами; похороненные в могилу целые туши либо отдельные части животных; следы обряда тризны; похороненные в могилы кинжальные клинки и некоторые предметы украшения.

3. Севано-узерликская культура, сменившая кармирбердскую^I, была распространена не только в южном, но и в Восточном Закавказье. Таким образом, ее границы охватывали значительно большую территорию. Эта культура также представлена преимущественно памятниками погребального характера. Осуществленные в Мильской степи раскопки поселения этой культуры Узерлик-тепе - единственного широко исследованного бытового памятника периода средней бронзы Южного Кавказа - дали значительный материал для характеристики различных аспектов периода средней бронзы в целом. Динамика керамики, прослеженная в трех слоях поселения, позволила установить культурную атрибуцию большой серии нестратифицированных памятников и отнести их к севано-узерликской культуре. Ведущим признаком этой

---

^I Если в дальнейшем по мере изучения памятников кармирбердской и севано-узерликской культуры повсеместно будут выявлены признаки, совпадающие между собой, то эти культуры возможно будет рассматривать как два этапа единой культуры, на протяжении развития которой изменялась лишь керамика.

культуры является красноангобированная расписная монохромная посуда, украшенная рядами заштрихованных ромбов в сочетании с волнистыми линиями; керамика встречена во всех комплексах вместе с черволощеной посудой, орнаментированной на ранних этапах резьбой, на поздних - точечным орнаментом, нанесенным "шагающей гребенкой". Из других признаков, зафиксированных лишь на отдельных памятниках севано-узердикской культуры, следует указать: поселения на естественных холмах; сырцовая и турлучная архитектура; курганная насыпь; грунтовая могила; одиночное захоронение; определенный набор орудий труда и украшений (штульчатые копья, клинчатые клинки, топоры, долота, браслеты, височные кольца и др.).

4. Выделенная ранее только на территории Грузии, триалетская культура известна по погребальным памятникам не рядового характера. Ее отличительные признаки: крупная курганная насыпь, огромные грунтовые могилы или наземные погребальные залы, сложенные из камней; индивидуальные захоронения; кремация покойников; наличие в могилах погребальных лож и деревянных колесниц. Инвентарь характеризуется специфической черволощеной, изредка расписной монохромной посудой, представленной крупными "гидриями" с изображениями "схемы воды" и плавающих птиц, набором парадного оружия, орудий труда, изысканными предметами ювелирного искусства. Памятники триалетской культуры прослеживаются в динамике.

Изучение материалов (в связи с работой над "Археологией СССР"), найденных вне границ Грузинской ССР, показало, что триалетская культура на ее позднем этапе (период так называемой цветущей поры) была распространена значительно шире - на большей части территории Южного Кавказа, в его центральной, южной и восточной областях. Таким образом, нами уточнены границы распространения триалетской культуры.

5. В юго-восточной части Закавказья, на территории Нахичеванской АССР в свое время был открыт могильник Кизыл Банк с необычной для всего региона полихромной расписной посудой. Незначительное число аналогичной керамики происходит из комплексов, расположенных в том же районе. Кизылванкский керамический комплекс неоднократно изучался, однако его культурная принадлежность оставалась неопределенной. Приведенные сопоставления кизылванк-

ской полихромной посуды с керамикой северо-иранских поселений (Геой-тепе, Хафтаван-тепе и др.), расположенных в соседних с Закавказьем приурмийских районах, показали принадлежность обоих комплексов к единой культуре. Памятники типа Кизыл Ванк, распространенные на территории юго-восточного Закавказья, следует рассматривать как наиболее северные пункты в ареале культуры, характерной для северо-западного Ирана первой половины II тыс. до н.э.

6. Выделенные культуры во многом сходны между собой. Их с полным правом можно назвать родственными культурами. Таким образом, центрально-юго-восточное Закавказье, на территории которого развивались эти культуры в эпоху средней бронзы, составляло одну культурно-историческую область. Совершенно иной облик в этот период имела культура Западного Закавказья. Она характеризуется небольшими открытыми поселениями хуторского типа со срубными постройками, типичной посудой, украшенной так называемым жаберным орнаментом, трубчатообушными топорами и специфической формой мотыги. Все эти признаки чужды рассмотренным выше закавказским культурам. Таким образом, на территории Закавказья в эпоху средней бронзы существовали две культурно-исторические области - западная и центрально-юго-восточная. Облик закавказских культур периода средней бронзы определялся характером местных традиций, с одной стороны, и широкими этно-культурными контактами носителей этих культур - с другой.

В.А.ТРИФОНОВ

О СМЕНЕ ОБРЯДОВЫХ ГРУПП ПОГРЕБЕНИЙ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

(Энеолит - средняя бронза)

I. Рассматриваются материалы из Степного Прикубанья, исключая памятники степной части Закубанья Тамани, северо-восточных районов края, где до сих пор надежно стратифицированные курганы почти неизвестны.

Исходя из данных, накопленных Кубанской археологической экспедицией (нач. Бочкарев), учитывая материалы других экспедиций (Сафиров, Каменецкий, Гей, Нехаев) и используя наблюдения Иерусалимской (1958), Марковина (1960), Сафировова (1978, 1979) и Николаевой (1980), предлагается схема смены 12 обрядовых групп погребений. Из-за ее малочисленности определить культурную принадлежность 1-й группы пока затруднительно; 2-я группа близка новосвободненской культуре; 3-я и 5-я группы представляют, по-видимому, два этапа развития ямной культуры, а 4-я и 6-я являются культурным образованием, условно названным новотитаровской культурной группой, 7-я группа сформировалась, возможно, в рамках позднеямной культуры. Культурная принадлежность 8-й и 9-й групп не ясна; 10-я, 11-я и 12-я группы входят в катакомбную культурную общность, но только за 12-й, как наиболее своеобразной, можно закрепить термин "батуринская группа".

2. Наиболее раннюю группу составляют подкурганые погребения, совершенные в небольших, неглубоких ямах. Погребенные лежат скорчено на спине головой в восточном секторе. Обилие охры. Инвентарь представлен кремневыми ножевидными пластинами. В курганах перекрыты всеми остальными группами, включая новосвободненскую. Это самая малочисленная группа. Судя по стратиграфии, обряду и инвентарю сопоставима по времени с энеолитическими памятниками так называемой мариупольской культурной общности (Васильев, Мерперт). В Прикубанье погребения этой группы локализованы пока в центральной части, но материалы этого времени в степном Предкавказье распространены шире, включая Закубанье (Усть-Лабинск) и Ставрополье (Вес. Роца).

3. Вторая группа представлена погребениями в небольших ямах. Костяки сильно скорчены на левом боку, кисти рук перед грудью или лицом, головой на восток или северо-восток. Немного охры у черепа или грудной клетки. В курганах эти погребения перекрывают непосредственно погребения 1-й группы (Батурин II) и в свою очередь перекрыты погребениями остальных групп, исключая 3-ю и 4-ю. Соотношение с последними надежно стратиграфически не зафиксировано. Самую выразительную часть инвентаря представляют кремневые флажковидные стрелы и керамика, находящие анало-

гии среди материалов типа Майкоп-Новосвободная. Группа погребений немногочисленна и кроме Бриховецкого она известна в Динском и Славянском районах. Погребения этого типа, по-видимому, следует связывать с проникновением памятников типа Майкоп-Новосвободная в степь.

4. Третью группу составляют погребения в больших прямоугольных ямах, часто с обширной площадкой вокруг. Для погребенных типично положение скорченно на спине, головой на восток, руки вдоль туловища. Как правило, меловая подсыпка и охра в области стоп, таза и плеч. В нескольких случаях по углам могильной ямы обнаружены деревянные колеса от повозки. В курганах эти погребения основные при впускных погребениях остальных групп, кроме 1-й, 2-й и 4-й. Бронзовые ножи, тесло, долото (Первомайский, Бриховецкая II), а также золотое кольцо характерной формы, обнаруженные в этих погребениях, приближаются по форме к новосвободненским древностям. По обряду эту группу погребений следует отнести к ямной культуре, распространившейся сюда с севера. Времени распространения ямников в Прикубанье на севере, по-видимому, соответствуют ямные погребения с майкопско-новосвободненским инвентарем. В степном Прикубанье погребения 2-й и 3-й групп, возможно, частично сосуществуют.

5. В 4-ю группу включены погребения в больших прямоугольных ямах с площадкой вокруг. Характерны столбы по углам ямы, реже по периметру на площадке. Погребенные лежат скорченно на правом боку или левом, головой на восток, причем одна рука всегда прямо протянута к коленям, а другая согнута в локте, кистью к тазу. Кроме охры и мела, на дне подсыпка деревянных углей. Характерна обожженность перекрытия. Деревянные повозки часто оставлены неразобранными на западном или восточном крае ямы. Инвентарь немногочисленен, судя по чернолащенной (Н.Титаровка) и крупной круглодонной (Красноармейская) керамике, бронзовому ножу с треугольным черешком (Темизбек) близок и, по-видимому, синхронен новосвободненским материалам. Комплекс же дитейчика (Лебеди I) указывает, возможно, что погребения этой группы существовали и позднее. В курганах эти погребения основные или впускные при аналогичных. Могут быть перекрыты погребениями любой группы кроме 1-й - 3-й.

Территориально преобладают в западных районах Прикубанья. Возможна частичная синхронизация со 2-й и 3-й группами. Для различения группы условно можно назвать новотитаровской.

6. Формирование 5-й, 6-й и, по-видимому, 7-й групп сопровождалось следующими изменениями в обряде: западная ориентировка повсеместно сменяет восточную; погребения 3-й и 4-й групп, сохраняя характерные позы погребенных, сближаются по ряду других элементов обряда, включая конструкцию ям, присутствие углей, роль огня, кости животных, охру на перекрытия и вокруг ямы; появляется новая поза погребенных - вытянуто на спине (7-я группа). Случаи прямой и обратной стратиграфии между различными по обряду погребениями указывают на их сосуществование. Все вместе они, согласно стратиграфии, следуют непосредственно за погребениями 3-й, 4-й групп. Для инвентаря, кроме повозок (до двух с погребением); характерна грубая лепная заглаженная зубчатый штампом керамика, фрагменты которой располагаются вне ямы на площадке, различные баночные сосуды и посуда с ушками. Украшения представлены костяными бусами, бронзовыми спиральными кольцами, бусами из зубов ископаемых рыб, бляшками с пуансоном, роговыми и бронзовыми булавками рогатой и молоточковидной (с цилиндрическим стержнем) формы.

7. Среди погребений следует выделить еще одну группу (8-я), своеобразие которой заключается в слабоскорченном на правом боку положении костяка, ориентированного головой на западный сектор, плечи протянуты к коленям. В нескольких случаях погребения сопровождалась повозками. Согласно стратиграфии, погребения этой группы предшествуют катакомбам и следуют за вышеописанными группами. В их инвентаре появляются молоточковидные булавки с сигарообразным стержнем. Одновременно с ними существуют погребения в зауженных подтрапециевидных ямах с костяками, вытянутыми на спине, головой в западный сектор (9-я).

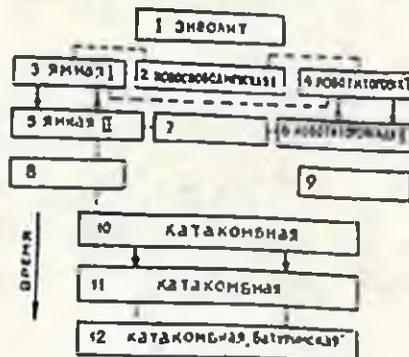
8. Наиболее ранние катакомбные погребения совершены в катакомбах с прямоугольными или трапециевидными шахтами, наклонным дном, боковыми ступеньками, прямоугольными с плоским потолком камерами. Чаще впускные. Как правило, ориентированы камерой к центру кургана. Погребенные слабо скорчены на правом боку, лицом

и выходу в шахту. Инвентарь представлен бронзовыми спиральными кольцами, молоточковидной булавкой с сигарообразным стержнем, фрагментами чернолощенных сосудов, включая амфоры. Катакомбы этого типа перекрыты катакомбами двух других групп. Судя по стратиграфии и инвентарю, эта группа сопоставлена с предшествующими донецкой культуре катакомбами (Кияшко, 1974).

9. Вслед за ранней группой следуют катакомбы с овальными камерами и плоским (или слабопокатым) дном шахт. Положение погребенного и ориентация катакомб в кургане почти не изменяются, но в инвентаре появляется посуда, орнаментированная "веревкой" и северокавказские украшения в виде медальонов и шнуров, подвесок. По-видимому, эта группа соответствует по времени донецкой культуре.

Стратиграфически наиболее позднюю группу погребений представляют катакомбы с небольшими круглыми, квадратными или узкопрямоугольными шахтами и большими овальными камерами. Шахты и камеры могут быть как перпендикулярны, так и параллельны друг другу. Как правило, катакомбы впущены в центр кургана с разнообразной ориентацией. Костяки погребенных лежат сильно скорченные на правом боку (реже на левом), лицом к выходу в шахту. Характерны черные либо темно-серые сосуды с двумя ручками. Орнамент налепной и прочерченный в виде расчлененных валиков под горлом и свисающих треугольников. Посуда этого типа неизвестна к северу и востоку от Степного Прикубанья, но ряд ее элементов обнаруживает сходство с материалами поселений северо-западного Кавказа. Учитывая данные стратиграфии, конструкцию катакомб, а также сочетание в одних комплексах "реповидной" и описанной посуды, данную группу погребений можно соотносить по времени с маньчским вариантом культуры, условно назвав ее батуринской группой.

Схема соотношения обрядовых групп погребений в степном Прикубанье / Эпикрит-Степной

А.Е.СИМОНЯН

КАРМИРБЕРДСКАЯ КУЛЬТУРА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В АРМЕНИИ
(Опыт выделения)

1. После распада единой и обширной куро-аракской культуры ее сменили локальные культуры поры средней бронзы. В северных районах Армянского нагорья, охватывающих всю территорию Армянской ССР, южную часть Грузинской ССР, южную и юго-западную часть Азербайджанской ССР, в конце III тыс. до н.э. возникли четыре родственные культуры, так называемой "крашеной керамики", которые либо параллельно, либо последовательно продолжали существовать до середины II тыс. до н.э. Группы этих памятников имеют названия по названиям тех пунктов, где были зафиксированы первые находки: кармирбердская; севано-узерликская, кировакано-триадетская, кармирванкская.

2. Первый известный памятник кармирбердского типа - могильник на северной окраине Еревана; он простирался от циклопической крепости Кармир-берд (Красная крепость) до села Зовуни. Исследователи, производившие здесь раскопки в конце XIX - начале XX вв., называли этот памятник по-разному: Тазакеид, Гая-Хараба, Кармир-берд или Кивил-када.

3. Археологическая культура выступает как материальное отражение исторического развития определенной общности древнего населения конкретной области. Для определения археологической культуры необходимо учитывать наибольшее число устойчивых типов в сочетании. При этом не обязательно, чтобы все типы были свойственны только данной культуре, так как при изучении конкретных археологических культур, кроме ведущих и специфических типов, выявляются второстепенные компоненты, большинство из которых в отдельности можно проследить и в других культурах, порой отдаленных от данной культуры во времени и пространстве. Таким образом, под названием археологической культуры мы представляем единый комплекс сочетания устойчивых типов, который возникает в одном регионе при определенных исторических ситуациях.

4. Историкографическая база для изучения кармирбердской культуры пока остается скудной. Большинство открытых памятников изучены фрагментарно, без точной документации. С этой точки зрения особую значимость приобретают систематические раскопки могильника Верин Назер, который для кармирбердской группы становится ключевым. Большинство признаков для выделения кармирбердской культуры обосновано по данным этого памятника.

5. Для выделения кармирбердской археологической культуры мы предлагаем следующую совокупность устойчивых типов.

А. Тип погребения - курган в виде невысокого холмика округлой формы диаметром 4,5-10 м и высотой 0,3-1,5 м.

Б. Насыпь кургана - каменно-земляная, с преобладанием базальтовых камней вулканического происхождения, которые составляют примерно 70% всей насыпи.

В. под насыпью, по периметру кургана, находятся кромлехи, выложенные из базальтовых камней. Прослеживаются четыре типа кромлехов: 1 - круги, выложенные из отдельных камней; 2 - двухрядные кромлехи-кредиды с каменно-земляной забутовкой; 3 - лентообразные кромлехи-верны и 4 - кромлехи со сложными конфигурациями, внутреннее пространство которых разделено перегородками.

Г. В центральной части кромлехов находятся погребальные ямы, перекрытые 2-5 поперечно уложенными туфовыми плитами.

Д. Могилы грунтовые либо нижние части вырублены в туфовой скале. Реже встречаются могилы, стены которых обложены камнями.

Е. Форма могил - продольная. Северная же стена часто вырублена аркообразно.

Ж. Ориентировка могильных ям - север-юг (с отклонениями).

З. Дно могил - туфовый пласт, редко материк.

И. Могилы, согласно погребальному обряду, заподнены землей.

К. В могилах на определенной высоте от дна находятся специально вставленные отдельные камни, либо проходит мощная каменная прослойка.

Л. Захоронения в основном одиночные.

М. Вид захоронения - труположение на боку (преимущественно на правом), головой на север, с согнутыми ногами в позе спокойно спящего человека.

Н. Погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами, украшениями и оружием.

О. Керамический инвентарь в погребениях, как правило, находится в северной и центральной части, в изголовье и у живота покойника. Украшения и оружие расположены в центральной, реже в южной части могил, возле шеи, ног и рук.

П. Скелет занимает южную и центральную часть могил.

Р. Чаши в могилах поставлены в перевернутом виде.

С. В керамическом инвентаре преобладают миски и кувшины, реже встречаются горшки и чаши. Формы сосудов шаровидные либо биконические. Шейка кувшинов короткая и заканчивается раструбом горлышка. В погребениях керамический инвентарь представлен в сочетании: миска-кувшин или миска-кувшин-чаша.

Т. Во всех типах керамических изделий, как правило, отсутствуют ручки.

У. Керамика по внешнему виду делится на пять групп: полихромная расписная; монохромная расписная; красная лощеная; черная лощеная; серо-бурая. Первые четыре группы составляют парадную и столовую посуду, пятая имеет кухонное назначение. Каждая группа керамики (I-III выступают совместно), имеет свои характерные формы, соотношение пропорций, состав теста, техника изготовления и т.д.

Ф. Первые три группы являются характерными комплексами кармирбердской культуры. Поверхность этих сосудов покрыта тонким слоем ангоба и тщательно залощена. Глина красного цвета. В тесте содержится большое количество мелкого песка. Обжиг хороший. В разрезе черепок красный либо в середине имеет прослойку черного цвета. В основном изготовлены на гончарном круге, о чем свидетельствуют мелкие параллельные горизонтальные линии на внутренних стенах сосудов. На верхней половине монохромных и полихромных сосудов черными или разноцветными красками нарисован орнамент - фриз, обнесенный с двух сторон горизонтальными линиями, между которыми изображены разнообразные мотивы и элементы геометрической формы (свыше 80), расположенные с интервалами. Иногда от нижней горизонтальной линии свисают ряды чередующихся завитков. В орнаменте преобладают мотивы двойных секир, сетча-

тых полей, вертикальных линий и т.п.

Х. Чернолощенная керамика покрыта тонким слоем черного ангоба и тщательно залощена. Глина черного либо темно-серого цвета. Тесто из мелкозернистой глины, иногда с примесью мелкого песка. Обжиг хороший. В разрезе черепок черного цвета. Орнамент на чернолощенных сосудах в основном нанесен с помощью "шагающего" гребенчатого штампа. Это зигзаги, волнообразные линии, меандры, чередующиеся ряды вписанных друг в друга треугольников и полукругов, которые украшают плечики и основание шейки сосудов. Для керамики этой группы характерны также рельефные горизонтальные пояса.

Ц. Кухонная керамика варьирует своими оттенками, но в основном доминирует серо-коричневый цвет. В отличие от других групп форма сосудов нестандартная, выполнена в свободной манере и в основном работа ручная. Форма керамики асимметрична, стенки имеют неравномерную толщину. На поверхностях сосудов часто можно увидеть следы небрежно нанесенного ангоба. Крупнозернистое тесто содержит много примесей. Обжиг разноцветный. Редкий орнамент на верхних частях сосудов выступает в виде волнообразных желобков, ногтевого узора, клиновидных углублений и т.п.

Ш. Украшения в основном представлены разноцветными бусами из стекла, "египетского" фаянса, сердолика, гагата и морских моллюсков. Металл - редкое явление. Это бронзовые бусы в виде трубки из туго закрученных тонких проволок, завитки, кольца и булавки с закрученными верхними концами. Единственный известный тип оружия - черешковый кинжал с косыми плечиками и округлым концом.

6. Таким образом, впервые устанавливаются 23 устойчивых типа как в сфере погребального обряда, так и в комплексе материальной культуры (архитектура и другие компоненты устойчивых типов, связанные с поселениями, здесь не учитываются вследствие отсутствия памятников с четкой стратиграфией и строительных горизонтов), совокупность которых определяет кармирбердскую археологическую культуру эпохи средней бронзы в Армении. Часть компонентов свойственна только кармирбердской культуре, другая часть встречается и в иных культурах, порой отдаленных от кармирбердской как в пространстве, так и во времени. Комплекс сочетания устойчивых

типов кармирбердской культуры можно разделить также на массовые и редкие типы. К массовым типам мы относим компоненты, встречающиеся почти во всех памятниках этой культуры, а к редким типам — компоненты, фиксированные в отдельных памятниках.

7. Согласно относительной хронологии памятники кармирбердской культуры занимают нижнюю границу эпохи средней бронзы, отделяясь от куро-аракской культуры переходным этапом арагацких находок. Для решения вопроса абсолютной датировки важное значение имеют раскопки в некрополе Берин Навер. Сочетание четко датированного южномесопотамского импорта с керамическими изделиями кармирбердского и севано-узерликского типа в одном замкнутом комплексе дало нам возможность установить, что середина ХУШ в. до н.э. является допустимой для верхнего хронологического рубежа кармирбердской культуры. Истоки же ее, возможно, углубляются во вторую половину Ш тыс. до н.э.

8. Памятники кармирбердской культуры зарегистрированы в 40 пунктах на территории Армянской ССР и в двух пунктах Грузинской ССР. Они составляют довольно компактную группу и в основном сконцентрированы в бассейне озера Севан, на склонах горы Арагац и примыкающих к ней областей. Территория эта охватывает древнеармянские провинции Арагацотн, Ширак, Ниг, Котайк и Гехаркуник. Согласно урартским клинописным текстам, здесь располагались страны Уедуры, Аза, Удуани и Эриахи. На севере кармирбердской культуры распространялись синхронные ей беденская и новосвободинская культуры.

Ш. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Н.Н.ЧЕРЕДНИЧЕНКО

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РАННЕБРОНЗОВОГО ВЕКА В СТЕПНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1. Период конца энеолита - раннебронзового века ознаменовался в причерноморских степях прежде всего окончательным утверждением производящих форм экономики, что явилось результатом создания наиболее соответствующего данной экологической среде хозяйственно-культурного типа, основанного на отгонном скотоводстве и пашенном земледелии с применением переложной системы. Формирование нового хозяйственно-культурного комплекса привело к распространению в степи и нового типа погребальных памятников - курганов, а также и возникновению в долинах рек целого ряда стационарных поселений разных размеров и с разной мощностью культурного слоя. На наиболее крупных из них во время наивысшего экономического подъема возводились оборонительные сооружения в виде каменных стен и рвов, а в одном случае (Михайловка - центральный холм) зафиксирована по сути цитадель с мощными укреплениями, где находились, очевидно, постройки культового и общественного характера, и жилища вождей, т.е. эти поселения, видимо, следует считать идеологическими, организационными, не исключено, что и производственными центрами как отдельных племен, так и племенных союзов (О.Г. Шапошникова, 1971).

2. Кардинальные изменения в экономике степных племен раннебронзового века явились причиной не менее кардинальных изменений и в социальной структуре общества. Прогрессивное развитие основных отраслей производящего хозяйства способствовало углублению социальной и, видимо, также имущественной дифференциации в среде степных племен. Одним из наиболее ярких показателей социальной дифференциации в раннебронзовом веке явились подкурганные погребения с повозками, интерпретируемые в литературе как погребения

знати (Массон, 1974). Однако появление повозок в захоронениях - это не только свидетельство высокого социального положения погребенного, но и показатель достаточно высокого уровня развития экономики в данном обществе, поскольку чем развитее экономика, тем многообразнее потребности, и прежде всего хозяйственные, в средствах передвижения. Употребление повозок в погребальном обряде позволяет предполагать в рассматриваемое время в степи высокий уровень ремесленного производства, ибо невозможно изготовление и использование в повседневном быту повозок без таких ремесленников, как плотники, кожевники, а также без литейщиков и кузнецов в производстве бронзовых орудий, необходимых при изготовлении повозок.

3. Картографирование погребений с повозками позволяет установить следующее. Во-первых, подтверждается вывод этнографов еще конца XIX - начала XX вв., что распространение колесного транспорта совпадает с областью распространения пашенного земледелия. Во-вторых, устанавливается довольно отчетливая связь степных погребений через территорию Северо-Восточного Кавказа с Закавказьем, откуда, очевидно, повозки, а вместе с ними и тип хозяйства, сочетающий отгонную форму скотоводства с пашенным земледелием, распространился в степную полосу Причерноморья. Таким образом, картографированием не подтверждается ставшая в литературе уже традиционной точка зрения о связях в раннебронзовом веке степных памятников с майкопской культурой Северного Кавказа, а намечаются связи с куро-аракской культурой Северо-Восточного Кавказа и Закавказья. Одним из наиболее убедительных доказательств тому является полное отсутствие и самих повозок и моделей колес в памятниках майкопской культуры. Это явление возможно объяснить тем, что в раннебронзовом веке на территории Кавказа фиксируется два экономически неравномерно развитых района. Первый - это более отсталый Северо-Западный, где в это время известна майкопская культура с хозяйством, в основном скотоводческого направления, где земледелие заметной роли не играло, чрезвычайно сильны неолитические пережитки в кремневой индустрии, литейные формы для изготовления металлических орудий отсутствуют. Второй район - это Северо-Восточный Кавказ. Исследованные здесь памятники куро-арак-

ской культуры позволяют реконструировать развитую экономику, основанную на пашенном земледелии в сочетании с отгонным скотоводством. На поселениях рано получают распространение литейные формы для различных орудий, а также и бронзовые орудия, в частности топоры и секиры (Мунчаев, 1975). Употребление колесного транспорта куро-аракскими племенами прекрасно иллюстрируется находками на поселениях глиняных моделей колес, а также знаменитыми находками самих повозок из закавказских курганов.

4. Как известно, куро-аракские памятники Северо-Восточного Кавказа являются наиболее северным форпостом этой культуры, в основном концентрирующейся в Закавказье, а культурно близкие ей памятники (кирбет-керакской культуры) простираются и далее на юг, на территорию Северной Месопотамии (Кушнарева, Чубинишвили, 1970; Мунчаев, 1975). Распространение земледелия на Южном Кавказе связывается обычно с загросским импульсом (Мерперт, 1975). Вероятно, в связи с процессами, вызванными миграцией, в степном Причерноморье в раннебронзовом веке и сформировался вышеупомянутый хозяйственно-культурный тип.

А.Ц.ГЕВОРКЯН

ПРОГРЕСС В РАЗВИТИИ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ПОЗДНЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ АРМЕНИИ

1. В длительной истории металлургии меди и бронзы Армении, насчитывающей несколько тысячелетий, особое место занимает этап металлопроизводства, совпадающий с позднебронзовой эпохой развития материальной культуры. В это время металлургия переживает наиболее бурный расцвет, и металлопроизводство принимает настолько широкие масштабы, что продукция цветной металлургии проникает во все области жизни общества и за сравнительно короткий период почти повсюду вытесняет каменные и костяные орудия. Это была новая и самая яркая вспышка древнего цветного металлопроизводства Армении.

2. Позднебронзовая металлургия характеризуется некоторыми

основными признаками. Именно с эпохи поздней бронзы древние горняки и металлурги переходят к использованию сульфидных руд, что усложнило весь технологический процесс горнодобывающего и обогащающего дела. Сравнительно глубокое залегание сульфидных руд потребовало принципиально новых форм ее добычи с помощью подземных горных выработок, а наличие серы в минералах привело к необходимости предварительного ее обжига с целью удаления последнего как вредной примеси в металле. Обилие залежей сульфидных минералов в Армении способствовало мощнейшей интенсификации всего металлопроизводства. Это прежде всего проявляется в резком увеличении объема цветного металла, особенно при сравнении с предшествующими периодами, что фиксируется обилием готовой продукции, найденной как в самом поселении, так и погребениях этого времени. Даже в самых "бедных" захоронениях мы всегда застаем наличие меднобронзовых вещей, которые в более равных комплексах встречаются гораздо реже.

3. В рассматриваемое время расширяется и модифицируется лигатурная рецептура получения различных типов сплавов. Наряду с традиционными мышьяковистыми и оловянистыми бронзами широко применяются их многокомпонентные сплавы, где вместе с мышьяком и оловом используется свинец, сурьма, цинк и другие. Увеличивается ассортимент орудий и оружия, что выражается в появлении новых категорий вещей, не известных до этого времени. Появление новых, модификация и усовершенствование старых образцов подняло уровень производительности труда, сыграв большую роль в хозяйственной жизни, что привело к резкому увеличению прибавочного продукта и накоплению новых богатств.

Г.С.ИСМАИЛОВ

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ

I. Археологическими исследованиями установлено, что на территории Закавказья становление металлургии и металлообрабатывающего производства восходит по крайней мере к началу III тыс. до

н.э., соответствуя времени сложения общеизвестной куро-аракской раннебронзовой культуры. Тесные контакты с культурными очагами Древнего Востока, новый подъем земледельческо-скотоводческого хозяйства, усложнение хозяйственно-бытовых потребностей, наличие местных сырьевых баз - богатых медно-рудных залежей и др. были предпосылками для освоения более прочного металла - медно-мышьяковистой бронзы и возникновения металлургии и металлообрабатывающего производства, что ярко представлено в памятниках Закавказья, в частности, Азербайджана.

2. Полная серия орудий труда, связанных с процессом плавки металла, большое и в то же время разнообразное число бронзовых изделий являются частыми находками почти на каждом древнем поселении на изучаемой территории и свидетельствуют о возникновении в Закавказье на рубеже IV-III тыс. до н.э. принципиально нового и довольно сложного вида древнего производства. Освоение плавки металла и способа литья в специальных формах, усовершенствование способаковки, несомненно, были связаны со значительным прогрессом в сфере теплотехники и в познании пластических особенностей бронзы и открыли широкие возможности для повышения производства как в количественном, так и в качественном отношении новых видов орудий труда, оружия и предметов домашнего обихода. Освоение технологии литья позволило получать такие стандартные серии изделий, как четырехгранные шила, проушные топоры и др., встречаемые во многих памятниках куро-аракской культуры (Шенгавит, Гарни, Гаракепектепе)

3. Стандартизация приемов в изготовлении однотипных предметов в свою очередь децентрализовала древнее металлообрабатывающее производство Закавказья. Установлено, что в каждом поселении указанной территории было налажено постоянно действовавшее металлообрабатывающее производство, и оно, как новая самостоятельная отрасль ремесла, удовлетворяло потребности лишь данного поселения. Сложный технологический процесс в металлообрабатывающем производстве безусловно требовал профессиональной специализации и можно думать, что в сфере такого производства были заняты только индивидуумы, владеющие развитыми навыками или имеющие соответствующую классификацию. Высокий уровень профессиональной деятельности их наглядно отражен в многочисленных орудиях труда, новых видах ору-

жия, разнообразных украшениях и предметах домашнего обихода, широко распространенных в хозяйственно-бытовых и погребальных памятниках куро-аракской культуры. Возникновение металлообрабатывающего производства в Закавказье было одним из прогрессивных явлений, связанных с общими закономерностями его культурно-исторического развития, и сыграло решающую роль в организации ремесленного производства данной территории.

С.Г.ДЗВЕДЖЯН, А.Ц.ГЕВОРКЯН

ПРОГРЕССИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ.

ЛОРИ-БЕРДА

(II тыс. - начало I тыс. до н.э.)

1. Лори-берд является одним из ключевых памятников эпохи бронзы и раннего железа. Наряду с Лчашеном, Артиком, Мецамором он относится к уникальнейшим археологическим объектам, трансформировавшим в себе значительную информацию не только об общем уровне развития материальной культуры и социально-хозяйственном развитии, но и довольно большой объем конкретных сведений о металлургии и металлообработке.

2. Эту информацию можно почерпнуть, как из самих артефактов металлопроизводства, так и из других остатков, имеющих непосредственное отношение к литейному делу. К сожалению, на сегодняшний день мы пока не имеем таких важных остатков металлопроизводства, как плавильные печи, тигеля, лячки и другие приспособления. Но огромное количество разнообразных меднобронзовых изделий Лори-бердского некрополя говорит о довольно мощном подъеме металлопроизводства не только самого Лори-берда, но и всего Ташир-дзопрагетского региона, в котором сосредоточено большое количество однотипных и одновременных памятников. Очень важно наличие здесь богатой сырьевой базы в виде крупных медных месторождений, на базе которых развилось столь пышное металлопроизводство.

3. Прогресс известного металлопроизводства прежде всего хорошо наблюдается на процессе резкого расширения ведущих категорий оружия и орудий, модификации старых образцов и появлении новых типов.

Самым значительным явлением металлопроизводства Дори-берда, несомненно, является продукция художественного литья и в первую очередь скульптуры и различные модели. Мы пока нигде не встречали столь богатой коллекции древней меднобронзовой скульптуры, как здесь. Они поражают нас своей пластикой, позиционным построением, высокохудожественным, а порой просто изысканным вкусом. Вся коллекция удивляет безупречной техникой исполнения и виртуозностью, доведенной до совершенства.

Все образцы отлиты в одноразовых восковых моделях и ни на одной из них мы не могли обнаружить при самом тщательном изучении ни малейших следов технических погрешностей и небрежностей. Все это говорит о том, что древние дори-бердские литейщики позднебронзовой эпохи в совершенстве владели всеми техническими и рецептурными знаниями металлургии и литейного дела и добились значительного успеха в столь трудном и редком искусстве, каким являлось древнее металлопроизводство.

И.Т.ЧЕРНЯКОВ

РОЛЬ МЕТАЛЛУРГИИ В ПРОГРЕССЕ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

I. Степи Северного Причерноморья на протяжении всего периода бронзовой эпохи стали ареной развития степных культур с преимущественным направлением скотоводческого хозяйства. Особая направленность хозяйства степных племен, отсутствие значительных собственных месторождений (за исключением Донбасса) и определили незначительную роль металлургии в их хозяйственном и общественном прогрессе. Для определения действительного значения металлообработки в степных культурах необходимо рассмотреть ее в нескольких аспектах: I) наличие и деятельность очагов ме-

таллообработки; 2) ее объем и характер; 3) набор металлических изделий и их роль в жизни племен; 4) организация труда и социальный статус древних металлургов; 5) торговля металлом и обмен технологией; 6) клады металлических изделий как средство накопления богатств; 7) сравнительный анализ уровней технологии производства с передовыми цивилизациями этого времени.

2) Возросший интерес к истории древнейшей металлургии за последнее десятилетие, разработка проблем хронологии, типологии, функционального назначения бронзовых орудий, применение методов спектрального и металлографического анализа (Е.Н.Черных, Н.В.Рындина, С.Н.Кореневский), моделирование литейного производства (И.Т.Черняков), экспериментальное использование бронзовых орудий (Г.Ф.Коробкова) позволили по-новому определить роль металлургии в степях Северного Причерноморья. Уже в эпоху энеолита здесь выделяются древнейшие очаги металлообработки (трипольский, среднестоговский). Изучение металла в широком территориальном диапазоне привело Е.Н.Черных к открытию существования в раннем бронзовом веке обширной Циркумпонтийской металлургической провинции (III-II тыс. до н.э.). В ее рамках в Северном Причерноморье действовало несколько очагов металлообработки (кеми-обинский, усатовский). Для эпохи средней бронзы характерно развитие мощного степного (катакомбного) очага, на базе которого в позднем бронзовом веке развиваются крупнейшие очаги Восточной Европы (ингуло-красноярский, завадово-добойковский, кардашинский).

3. Исследование характера и объема металлообработки позволяет его удревнить в начало бронзового века до середины III тыс. до н.э. В усатовской и ямной культурах известно не только значительное количество бронзовых изделий в погребениях, но и обнаружены следы металлообработки на поселениях (дьячка в Усатом, сопло в Михайловке). Для эпохи средней бронзы известны целые наборы предметов металлургического производства (дьячки, сопла, литейные формы топоров, ножей и др.) и даже кладов изделий (Бандуркинский, Софиевский, Рыбаковский, Бородинский). В эпоху поздней бронзы многочисленные клады литейных форм и бронзовых изделий дополняются находками следов металлообработки на большинстве исследованных поселений, свидетельствующих о широком и повсеместном рас-

пространении металлургии. Объем выпуска и стандартизация бронзовых изделий неизменно увеличивались.

4. В эпоху неолита отмечено не только производство украшений, но главным образом орудий труда (топоров-тесел, топоров-мотыг, тесел-долот в трипольской и топоров-тесел в среднестоговской культурах). В раннебронзовом веке усатовский набор металла включает также преимущественно орудия труда и оружие (долота, топоры-тесла, кинжалы), а погребения литейщиков в Крыму и у с. В.Маевка на Нижнем Днепре содержат литейные формы для отливки вислообушных топоров. В эпоху средней бронзы металл представлен, в основном орудиями труда и оружием (штульчатые топоры, долота, серпы, шилья, ножи, кинжалы, наконечники копий). Мастера позднебронзового века расширили производство орудий труда и орудия не только в количественном отношении, но и создали совершенные и многочисленные новые типы кельтов, серпов, ножей, кинжалов, наконечников копий и др. Новым явлением этой эпохи является производство металлических псалий и конского снаряжения (Ивгульский, Андровский клады, Новокиевское поселение). Открытие майкопских металлических псалий не исключает их возможного раннего распространения и в Северном Причерноморье. Лозовский клад в Молдавии содержит фрагменты древнейших металлических шлемов, а деревянный щит сабатиновского погребения в Борисовке сделан при помощи бронзовых заклепок.

5. Орудия труда не только по количеству, но и по массе металла, идущего на их изготовление, занимают господствующее положение на всем протяжении бронзового века. Большинство из них связано с обработкой дерева, изготовлением деревянных орудий труда. Освоение огромных пространств степными племенами было бы невозможным без повозки, сделанной бронзовыми топорами и теслами. Несомненно зафиксировано применение топоров-тесел для обработки камня-ракушечника при постройке каменных кбридоров-жилищ и курганных стел в Усатово. Долота могли применяться не только для обработки дерева и камня, но и служить металлическими насадками для палок-копалок. Тогда и появление основной массы курганов степей, связанных с бронзовым веком, обязано металлургии. Ножи и шилья, несомненно, являлись главными орудиями при обра-

ботке шкур, изготовлении многочисленных кожаных изделий, одежды, предметов быта, игравших важную роль в жизни степных племен. Об огромной роли металлических изделий в степной зоне косвенно свидетельствует и отсутствие соответственных орудий из кремня, широко распространенных, например, в лесостепных культурах (культуры шнуровой керамики). Появление металлического оружия в раннем бронзовом веке, которое затем увеличилось за счет новых типов (кроме кинжалов, наконечники копий, мечи, стрелы, защитное вооружение), сделало военное дело важнейшим фактором развития. Эффективность бронзовых орудий по сравнению с каменными, несмотря на распространенное предубеждение к ним, была достаточно высокой. Бронзовые серпы, например, не уступают железным (Г.Ф. Коробкова).

6. По мнению Е.Н. Черных на территории юго-запада СССР и Болгарии может быть отмечен не только особый социальный статус металлургов, высокий уровень организации производства, но и существование клановых ремесленных организаций, деятельность которых охватывала все стороны металлургии - от добычи руды, ее плавки, изготовления изделий до их распространения на значительных территориях с помощью торговых посредников. Археологические источники не всегда являются прямым отражением реальных процессов. Так, например, погребения литейщиков, как и большое количество металлических изделий в погребениях, свидетельствуют, скорее, об архаическом уровне металлургии, редкости профессии литейщиков и scarcity металла. Особенностью развития степной металлургии является бедность собственной меднорудной базы и большая зависимость от внешних источников, почему торговля металлом и приобрела особое значение. Возможно, направленность движений степных племен к Подунавью и Северному Кавказу была связана со стремлением захватить торговые пути и даже источники снабжения металлом. Торговля металлом в условиях развитого скотоводческого хозяйства создавала благоприятные условия для концентрации богатств, что выразилось в захоронении кладов металлических изделий, появившихся уже в эпоху энеолита (Карбунский). Число таких кладов заметно увеличилось в эпоху средней и поздней бронзы. Открытие катакомбного погребения литейщика у с. Терновка в Приазовье с целым набором раз-

личных льячек и литейных форм для отливки бронзовых слитков свидетельствует о существовании каких-то весовых категорий и распространении древнейших обменных бронзовых слитков, заимствованных, вероятно, в Передней Азии или Средиземноморье.

7. Развитие бронзолитейной металлургии может объяснить в значительной мере экономические и культурные успехи степных скотоводческих племен, способствовавшие повсеместному освоению пространств степей, установлению широких связей, консолидации и образованию больших племенных объединений, строя военной демократии, подготовившего образование классового государства Скифии в I тыс. до н.э. Точно так же, как и экономика древнейших государств Месопотамии, Египта, Передней Азии и Средиземноморья, и развитие племенных союзов, культурно-исторических общностей эпохи бронзы Северного Причерноморья базировалось на достижениях бронзолитейной металлургии. Наряду с началом эры производящего хозяйства, "неолитической революцией" эпоха бронзы может быть охарактеризована как величайший шаг, именуемая по этой аналогии "металлургической", "бронзолитейной революцией", в которой участвовали и степные племена юга нашей страны.

И.Н.ШАРАФУТДИНОВА

КАМЕННЫЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

(По материалам Северного Причерноморья
второй половины II - начала I тыс. до н.э.)

I. Северное Причерноморье начиная с XIV-XIII вв. до н.э. переживает значительные изменения в экономике степных племен, что нашло отражение в большом количестве поселений, развитии каменного домостроительства, освоении удаленных от рек степных пространств. Эти успехи в значительной мере обусловлены развитием негнанных металлообрабатывающих очагов, базировавшихся на привозной меди карпато-балканского и, в меньшей мере, кавказского и

Уральского происхождения (Е.Н.Черных), а также на медных рудах Донбасса (С.И.Татаринов) и зависевших от горнорудного и горно-металлургического производства в этих обладающих медной рудой районах.

2. Технические и технологические усовершенствования металлообрабатывающего производства в Северном Причерноморье позднего периода эпохи бронзы привели к замене глиняных литейных форм каменными, в результате чего бронзолитейное производство здесь с этого времени оказалось теснейшим образом связанным не только с меднорудным, но и с производством каменных литейных форм (В.С. Бочкарев).

3. В настоящее время известно около 300 литейных форм (В.С. Бочкарев, А.М.Десков, 1980; новые поступления в Институте археологии АН УССР и музеи Украины), обнаруженных преимущественно на территории расселения сабатиновских племен и их соседей. Большинство форм изготовлено из талько-хлорито-амфиболовых, амфиболо-тальковых и хлорито-амфиболо-тальковых сланцев. Производственный эффект литейных форм из этих сланцев очень высок: в каждой форме (установлено опытами И.Т.Чернякова и В.Ф.Елисеева) можно было отлить более ста предметов, требовавших незначительной кузнечной обработки. Качества талькового сланца, позволявшие вырезать любые негативы, заменяя по мере износа новыми, использовать для негативов все четыре стороны бруска, определили преимущество тальковых форм по сравнению с формами из других материалов в пользовании и транспортировке, сделав сланец незаменимым во всех металлообрабатывающих мастерских Северного Причерноморья на протяжении свыше полтысячелетия.

4. По определению геологов (В.Ф.Петрунь, М.И.Ожегова и др.), залежи тальковых сланцев, доступные для эксплуатации в древности, весьма ограничены и сосредоточены в основном по берегам Ингульца и Саксагани на Криворожье, а также в Днепровском Надпорожье (И. Спасский, А.Н.Козловская). Следовательно, источники сырья для литейных форм были удалены от бронзообрабатывающих мастерских (Красные Маяки, Голоуров, Кардашинка и др.) на десятки и даже сотни километров. Эти источники оставались неизменными в течение функционирования указанных очагов металлообработки, в то время

как направление связей с источниками металла менялось несколько раз. Только наличие в районах с тальковыми сланцами специалистов с определенными геологическими познаниями, профессиональными навыками, набором соответствующих инструментов и установление регулярных контактов могли обеспечить необходимыми материалами для литейных форм многочисленные бронзолитейные мастерские Северного Причерноморья.

5. находки в комплексах с "рабочими" литейными формами отдельных запасных заготовок брусков сланца, следы переделок уже обработанных форм позволили исследователям сделать вывод о транспортировке сланцевых брусков, из которых литейные формы изготавливались уже в самих металлообрабатывающих мастерских.

6. недавно у с.Новоселки на Ингульце вблизи выходов тальковых сланцев найден комплекс в разной степени обработанных заготовок литейных форм, двух пестов и несколько разбитых матриц-образцов для новых форм. Этот комплекс позволяет видеть в нем клад или остатки мастерской по изготовлению матриц, являвшейся промежуточным звеном между добывавшим сланец горняком и металлообрабатывавшей мастерской. По-видимому, комплекс из о.Таволжаного на Днепре также принадлежал мастеру по изготовлению литейных форм. Стандартизация форм и размеров заготовок, некоторые технические приемы обработки брусков позволяют наметить пути выделения отдельных мастерских по изготовлению заготовок и литейных форм, определить территории, которую обслуживала мастерская или группа мастерских с одинаковыми техническими приемами. В частности, близость материала, форм и размера матриц из клада на р.Чуть, заготовок для матриц серпов из Новоселок и форм из ур.Дурна скеля близ Запорожья, возможно, определяют радиус действия Новоселковской мастерской или группы мастерских, близких Новоселковской.

7. Таким образом, в Северном Причерноморье, параллельно с бронзообрабатывающими очагами, как одно из важнейших условий их существования, в Криворожье и Надпорожье (не исключено и в других районах) функционировали очаги по добыче сланцев и по изготовлению заготовок для литейных форм и самих литейных форм. Деятельность этих очагов прекратилась с исчезновением бронзообрабатывающих очагов в Северном Причерноморье. Итак, в системе металлургии

ческого и металлообрабатывающего производства в поздний период бронзы параллельно с горным (меднорудным) и медноплавильным ремеслами выступает как структурный компонент также горное (сланцедобывающее) и камнерезное ремесла. Эти последние специализировались на изготовлении литейных форм - важнейших орудий для производства серий бронзовых орудий труда (средства производства) и предметов потребления. Таковые литейные формы способствовали широкому распространению бронзовых орудий труда, а следовательно, и повышению производительности труда во всех основных сферах производящего хозяйства этого периода.

К.М.КАРАБАСЛАНОВА

РАЗВИТИЕ МЕТАЛЛУРГИИ И ГОРНОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ

1. Казахстан с его богатейшими залежами цветных металлов в эпоху бронзы был одной из крупнейших горнометаллургических областей на территории СССР. Рудные источники Казахстана послужили базой для расцвета племен андроновской культурной общности и бегазы-дандыбаевской культуры.

2. В определенной степени можно говорить об изученности трех наиболее значительных горнометаллургических центров. Многочисленные древние горные выработки известны в Северном Казахстане в районе г.Степняка и Имантауских гор. Следы металлообработки встречаются почти на всех исследованных поселениях. Горные разработки на медь и олово велись в больших масштабах в Восточном Казахстане: в горах Алтая и в Калбинском хребте. Здесь встречаются открытые выработки и глубокие штольни. Об обработке руды и выплавке металла свидетельствуют находки кусочков руды, шлака, литейных форм, разнообразных металлических изделий на поселениях Мало-Красноярка, Трушниково. Центральный Казахстан также являлся крупным горнометаллургическим центром в эпоху бронзы, базировавшимся на месторождениях Джеказгана.

3. Сведения о наличии древних выработок на медь и олово в

льном Казахстане немногочисленны. Имеются данные о разработке месторождений в центральной части Бетпак-далы, в верховьях р. Каир-Шахты. На выработках Четырколя были найдены каменные орудия. Ближайшие источники олова находятся в Кызылкумских горах. Поселения в этом районе недостаточно изучены, поэтому говорить о существовании металлообработки можно только предположительно на основании остатков медеплавильного производства, обнаруженных на стоянках эпохи бронзы во внутренних Кызыл-кумах.

4. Более известны месторождения цветных металлов в Семиречье, где они разрабатывались в древнейших времен. Это выработки на медь в Досторе, Чингильды, и в районе с.Кегень в верховьях рек Темирлик, Кенбулак и Туяксу. Следы горных разработок сохранились в районе пос.Коксу, где были найдены орудия горного дела (молоты и кирки). Выработки на медь и свинец имеются около с. Уаунбулак, здесь не был обнаружен шлак. На территории соседней Киргизии исследованы древние рудники в горах Киргизского хребта (Джалгыз-Арча, Минг-Джилга, Акташ). Древние горные инструменты найдены в Таласской долине и на Иссык-Куле. Многочисленные находки кладов и отдельных металлических изделий говорят о развитой технике обработки металла.

5. Эти данные позволяют сделать предварительные выводы о существовании Южно-Казахстанского горнометаллургического центра, вероятно, связанного с соседними центрами Средней Азии и Казахстана.

Д.А.ХАХУТАЙШВИЛИ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА ЖЕЛЕЗА В ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЕ

1. Исследования последних лет, проведенные на территории Западной Грузии, показали, что племена древней Колхиды рано приступили к производству железа. Самая древняя железоплавильная печь этого региона датируется XIV веком до н.э. Выявленные около 400 объектов - развалин железоплавильных мастерских доантичного

и античного времени сгруппированы в четырех основных очагах Колхидского горнометаллургического центра - Чорохском, Чолоки-Очхамурском, Сулса-Губазульском и Хоби-Очхомурском.

2. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что на раннем этапе технического и хозяйственного освоения железа (XV-VI вв. до н.э.) древняя Колхида являлась важным центром производства железа для Кавказа и соседних стран, что отражено в древних письменных традициях. Железоплавильные мастерские древней Колхиды работали на местной сырьевой базе. В ранней стадии их развития установлено применение для плавки лишь магнетитовых песков, богатые залежи которых имеются на побережье Восточного Причерноморья, а с X века до н.э. наряду с магнетитом используется и гематит.

Г.Ф.КОРОБКОВА

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
(В свете экспериментально-траасологических исследований каменных орудий)

I. Большую роль в развитии общества и культуры в целом играет трудовая деятельность, в которой человек предстает как культуросозидающий элемент. Новое в технологии изготовления орудий труда, наборе этих орудий и системе производства, с которыми они были связаны, содержит в своей основе обобщение накопленного эмпирическим путем трудового опыта и результаты развития прогрессивных элементов культуры. Эмпирическое познание открывало новые грани и стороны окружающей действительности. Последние стихийно становились объектом приложения человеческих усилий и обуславливали в какой-то степени совершенствование и развитие орудийной деятельности, а вместе с ней самого человека, его способностей, знаний, опыта. Даже воспроизводство традиционных стереотипных форм орудий при низком состоянии техники их изготовления представляло значительные трудности и являлось своего рода искусством, подлинным профессиональным мастерством. С развитием этого

производства бывшие ранее творческие функции людей в ходе репродуцирования изделий превращались в механические и оставались таковыми до тех пор, пока не возникали инновации, после чего наступала новая волна творчества. Развитие производства материальных ценностей являлось стимулом в прогрессе любой культуры в целом и археологической в частности. Исследователи подчеркивают, что каждая новая формация превосходит предыдущую ростом производительных сил, который справедливо считается главным объективным критерием прогресса (Федосеев, 1982).

2. На примере земледельческо-скотоводческих комплексов Средней Азии и Кавказа, датируемых эпохой палеометалла, можно видеть прогрессивные изменения, происходившие в культурах с переходом к производящим формам хозяйства. Особенно это заметно на орудиях труда, технологии их изготовления, функциональном содержании. Воспроизводство продуктов питания привело к дальнейшей дифференциации и специализации орудий, повышению темпов развития производительных сил, к первому общественному разделению труда. Это обусловило последующую специализацию земледелия и скотоводства, возникновение архаических форм ремесла, способствовало регулярному обмену продуктами трудовой деятельности. Истоки этих перемен были заложены в прогрессе производительных сил, экономике и социальном развитии общества в целом. Таким образом, к числу главных факторов этих изменений принадлежат орудия труда. В ходе исторического развития выработанные ранее при изготовлении орудий технические приемы постепенно совершенствовались. Это привело к модификации ряда традиционных элементов и к появлению новых типов изделий, которые и обусловили появление новой технологии. Развитие орудий шло по пути подражания старым традиционным образцам, создания новой технологии, ее утверждения, модификации новых моделей и стереотипизации последних.

3. В среднеазиатском регионе зарождение новой технологии, новых стереотипных инструментов, новых функциональных типов демонстрируют материалы эпохи неолита, представленные джейтунской культурой, и эпохи палеометалла, характеризующиеся памятниками анауской культуры и культуры Алтын-тепе. В джейтунской культуре ряд орудий был усовершенствован путем удлинения лезвия, примене-

ния двуручной рукояти, изменения старой формы и т.д. вместе с ними была усовершенствована и изменена технология отдельных производств. Так, в скорняжно-кожевенном деле обработка шкур стала производиться на специальной колоде. В производстве украшений появились примитивные станковые сверла. В охотничьей деятельности стала применяться ядерная техника. Новые усовершенствования старых орудий повысили их производительность, изменили технику их изготовления и технологию производств, в которых они были заняты. С появлением палок-копалок, хатвенных ножей, ступок, пестов, зернотерок, курантов и других изделий начало развиваться земледельческое производство. последнее претерпело определенные изменения с усовершенствованием деталей орудий, вовлеченных в трудовой процесс. Палки-копалки стали снабжаться каменными утяжелителями, лезвия хатвенных изделий приобретают зубчатые крошки. Заметно стало прогрессировать появившиеся в раннем Джейтуне ткачество. Примитивный ткацкий станок с дисковидными пряслицами раннего времени был заменен новым, более усложненным, в котором ведущую роль играли уже специализированные керамические пряслица.

Технический и технологический прогресс неолитической индустрии создал предпосылки к утверждению новых производственных моделей, резко повысивших и производительность и эффективность производства. Движущей силой развития орудий становится сохранение и совершенствование функциональных свойств инструментов при экономии затрат труда на их изготовление и повышении производительности.

4. В эпоху палеометалла в Геоксюрском оазисе и особенно на Алтын-тепе наблюдается дальнейшее развитие старых инструментов и появление инноваций. Резко сокращается количество каменных изделий, занятых в хозяйственной деятельности, которые, по-видимому, заменяются металлическими. Среди сохранившихся типов доживают единичные вкладыши серпов, скребки, сверла и наконечники стрел. Однако кремневые серпы состоят уже из одной крупной пластины, снабженной зубцами по краю, и вставленной в рукоятку под косым углом. Наконечники стрел отделяются великоделной отжимной ретушью. Большая группа орудий, изготовленных из порфирито-диабазовых пород, вошла в новое металлургическое и металлообрабатывающее производство. В это время появляются металлические серпы, перья молотиль-

ные доски, оснащенные кремневыми вкладышами, примитивные пахотные орудия. Изменилась технология земледельческого хозяйства. Для обработки больших посевных площадей понадобились более эффективные и прочные орудия, а для переработки продуктов земледелия - развитые молотильные доски, способные обработать урожай с этих полей и большое количество зернообрабатывающих инструментов, восполняющих отсутствие более эффективных орудий количеством увеличением старых. Технология охотничьего хозяйства из-за усиления роли скотоводческого сектора почти не изменилась. В скорняжно-кожевенном производстве появились керамические скребки, обладающие достаточной эффективностью за счет абразирующих свойств самого материала, становятся серийными двуручные струги, предназначенные для массовой обработки шкур на больших площадях. Эти орудия свидетельствуют об изменении технологии кожевенного производства и примитивного станка в виде деревянной рамы. Вместе с тем продолжала применяться и колода. С переходом к металлургическому сырью появились новые производства: металлургическое и металлообрабатывающее. Об этом говорят орудия труда, связанные с обработкой руды, с изготовлением металлических инструментов и украшений, найденные на Алтын-тепе.

Таким образом, в эпоху палеометалла на территории Средней Азии наблюдался заметный рост и подъем самых разнообразных производств. Данные анализа орудий труда свидетельствуют о совершенствовании технологии старых традиционных производств (скорняжно-кожевенное, ткацкое, костерезное, керамическое, изготовление орудий, украшений, в которых уже используются станковые конструкции) и появлении новой, связанной с возникновением металлургического и металлообрабатывающего производств.

5. Аналогичная картина развития производственной деятельности наблюдалась в это же время на территории Кавказа. Неолитические комплексы шулавери-шомутепинской культуры имели уже целый ряд усовершенствованных производств (скорняжно-кожевенное, деревообрабатывающее, костерезное, ткацкое, гончарное, ювелирное, плетение циновок, производство каменных орудий, строительное и др.). Судя по орудиям труда, трудовая деятельность куро-аракских племен была более разнообразной. Для этого времени характерно

многообразие и разнообразие производств с усовершенствованной старой и новой технологией, требующей применения станковых приспособлений. Изготовление орудий достигло наивысшего расцвета благодаря массовому развитию техники двустороннего ретуширования, пикетажной и абразивной. Орудия широкого потребления приобрели стандартные формы. Появились металлургическое и металлообрабатывающее производства. Второе было связано с возникновением специализированных орудий труда и с ювелирным делом.

Особенно развитыми предстают производства майкопской культуры, носители которой, судя по каменным изделиям из Новосвободненской группы курганов, в совершенстве владели каменнообрабатывающей и костерезной техникой, достигшей высокого уровня профессионализма. Это использование отжимной, пильчатой и струйчатой ретуши, пикетажной, абразивной, с огромным арсеналом разнообразных орудий, техники пиления, сверления, резания. С помощью этих технических приемов получали высоко эффективные инструменты, оружейные, культовые предметы, произведения искусства. Заметных ступеней развития достигло местное металлургическое и металлообрабатывающее производства. Новосвободненским мастерам был известен циркулярный станок с подвижным резаком для нарезки каменных колец-браслетов и колец из металлической фольги. Они владели станковым цилиндрическим сверлением. При изготовлении ювелирных изделий из пластинчатого металла использовалась холодная ковка, выглаживание и выпрямление листового металла, выдавливание на специальных формах из фольги украшений полусферической формы, прокатывание орнамента металлическим штампом и другие приемы. Здесь же найдены изделия, связанные с направкой лезвий металлических ножей, кинжалов, топоров, тесел, с заострением рабочих концов шильев, игл и других предметов.

Переход от каменных орудий к металлическим означал качественный скачок в развитии производств и культур в целом. Он вызвал дальнейшую эволюцию производственной деятельности коллективов, рост высокого профессионализма, связанного с усилением специализации производств.

Вместе с тем общество эпохи бронзы максимально использовало технические достижения предшествующей эпохи и каменные ору-

дия, включенные в новую хозяйственную систему и способствовавшие во многом ее прогрессу.

Н.Н.СКАКУН

ПРОГРЕССИВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ РАННЕЗЕМЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР БОЛГАРИИ

1. Успехи последних десятилетий в изучении эпохи палеометалла Болгарии раскрыли тот примечательный факт, что в позднем энеолите территория страны являлась одной из зон активного формирования высокоразвитых культур на юго-востоке Европы. В основе этих процессов лежало прогрессивное развитие производящих форм экономики, дальнейший рост производительных сил. Ярким отражением происходивших изменений являются орудия труда. Трасологические исследования, подкрепленные данными экспериментов, являются надежным критерием для конкретных палеоэкономических реконструкций.

2. Несмотря на то, что основным сырьем для орудий в энеолите Болгарии продолжают оставаться камень, рог, кость, в целом в производственном инвентаре наблюдаются значительные качественные изменения. В первую очередь, необходимо остановиться на принципиально новых орудиях труда, появившихся в одной из основных отраслей хозяйства - земледелии. Это пахотные и молотильные орудия. Древнейшие пахотные орудия эпохи энеолита - роговые сохи. Вспашка осуществлялась с помощью тяглового скота. Убедительным доказательством этому служат исследования палеозоологов, которые выявили специфические изменения на тазабедренных костях крупного рогатого скота, появляющиеся как результат постоянной нагрузки при пахоте.

Другим новшеством эпохи энеолита являются орудия, применявшиеся при обмолачивании зерна. Подобные орудия известны в этнографии и представляют собой две сбитые вместе широкие доски, слегка загнутые на переднем конце. В их нижнюю плоскость в шахматном порядке забиты кремневые вкладыши. Такие кремневые вкладыши в Болгарии впервые были найдены при раскопках энеолитического поселения Дуранкулак. Это - фрагменты пластин правильной призматической формы.

Боковая рабочая часть их сильно затуплена, смята, выкрошена. На ней заметна яркая полоса зеркального блеска и резкие четкие продольные следы, возникшие от перерезания стеблей зерновых и соприкосновения с землей. Роговые сохи, подобные описанным выше, обнаружены в синхронном памятнике Рудьвии - Касчиоареле, а также на трипольском поселении Новые Русешты. Вкладыши молотильной доски выделены трасологическим путем в энеолитической культуре Северо-Западного Причерноморья СССР, Болград-Алдени II и энеолите Кавказа.

3. В сфере домашних промыслов в это время также совершаются важные изменения. Само производство орудий труда вырастает за рамки домашнего промысла. Совершенствуются техника обработки, шлифования, пиления камня. Происходит стандартизация форм орудий труда. Именно в энеолите начинаются в крупных масштабах разработки высококачественного кремня в северной Добрудже. Это сырье распространяется по всей стране и проникает при обмене далеко на север в Молдавию и на Украину. В Болгарии, в районе города Разград, обнаружены кремнедобывающие и кремнеобрабатывающие мастерские, где найдены в изобилии крупные конкреции кремня и нуклеума на разных стадиях сработанности. В этих мастерских получали заготовки орудий, которые доставлялись в поселки. Кремневая индустрия носит ярко выраженный пластинчатый характер, заготовки поражают своим совершенством. Они отличаются исключительно правильной призматической формой, прямым профилем, имеют острые боковые кройки. Трасологический анализ выявляет на поселениях полный набор орудий труда, необходимый человеку в его повседневной жизни. Четко проявляется тенденция к стандартизации инструментов: для каждого типа орудий характерны оптимальные размеры и формы заготовок. В массовом порядке в это время производились орудия из рога. Ищутся и специальные мастерские по обработке этого сырья. находка такого комплекса на поселении Овчарово позволяет проследить все этапы обработки рога и изготовления орудий из него. Там же найдены и склады сырья. Все это дает возможность говорить о выделении производства орудий труда в специализированное производство, которое, вероятно, обслуживали мастера-профессионалы.

4. Со стандартизацией форм орудий связана их дальнейшая

дифференциация и специализация. Почти полностью исчезают полифункциональные инструменты. Этот процесс хорошо иллюстрируют орудия по выделке шкур и кож. Различные операции этого производства обслуживают определенные инструменты. Кроме традиционных орудий в энеолите распространяется новый уникальный инструмент. Это скребок-струг, кремневый вкладыш которого вставлялся в двуручную дугообразную рукоять. Как показали эксперименты, производительность этого орудия в 2-2,5 раза превышает производительность скребков. Появление скребков-стругов знаменует собой новый этап в технологии кожевенного дела. При раскопках поселений получены свидетельства о существовании в энеолите кожевенных мастерских. Так, на поселении Цоляница в отдельных помещениях зафиксированы скопления керамики с толстым слоем щелочной накипи органического происхождения. Вероятно, в этих сосудах происходило дубление. Здесь же обнаружены и многочисленные орудия труда, применявшиеся в обработке шкур и кож. Это обстоятельство свидетельствует о специализации кожевенного дела в рамках одного поселения.

5. Таким образом, результаты исследования орудийного комплекса энеолитических поселений Болгарии говорят о высоком уровне техники обработки камня и изготовления орудий труда. Появляются новые высокопроизводительные орудия, что связано с возникновением новых производств и усовершенствованием старых. Отличительной чертой производственного инвентаря этого времени является стандартизация, углубленная дифференциация и специализация инструментов. Эти факты, а также появление обособленных мастерских указывают на специализацию отдельных производств - кремнеобрабатывающего, кремнедобывающего, скорняжного, которые наряду с гончарством и металлургией оформляются в отрасли общинного ремесла. Развитие пашенного земледелия, выделение на его основе начальных форм общинного ремесла явились тем экономическим базисом, на основе которого энеолитическое общество сделало первые шаги на пути создания цивилизации.

СТЕКЛО И ФАЯНС КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОГРЕССА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

1. Одним из показателей прогресса в развитии археологических культур на юге Восточной Европы является использование их носителями стекла и фаянса - весьма древних искусственных материалов, которые человечество научилось изготавливать еще на заре цивилизации. Первые изделия из фаянса на изучаемой территории появляются во II тыс. до н.э., в памятниках катакомбного, КМК, сабатиновского и белозерского времени. Хотя ареал их распространения довольно широк, но ясно фиксируется увеличение количества находок к востоку от Днепра. Их находки известны на территории Донецкой, Ворошиловградской, Запорожской, Днепропетровской, Полтавской, Херсонской, Николаевской и других областей. Древнейшие фаянсы пока не известны на Одессине.

2. Фаянсовые украшения представлены в основном бусами короткоцилиндрической, эллипсоидной, сегментовидной и биконической формы, а также парноузловатыми и двурожковыми на цилиндрическом корпусе. С технологической точки зрения фаянсы можно разделить на две основные разновидности: изделия с белой или желто-коричневой пористой основой, покрытой бирюзовой глазурью, и украшения с твердой бирюзовой основой, покрытой сверху таким же по цвету слоем глазури (обыкновенный фаянс и фаянс Д по классификации А. Лукаса). Весьма широко были распространены фаянсы на изучаемой территории и в античную эпоху. Различные по форме и технологии изготовления, фаянсы постоянно встречаются в греческих, скифских, сарматских и других памятниках синхронных им культур.

3. Украшения из стекла в восточноевропейских степях также спорадически появляются в начале II тыс. до н.э., в памятниках позднеямного времени (Херсонская обл.). Их количество значительно увеличивается в белозерскую эпоху. Однако качественно обстановка изменяется в скифо-античное время. Поражает разнообразие бытующей продукции, множеством химических типов, подтипами

и ювелирным мастерством стекло эллинской эпохи.

Стекло и фаянс имеют как общие черты, характерные для всех археологических источников, так и отличаются рядом специфических особенностей, позволяющих выделить их в особую группу. В большинстве случаев изделия из этих материалов имеют хорошую постдепозиционную сохранность. Часто являясь единственным сопроводительным инвентарем в археологических комплексах, они на основании хорошо разработанных типологических схем представляют важные данные для точных датировок. Особое значение имеют химико-технологические исследования,

4. В древности существовал ограниченный, хотя, несомненно, и более широкий, чем ныне выявленный, круг очагов стеклоделия и производства фаянсов. Каждый из этих очагов имел ряд специфических производственных приемов. На основании анализов северо-причерноморских материалов констатируется факт значительной эволюции стеклоделия Старого Света в пределах изучаемых эпох. Установлено, например, что большинство стекол из белозерских комплексов (XII - X вв. до н.э.) сварено на золе континентальных растений и характеризуется пониженным содержанием кальция и магния. Такие стекла относятся к типу калиево-натриево-кремнеземных ($K_2O - Na_2O - SiO_2$). Они занимают промежуточное положение между стекловидным фаянсом и собственно стеклом. В основном это просвечивающиеся стекла бирюзового цвета. Они окрашены медью, вводящейся в шихту, как правило, в виде шлаков оловянистой бронзы. Центры производства таких стекол пока не локализованы. Возможно, они импортированы с Передней Азии или Кавказа. Не исключается категорически и местное производство. В то же время, на юге Восточной Европы в доскифскую эпоху бытовали и стекла, сваренные по рецептам древнеегипетской школы стеклоделия: на натуральной соде. Они отличаются от золистых также более высоким содержанием щелочных земель и относятся к так называемому античному типу натриево-кальциево-кремнеземных ($Na_2O - CaO - SiO_2$). Однако в количественном отношении таких стекол значительно меньше.

5. Потребление стекла и фаянса в древности носило особый характер. Эти материалы предназначались в основном для производства изделий, удовлетворявших культурные потребности. Поэтому их

находки в археологических комплексах предоставляют важные материалы при попытках построения колонок социальной стратификации изучаемых обществ. Они также существенно пополняют источники по изучению идеологических воззрений, эстетических вкусов, цветоощущения и истории декоративно-прикладного искусства древнего населения Северного Причерноморья.

6. Особое значение имеют поиск и всестороннее изучение остатков стеклоделательного и фаянсового производства у древнего населения юга европейской части СССР. Недавно автору удалось открыть на Ягорлыцком поселении близ Ольвии стеклоделательные мастерские, функционировавшие в начале VI в. до н.э., т.е. в эпоху ионийской колонизации края. Древнегреческие стеклоделатели работали по традициям древнеегипетской школы, используя песок и натуральную соду, а также золу морских растений. Ремесленники использовали различные красители, в первую очередь соединения меди и железа. Однако им еще не были известны обесцвечиватели. Существовали ли центры стеклоделия и производства фаянсов на изучаемой территории в эпоху бронзы, покажут будущие исследования.

Ю.А.ШИЛОВ

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ И РАЗВИТИЕ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА - БРОНЗЫ

I. Археологическая традиция связывает остродонность сосудов ямной культуры с примитивными очагами скотоводов, а распространение плоскодонных сосудов в катакомбное и срубное время - с появлением стационарных печей с плоским подом (Авдусин, 1977). Эксперименты же показали минимальность растрескивания дна при сушке остродонных сосудов, тогда как процент брака плоскодонных сосудов с этим дефектом велик. Это привело С.А.Семенова (1965) к выводу о необходимости учета физических законов и свойств керамики. Такой учет, однако, не произведен даже в капитальной монографии о гончарстве Восточной Европы (Бобринский, 1978). Предла-

гаемый доклад развивает вышеуказанный вывод С.А.Семенова.

2. С позиции физико-химических основ керамики, изготовление сосудов предполагает: пластификацию глины путем ее увлажнения и добавления примесей; формовку емкости (сосуда); удаление сухой воды - как вещества, недостаточно прочно связывающего глинистые и прочие частицы; связывание частиц кристаллизующимися расплавами, образовавшимися в высушенной формовочной массе вследствие ее термической обработки.

Каждая из перечисленных стадий керамического производства обладает особыми закономерностями. 1) примеси могут понижать и повышать пластичность глин и, что особенно важно, понижать температуру обжига и повышать спекаемость черепка. 2) формы, различная толщина стенок и орнаментация сосудов способны гасить напряжения на их стенки; напряжение в придонной части конических сосудов близко нулю, а у сферических и цилиндрических - наиболее велико. 3) Происходящая при сушке и обжиге усадка влечет значительные напряжения в верхней половине сосудов; профилировка и орнаментация служат при этом амортизатором и поясом жесткости. 4) Обжиг проверяет соответствие изготавливаемого сосуда физико-химическим основам керамики.

3. В свете вышеизложенного изменения керамики на протяжении ямного, катакомбного, срубного времени представляются этапами единого процесса освоения керамического производства в степях эпохи энеолита - бронзы. На первом этапе были освоены конические и близкие им формы сосудов, а также формовочные массы с понижающими температуру обжига примесями (органическими, измельченными раковин, дегидрированных глин). На втором этапе возобладала сферическая и близкая им формы, напряжение на стенки которых от венчика ко дну возрастает плавно; в связи с повышением температуры обжига распространилась примесь песка. На третьем этапе господствующее положение заняли сосуды цилиндрических и близких им форм, напряжение на стенки которых в придонной части резко возрастает, в связи с чем в начале срубного времени распространились ребристые профилировки, усиленные к тому же поясами жесткости в виде валиков. Преобладание органических примесей, повышающих пластичность замеса и спекаемость черепка и понижающих тем-

температуру обжига, связано с освоением малоприспособных (но зато чаще встречающихся) глин и с утилизацией керамического производства.

В.П.ШИДОВ

ПЕРВЫЕ РЕМЕСЛЕННИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПРЕДКАВКАЗСКИХ СТЕПЯХ

1. При изучении палеоэкономики первобытных племен, обитавших в степях Евразии, так же как и в Предкавказье, долго господствовала точка зрения о низком уровне развития производительных сил и производственных отношений. При этом некоторые исследователи допускали только общинную форму труда и присвоения его результатов в эту эпоху. Недавно С.С.Березанская выдвинула иную точку зрения. На основании новых материалов из поселений металлургов, курганных находок она убедительно показала, что первые мастера-металлурги на территории Украины появляются в эпоху срубной культуры, и тем самым поставила вопрос о появлении первых ремесленников во второй половине II тыс. до н.э.

2. Для воссоздания социально-экономической картины особое значение имеют находки погребений литейщиков и металлургов. Они встречены в памятниках полтавкинской культуры (2000-1700 гг. до н.э.) - Калиновский могильник; предкавказской культуры (XIII-XVI вв. до н.э.), катакомбной культуры Украины (2000-1700 гг. до н.э.), фатьяновской, абашевской и андроновской культур. В настоящее время их насчитывается более 50 погребений. Наличие в них инвентаря специфического, с одной стороны, для обычного представителя той или иной культуры: сосудов, характерных предметов быта и украшений, а с другой - инвентаря, связанного с производственной деятельностью данного индивидуума: форма для отливки различных металлических изделий, пестов-молотов для проковки отлитых орудий, наковален, медных слитков и т.п., свидетельствует, что это были не бродячие ремесленники-космополиты, как представлял себе этот процесс Г.Чамльд, а крошечные родственники, вы-

делившиеся специалисты того общества, которое они обслуживали. Они были погребены с орудиями производства, являвшегося, безусловно, их собственностью.

3. Встречающиеся в погребениях литейщиков захоронения целых семей подтверждают тезис о семейном характере литейного ремесленного производства. Встречено большое количество погребений специалистов по обработке кремня, в частности, по изготовлению луков и стрел с кремневыми наконечниками в памятниках предкавказской и катакомбной культур.

В этих погребениях обнаружены окатанные небольшие желваки кремня, целые и разбитые, заготовки и готовые наконечники стрел. Найдены наковальни, отбойники, костяные и роговые отжимники, песчаные образцы для оттачивания древков стрел и множество отщепов кремня — либо отбросы производства, либо будущие заготовки для кремневых наконечников стрел.

Почти весь каменный инструментарий специалистов по изготовлению луков и стрел, в том числе и сырье, носит следы окатанности. Эти орудия мастера могли добывать только из русел горных рек Северного Кавказа.

4. Очень хорошо и в большом количестве выделяются погребения специалистов по обработке дерева в памятниках тех же предкавказской и катакомбных культур. В инвентаре этих захоронений, наряду с вещами, обычными для этой культуры, обнаружены плотничьи орудия производства: долота, тесла, ножи, шилья и ряд других. Уровень мастерства в тот период достиг такой высоты, что они могли изготавливать деревянные повозки. Для изготовления одной повозки необходимо было выдолбить свыше 2000 отверстий различных размеров, а затем скрепить ее отдельные части.

5. Выделяются в памятниках предкавказской и катакомбных культур погребения гончаров. Так, в одном из погребений обнаружены штампы для оттисков различных орнаментов — створка раковины-перловицы, один из краев которой имеет узкие вырезы для нанесения зучатого орнамента. Помимо этого в ряде погребений встречены костяные лопатки для заглаживания поверхностей сосудов и нанесения заостренным концом прямых насечек.

6. Все эти материалы со всей очевидностью свидетельствуют,

что первые специалисты-ремесленники выделялись из общин и занимались ремесленным производством, обслуживавшим данное общество начиная с эпохи катакомбной культуры. При этом следует отметить, что они работали целыми семьями, получая от общины взамен изготовленных орудий и изделий продукты питания.

Н.М.ШМАГЛИИ

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ПОВОЗКАМИ В КУРГАНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Археологический материал указывает на большую древность (середина IV тыс. до н.э.) погребений с костями и атрибутами лошадей. Некоторые исследователи связывают находки скелетов в виде головы лошади с появлением всадничества, определяемого первым поворотный момент в истории неолитического населения юго-восточной Европы. Изобретение деревянной четырехколесной повозки и использование тягловой силы быков и лошадей способствовали широкому освоению пастбищ и значительно повысили миграционный потенциал племен раннего бронзового века. Вероятно, их большой подвижностью объясняется и отсутствие стационарных поселений этой эпохи в Северо-Западном Причерноморье.

2. Количество и размеры курганов в этом регионе свидетельствуют о высокой плотности населения, что подтверждают и результаты палеодемографических расчетов трудовых затрат на строительство курганов. Репрезентативная группа находок деревянных четырехколесных повозок (10 повозок за 1968-1973 гг.) в прямоугольных ямах с уступами указывает на принадлежность их одной большой группе населения, сконцентрированного в середине III тыс. до н.э. в днестро-дунайском ареале.

3. Захоронения с повозками имели культовый характер. Кроме того, соответствующий погребальный обряд подчеркивал и особый социальный статус лиц, захороненных вместе с повозкой. широкое распространение грузового транспорта в раннем бронзовом веке бы-

ло характерной чертой этого периода, вторым поворотным моментом в древней истории степного населения. Некоторые различия в конструкции колес (силовые и составные колеса) указывают на два последовательных этапа в развитии примитивного колесного транспорта на рассматриваемой территории и, вероятно, на местное происхождение деревянных четырехколесных повозок.

Т.Г.МОВША

К ВОПРОСУ О КОЛЕСНОМ ТРАНСПОРТЕ В ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

1. В начале позднего этапа Триполье с его двумя этнокультурными областями (восточной - с керамикой, украшенной углубленным орнаментом, и западной - с расписной керамикой) еще переживает подъем. Он наблюдается в домостроительстве, наличии крупных поселений, в домашних и общинных ремеслах, в высоком уровне социальной структуры общества (Бибиков, 1970). Расцвета достигает керамическое производство и искусство. В производящем хозяйстве все отчетливее намечается зональность, связанная с экологической средой (Коробкова, 1982). на заключительной фазе позднего этапа Триполья в бытующих еще локальных группах памятников - городско-касперовской и усатовской - в результате связей со степными племенами формируются черты культур шнуровой керамики.

2. Высокий уровень экономики позднетрипольских племен был связан также с распространением колесного транспорта (деревянной четырехколесной повозки), увеличением удельного веса скотоводства и, видимо, появлением домашней лошади. Раскопками последних лет обнаружены глиняные модели колеса от повозок с выступающей ступицей и отверстием для оси (Большая Слобока, урочище Хрещате). Тягловой силой в повозке в парной запряжке с дышлом, как и для пахоты, служили быки, игравшие огромную роль в хозяйстве трипольских племен на протяжении всей культуры (за исключением усатовской группы). найдены наlepные парные головки этих животных на плечиках сосудов в памятниках западного и восточного

артефактов Триполья, а также глиняные фигурки быков с изображением краской упряжи.

3. У населения финальной фазы позднего этапа трипольской культуры - городско-касперовской и усатовской локальных групп некоторое значение в хозяйствах стала занимать и лошадь. Кости домашней лошади (от 10 до 19,8%) представлены в некоторых позднетрипольских поселениях. Процент их постепенно увеличивается, начиная с поселения петренской группы Стена, урочище Стинка - Посичи на Среднем Днестре. Наиболее высокие показатели (18% по числу особей) характерны для Усатово и Городска (Бибикова, 1969). Максимальное количество особей лошади (27) обнаружено в Городске.

В начале позднего Триполья появляются глиняные фигурки лошадей и их изображения в росписи сосудов. Однако они единичны, тогда как изображения основного животного - быка в домашнем стаде встречаются в массовом количестве.

4. В трипольской культуре домашняя лошадь распространилась в результате тесных контактов с восточными соседями среднестоговской культуры, имевшими коневодческий табунный тип хозяйства. Максимальным количеством лошадей отличается поселение Деревка на Среднем Днепре (Бибикова, 1969). Трипольская и среднестоговская культуры развивались в постоянных взаимосвязях на протяжении веков. Их характер не ограничивался сферой культурно-экономических отношений, но включал и этнические. В районе Среднего Поднепровья и Южного Побужья их территории были близки.

5. Освоение трипольцами колесного транспорта сыграло большую прогрессивную роль в историко-экономическом развитии населения трипольской культуры. Значительно повысилась производительность труда, появилась возможность освоения отдаленных пахотных земель. В результате возникли дополнительные запасы продуктов, обеспечивающих и потребности обмена. Колесный транспорт служил и важным средством передвижения на значительные расстояния при расселении трипольских племен внутри трипольской земли, активизировавшихся с конца среднего и в начале позднего этапов культуры, а также при освоении новых территорий.

Появление глиняных моделей колес повозок в трипольской культуре, видимо, связано с Балканами, где эти культовые предме-

ты были распространены в энеолите и раннебронзовом веке. Вместе с тем присутствие их в памятниках городско-касперовской группы можно объяснить контактами с населением центральной европейской культуры Баден. Наличие моделей колес в памятниках культур широкого круга указывает и на общность некоторых идеологических представлений.

А.И.КУБЫШЕВ, И.Т.ЧЕРНЯКОВ

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕСОВЫХ СИСТЕМ У ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

(По материалам погребения литейщика у
с. М.Терновка в Приазовье)

1. В результате исследований в настоящее время доказано значительное распространение металлообработки у племен средней бронзы юга Украины, выделены особые погребения людей, связанных с этим ремеслом (В.П.Шилов, В.С.Бочкарев, С.С.Березанская, О.Г.Шапошникова). Но активное развитие бронзолитейного производства и торговли металлом (Е.Н.Черных) было бы невозможно без существования каких-то весовых систем. Состояние источников и методики их изучения до сих пор не позволяли заняться таким изучением.

2. В 1981 г. Херсонской экспедицией Института археологии АН УССР у с. Малая Терновка Акимовского района Запорожской области в погребении 7 кургана № 2 обнаружено захоронение литейщика позднего этапа катакомбной культуры с набором льячек (6), литейных форм (9 с 13 негативами), глиняных моделей изделий, изображенных на негативах (2) и сопел (2). Негативы на глиняных литейных формах предназначались для отливки овально-удлиненных (11) и пирамидально-округленных предметов (2), оба типа которых представлены в глиняных моделях. Все льячки и литейные формы имеют следы, свидетельствующие об их использовании для плавки, литья и отливки изделий, поверхность сильно обожжена, зашлако-

вана, а в некоторых из них сохранились капли металла. По мнению авторов, ни один из типов негативов не может относиться к разряду орудий труда или других типов изделий, имеющих бытовое или хозяйственное назначение.

Подобные негативы известны и в других комплексах литейщиков эпохи средней бронзы. Пирамидально-заovalенные негативы найдены по одному экземпляру в погребениях у г.Привольное Ворошилоградской области (С.И.Братченко), у с.Первомаевка на Днестре (Г.Л.Эвдокимов), овально-удлиненный - в слое культуры многоваликовой керамики на Южном Буге (Е.Ф.Лагодовская). И те, и другие негативы по одному экземпляру входят в состав набора погребения литейщика полтавской культуры (п.42 к.№ 8) Калиновского могильника в Поволжье (В.П.Шилов) и др. находки негативов одинаковых типов - числообушных топоров во всех указанных погребениях литейщиков - свидетельство единого хронологического пласта рубежа I-й и 2-й четверти II тыс. до н.э. Попытка В.П.Шилова объяснить указанные негативы как заготовки для долот и клиновидных орудий вызывает сомнения, ибо для них известны более совершенные негативы, отливки из которых не требуют значительной и трудоемкой проковки и обрубки.

4. Значительное количество разновеликих льячек и литейных форм с негативами одинаковой формы отливок в погребении литейщика у с.М.Терновка позволили авторам связать их с проблемой появления весовых систем у племен катакомбной культуры. Для изучения объема и веса металла, входившего в льячки и негативы литейных форм, ими была разработана специальная методика определения объема и веса при применении сыпучих тел (объем и удельный вес мышьяковистой бронзы). Проведенные экспериментальные работы позволили определить вес металла, входившего в льячки, и вес металлических отливок по негативам. В результате выяснено следующее:

а) Объем и вес иерархического ряда разновеликих льячек до определенной степени соответствует примерно такому же объему и весу иерархического ряда разновеликих негативов литейных форм. Причем наименьшие представители двух указанных рядов соответствуют друг другу с точностью до 1 г, а большая льячка превосходит по объему все негативы, взятые вместе. Каждая льячка пред-

назначалась для определенного негатива.

б) Подучен ряд весовых значений металла отливок из негативов, соответствующих значениям: 42, 42, 48, 48, 72, 102, 102, 126, 132, 144, 180 (в граммах). Характер источника связан с неизбежными ошибками рассеивания в определении веса, что позволяет объединить сходные и близкие значения в пяти устойчивых средних весовых группах: I - 45, II - 72, III - 102, IV - 134, V - 180 (в граммах).

в) Расчеты показывают определенное соотношение меньших значений к самому большему, которое выражается $1/4$, $2/5$, $2/3$, $4/5$.

5. Полученный ряд весовых значений и их соотношений даёт возможность предполагать наличие весовой системы, зафиксированной археологическими источниками п.2 к.№ 7 у с.М.Терновка. Поскольку никаких данных о весовых системах бронзового века на территории Восточной Европы мы не имеем, то авторы обратились к древнейшим весовым системам Месопотамии и Древнего Египта, с которыми связано происхождение и других древних систем. Наибольшие соответствия найденным значениям могут быть выражены примерно в целых единицах древнеегипетского "кедета" (кте, кит, "кольцо" = 9,1 г): 5(45), 8(72); 12(102); 15(134-135); 20(180). Вес металла большой льячки (1512 г) равен приблизительно 160 кедетам или 16 дебенам. Менее точное соответствие эти выражения находят в месопотамских (древне-вавилонских) мерах: 5,4; 8,5; 12,2; 16,1; 21,4 сиклей (1 сикль = 8,4 г). Вес металла самой большой льячки соответствует 3 минам (1 мина = 505 г). В Вавилоне и Египте были распространены мелкие соотношения основных весовых единиц типа $1/2$, $1/3$ и т.д., основанные на 10-й и 60-й системах счисления (Н.И.Болотинов). Весовое значение терновских негативов подчеркивается и тем, что в Месопотамии и Малой Азии (Ассирия) известны гири, по форме сходные с овально-удлиненными негативами. На весовую принадлежность таких предметов, возможно, указывает и знак в виде горизонтального углубления на одной из глиняных моделей из М.Терновки.

6. Наличие значительного количества разновеликих льячек и негативов одинаковой формы предметов, проведенное исследование их весовых категорий и соотношений, а также аналогии с весовыми единицами Древнего Вавилона и Египта позволяют воссоздать и процесс

разливки, разделения металла по весовым категориям в следующем порядке: а) плавка металла в большой льячке; б) разлижка его в меньшие льячки с дозировкой по весу; в) плавка и разлижка заготовленного металла в малых льячках в соответствующие по объему негативы литейных форм, которые давали слитки определенного веса и формы. Такая последовательность диктовалась, вероятно, как необходимостью точной дозировки веса слитков, так и сложностью процесса дозирования при разливке.

7. Проведенные параллели открытых археологических источников весовой системы племен катакомбной культуры у с. Малая Терновка с древнейшими вавилонскими и египетскими весовыми единицами необходимо рассматривать в историческом контексте зафиксированных другими археологическими источниками связей Северного Причерноморья и Центральной Европы с Малой Азией, Восточным Средиземноморьем и Египтом, относящихся к ХII-XVI вв. до н.э. (распространение фаянсовых бус, находки египетских скарабеев и др.). Возможно, что в результате этих связей племена Северного Причерноморья познакомились с применением оловянистых бронз, пришедших на смену мышьяковистым.

8. Эксперименты по определению веса базировались на учете удельного веса мышьяковистых бронз этого времени в Северном Причерноморье. Анализ металла, оставшегося в льячках и формах, поможет уточнить полученные результаты. Конкретное назначение слитков, которые отливались по негативам из М. Терновки, может быть многозначным (весовые гири, слитки металла определенного веса для дальнейшей отливки других изделий или для торговли и т.д.). Дальнейшая разработка затронутой проблемы может вестись на основе изучения весовых категорий всех металлических предметов Северного Причерноморья.

К.Х. КУШНАРЕВА, Г.Н. ЛИСИЦЫНА

ПРОГРЕСС ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА У ПЛЕМЕН
ЮЖНОГО КАВКАЗА XI - НАЧАЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

I. Кавказ, особенно Закавказье с прилегающими к нему райо-

нами Армянского нагорья, является одним из древнейших очагов становления земледельческого производства, центром доместикации и формообразования культурных растений. С накоплением археологических, палеоботанических и некоторых других палеогеографических данных все ярче и конкретнее вырисовывается в целом земледельческая направленность экономики племен - носителей древних культур Кавказа (начиная с VI тыс. до н.э.). Установление истоков земледелия еще в рамках присваивающего хозяйства обусловлено богатейшим потенциалом родов и видов травянистых, кустарниковых и древесных растений, позволившим академику И.И.Вавилову выделить Южный Кавказ в самостоятельный ботанический локус в ареале обширного Переднеазиатского ботанико-географического очага.

2. Большое значение для разрешения проблемы становления древней земледельческой экономики имеют новейшие трасологические исследования, заполнившие один из существенных пробелов кавказской археологии. С их помощью постепенно выявляется неолитический пласт, представленный серией оседлых поселений, основу хозяйства которых повсюду составляло земледелие. Уровень развития раннеземледельческих поселений Кавказа указывает на то, что кавказские культуры не отставали от переднеазиатских (Г.Ф.Коробкова).

3. В период неолита-энеолита-ранней бронзы (VI-III тыс. до н.э.) земледелие развивается исключительно интенсивно. Палеоботанические находки, полученные для ряда древнейших поселений, свидетельствуют о культивации уже в начале рассматриваемого исторического этапа десяти видов пшениц, нескольких разновидностей ячменя и проса, что говорит о самостоятельности процессов видо- и формообразования злаков на Южном Кавказе. Это обстоятельство ставит рассматриваемый регион в особое положение не только по отношению к другим областям СССР, но и ко всей территории Передней Азии. К столь же раннему времени относится начало культивации винограда, некоторых плодовых культур, льна и отдельных видов красителей.

4. Насыщенность археологических комплексов древних поселений различных зон Кавказа, включая и горные районы, специализированными земледельческими орудиями, наличие зернохранилищ, следы древних ирригационных сооружений, а также атрибуты земледельчес-

кого культа свидетельствуют о высоком уровне развития этой отрасли сельского хозяйства. Данные комплексных исследований позволяют ставить вопрос о возможном внедрении пашенного земледелия в экономику кавказских племен еще в развитом энеолите (IV тыс. до н.э.).

5. С конца III тыс. до н.э. в жизни местных общин происходят крупные хозяйственные сдвиги, а именно: в ряде районов на первый план выдвигается скотоводство, постепенно складывающееся в отгонную (яйлачную) форму. Однако при этом поступательный ход развития земледельческого хозяйства продолжается. Географическое положение поселений периодов средней и поздней бронзы, их площадь и структура указывают на интенсивное заселение степных, предгорных и горных районов. Плотность застройки крупных поселков свидетельствует о концентрации в отдельных районах больших масс населения, что предопределяло необходимость эксплуатации крупных земельных массивов. Освоение горных районов сопровождалось террасированием склонов и возникновением специфичной формы террасного земледелия, составлявшего, как известно, основную особенность мирового горного земледелия.

6. В рассматриваемый исторический период совершенствуется ирригационная техника, расширяется сеть оросительных сооружений, часть которых используется для нужд полеводства и покосного хозяйства. В условиях влажных субтропиков Западного Закавказья проводятся дренажные работы, направленные на осушение почв. Во всех зонах выращиваются различные виды пшеницы и ячменя, широко культивируется просо, вводятся в культуру рожь, новые сорта винограда и плодовые (черешня, вишня, слива, персик), развивается пашенное земледелие. Каменные сельскохозяйственные орудия повсеместно заменяются металлическими. Религиозные воззрения населения, связанные с прогрессом земледелия, виноградарства и садоводства, отражены в устройстве святилищ, составе атрибутов, связанных с отправлением аграрных культов, а также в сюжетах нескольких изображений. С приходом урартов в Закавказье начинают проводиться централизованные работы по сооружению крупных оросительных систем, что приводит к увеличению масштабов земледелия, виноградарства и садоводства в рамках древнейшего государственного образования на юге СССР.

Н.М.ЕРМОЛОВА

РАЗВИТИЕ СКОТОВОДЧЕСКОГО И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

1. Общее развитие хозяйства древних культур в эпоху бронзы не вызывает сомнения. Однако прогресс в скотоводческом и охотничьем хозяйстве этой эпохи в различных регионах выражается по-разному.

2. В Армении в скотоводстве культур Араратской долины развитие шло по линии увеличения в стаде количества крупного рогатого скота, которое возросло к концу эпохи бронзы в три раза. Причем количество мелкого рогатого скота во столько же раз снизилось. В период поздней бронзы, с появлением в Араратской долине лошади, начинает вновь возрастать роль овцеводства, так как стало возможным использовать отдаленные пастбища и угодья с травостоем, не пригодным для коров. Отгонное скотоводство носит прогрессивный характер.

3. В условиях Туркмении, наоборот, прогрессивным в эпоху бронзы является овцеводство, а роль крупного рогатого скота падает от энеолита к развитой и поздней бронзе. По всей видимости, это связано с изменением климата и условиями выпаса коров; овцы довольствуются чахлой растительностью солончатых почв.

4. Охотничье хозяйство прогрессирует лишь при отсутствии скотоводства и наличии постоянно относительно большого числа диких животных. Роль охоты с развитием скотоводства падает, но возрастает в периоды функционирования отгонного скотоводства, но не в результате прогресса самой охоты, а за счет большей частоты встречаемости диких видов при посещении незаселенных человеком территорий.

В Араратской долине в эпоху поздней бронзы роль охоты резко падает, что может быть связано как с уменьшением количества степных и горных видов диких животных в местах постоянного выпаса, так и с истреблением основного охотничьего вида - кулана. В Туркмении роль охоты также падает в эпоху поздней бронзы. Это,

Восомненно, связано с появлением домашней лошади, облегчившей охоту на куданов, численность которых заметно снизилась.

5. На степных просторах юга Сибири в эпоху бронзы отмечается разведение главным образом крупного рогатого скота и лошадей, тогда как мелкий рогатый скот имеет подчиненное значение. Возрастает его роль в районах полупустынь и предгорий.

6. Таким образом, прогресс в развитии скотоводческого хозяйства в эпоху бронзы в регионах с разными экологическими условиями выражается по-разному. Разведение крупного рогатого скота характерно для равнин с большим запасом травянистых кормов и районов лесостепного разнотравья. Овцеводство преобладает в пустынях, полупустынях и на обедненных почвах, а также в условиях предгорий. Прогресс в развитии коневодства в эпоху бронзы очевиден; и он свойствен всем растительным зонам открытого ландшафта.

7. Роль охоты с развитием скотоводства в эпоху бронзы резко падает в степных и полупустынных районах и сохраняет свое значение как добывание не основной, а дополнительной пищи. В большей степени охота сохраняется в горных и облесенных районах. Прогресс в развитии охоты наблюдается лишь у культур лесных районов (промысел мясных и пушных зверей) и на побережьях крупных акваторий (морской промысел), а также в появившейся позднее спортивной охоте.

IV. ПРОГРЕСС И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫХ
ЯВЛЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

В.И. КОЗЕНКОВА

СИНКРЕТИЗМ МАТЕРИАЛЬНЫХ ФОРМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА

(На примерах кобанской культуры Кавказа)

1. Одним из проявлений культурного прогресса многих археологических совокупностей является образование синкретических форм, т.е. форм, возникших на основе слияния разнородных (местных и чуждых) стилистических особенностей. Возникновение таких форм, как правило, связано с определенными переломными моментами, главным образом, в периоды интенсивного взаимодействия носителей определенной культуры с окружающим миром. Рождение синкретических форм особенно заметно в таких областях, как металлообработка, и в меньшей степени - в керамическом производстве.

2. Наглядно этот процесс прослеживается и в кобанской культуре, находившейся на стыке двух больших культурных зон, - европейской и переднеазиатской. Выявляется, по крайней мере, три периода особенно активного рождения синкретических форм металлических предметов в кобанской культуре. Первый период, самый ранний, совпадает с периодом формирования основных черт кобанской культуры. В форме некоторых типов оружия, многих украшений ясно прослеживается наличие четырех компонентов: автохтонного (субстратного), среднеевропейского, закавказского, и, в меньшей степени, переднеазиатского (Луристан). Исторически этот этап совпадает с интенсивным передвижением племен раннесрубной культуры в середине XIII - начале XII вв. до н.э., с одной стороны, а с другой - активизацией закавказского населения - носителей колхидской, шидакартлийской и кахетской культур, оказывавших мощное культурное воздействие на культуру этого периода горных районов южного склона Центрального Кавказа.

3. Второй период активного возникновения синкретических

Форм в кобанской культуре совпадает с периодом начала интенсивного освоения железоделательного производства на рубеже II-I тыс. - начало I тыс. до н.э. В группе предметов этого периода больше заметен элемент позднеархаической культуры, активно воспринятый и творчески переработанный мастерами, носителями кобанской культуры. Исторически этот период совпадает с передвижениями ранних всадников евразийских степей, ближайшими из которых к Кавказу были киммерийцы.

4. Третий этап возникновения синкретических форм металлических предметов в кобанской культуре совпадает с периодом скифских походов в Переднюю Азию через Закавказье. В этот период скифская воинская и всадническая мода глубоко проникла в кобанскую культуру. Синкретические формы наблюдаются не только в оружии, воинских доспехах и конской узде, но и в зверином стиле поздних "кобанцев". В меньшей степени отмечено воздействие на этом этапе Балкано-Дунайского региона, скорее как проявление непрерывавшихся традиционных культурных связей (некоторые типы поясных пряжек, фибул).

5. Многообразие синкретических форм в металлопроизводстве на каждом из указанных этапов кобанской культуры является, возможно, одним из показателей темпов культурного прогресса: чем многообразнее формы различных типов металлических предметов, тем больше оснований предполагать более активный процесс и быстрее темпы формотворчества. Наоборот, чем более массовый характер приобретает стереотипизация тех или иных предметов оружия, украшений и т.д., тем больше оснований предполагать наступление определенного застоя в древнем ремесле. Для кобанской культуры таким периодом, почти лишенным внешних импульсов в металлопроизводстве, является рубеж V-IV вв. до н.э. Именно на это время приходится изоцированная стереотипизация, например, знаменитых бронзовых орнаментированных кобанских топоров, а также фибул и других украшений.

Б.В.ТЕХОВ

О КУЛЬТУРНОМ ПРОГРЕССЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

1. Культурный прогресс эпохи бронзы и раннего железа Центрального Кавказа особенно четко вырисовывается по памятникам, относящимся к середине II тыс. до н.э., т.к. с этого времени начинается настоящий расцвет металлургии бронзы, появляются новые археологические культуры и локальные варианты. На северном склоне Главного Кавказского хребта в эпоху бронзы и раннего железа сформировались майкопская (с новосебодненским этапом), северокавказская, а за ней каякентско-хорочаевская, кобанская и прикубанская культуры. На южном склоне центральной части Большого Кавказа культурный прогресс породил такие археологические культуры, как колхидская, кобанская и восточнотурецкая, которые тесно были связаны между собой и в то же время различались некоторыми чертами, присущими как культурам определенного региона, так и отдельным памятникам.

2. Культурный прогресс способствовал развитию не только материальной культуры, появлению тех или иных производственных традиций, выразившихся в таких отраслях, как скотоводство, металлургия бронзы, земледелие, различные домашние промыслы, но и развитию духовной культуры. Развитие этих двух основных взаимосвязанных компонентов Старого Света и составляло основное содержание культурного прогресса.

3. В эпоху поздней бронзы и раннего железа эти явления четко прослеживаются по находкам такого известного памятника, как Тлийский могильник, материалы которого характеризуют культурное развитие в течение одного тысячелетия, т.е. с середины II до середины I тыс. до н.э. Культурный прогресс особенно заметен по комплексам XII-X вв. до н.э., когда бронзовая культура Центрального Кавказа в своем развитии достигла апогея, население региона изготовляло высокохудожественные бронзовые изделия в виде орнаментированных топоров, булав, колец, пряжек, а позже в виде поя-

сов из листовой бронзы, ваз и т.д.

4. С конца II тыс. до н.э. на территории Центрального Кавказа замечается ослабление местных традиций и появление новых форм керамики и бронзовых изделий. Эти формы, видимо, перешли от соседних родственных культур, в первую очередь из Закавказья. С конца III в. до н.э. появляются и скифские формы, что было связано с проникновением скифов в районы Центрального Кавказа. С этого периода в культурном прогрессе главную роль начинает играть металлургия железа, хотя бронза оставалась основным сырьем для изготовления предметов украшений.

В культурном прогрессе Центрального Кавказа определенную роль сыграла переднеазиатская цивилизация. В период поздней бронзы и раннего железа племена Центрального Кавказа находились в тесном контакте со многими странами Передней Азии и Европы, однако их культура была вполне самобытной.

С.А.ЕСАЯН, Э.М.ГЕВОРКЯН

РАЗВИТИЕ УДИЛ В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

1. Лошадь на Армянском нагорье была распространена уже в III тыс. до н.э., о чем свидетельствуют как остеологические материалы, так и находки каменных и глиняных статуэток лошадей. Металлические удила в памятниках Армении появляются, однако, значительно позже - с XIV-XIII вв. до н.э., что свидетельствует о том, что лошадь долгое время управлялась посредством оголовья и удил из сыромятных ремней.

2. В период поздней бронзы в Армении бытуют следующие пять типов бронзовых удил, часть которых продолжает применяться и в эпоху железа.

I - удила с двухчастными трензелями и дисковидным ажурными псалиями (Дчашен и Артик, XIV-XIII вв. до н.э. ; Загаду и Алаверди, IX-III вв. до н.э.).

II - удила с двухчастными цельноотлитыми трензелями с полуоткрытыми петлями на концах. Недалеко от наружных колец они име-

ют цельвоотлитые дисковидные выступы (две пары из Артика, XII-XI вв. до н.э.).

Ш - удила с двухчастными стержневыми трензелями с крупными кольцевидными выступами на концах (Артик, Лернагюх, Левинакан), два бронзовых и одно железное (Воскеаск, Мартуни и Кармир блур, XIV-VI вв. до н.э.). Все они лишены псалий, однако находки костяных псалий на одном из удил Левинакана и Триалети (могильники Так-Кидиса и Сафар-Хараба) дают возможность предполагать, что эти удила были снабжены костяными или роговыми псалиями.

IV - удила с двухчастными трензелями с небольшими концевыми кольцами, снабженные плоскими бронзовыми или железными пластинчатыми псалиями (Верин навер, Ошакан, Редкин лагерь). Датируются XIV-VIII вв. до н.э.

У - удила с двухчастными стержневыми трензелями с крупными кольцевидными выступами на концах. Псалии стержневые, напускные, концы украшены сквозными отверстиями и шиповидными выступами. Подобные удила известны из Редкин лагерь, Димаца (Кировакан), Качагана, Нор Баязета, Саксакен-блуря, Левинакана, Малваря и двина. Особенно интересны удила из Воскеаска, имеющие железный трензель и бронзовые псалии. Известны они и из Закавказья (Арчадаор, Баллукая, Шахор, Кировабад, Ханлар, Астрахан базар, Триалети, Кахетия и т.д.).

Б.А.Куфтин и К.Х.Кушнарера считают их местными вариантами ассиро-миканского типа, датируя началом I тыс. до н.э. Р.Гиршман закавказские удила считает происходящими от луристанских, М.Н. Погребова - местным вариантом переднеазиатских. А.А.Мартirosян, с которым мы согласны, указывает, что они появляются в конце II тыс. до н.э. и являются местным производством, причем их прототип - удила третьего типа.

З. В памятниках Армении эпохи раннего железа наряду с бытованием удил предшествующей эпохи появляются несколько новых типов. Основная масса этих удил железные, хотя встречаются и бронзовые. Большая часть новых типов удил появляется под влиянием ассиро-урартской культуры. Они образуют следующие типы.

VI - бронзовые удила с двухчастными кольцевидными трензелями, соединяющимися проболокой и витыми стержневыми псалиями, из-

вестны из Артика, Ленивакана, Спандаряна и Сахсаканблур (все на Ширана) и Кедабекского могильника. Датируются X-VI вв. до н.э.

УП - бронзовые удила из Астхадзора. Они имеют двухчастные трензеля с кольцевидными петлями и слегка изогнутые псалии, которые в отличие от остальных не напускные, а с небольшим зазором между концевыми петлями и дисковидными выступами на концах псалий.

УШ - бронзовые или железные удила, бытующие с начала I тыс. до н.э., имеют двухчастные с кольцевыми выступами на концах трензеля и плоские псалии, заостренные концы которых изогнуты наружу. Подобные бронзовые удила известны из Макарашена, кировакана и села Рене Каспского района Грузинской ССР. Железные удила этого типа происходят из Бджии и Кармир блура. На Кармир блуре встречаются также удила с железными трензелями и бронзовыми псалиями, на которых сохранилось имя Сардури. При раскопках Кармир блура были найдены железные удила, трензеля которых соединены с помощью дополнительного кольца (трехчастные), которые применялись для укрощения норовистых коней. Подобные удила известны из Ассирии и Туркестана.

IX - в эпоху широкого освоения железа появляются железные удила (Лори-берд) с двухчастными стержневыми трензелями с петлевыми выступами на концах. Псалии их напускные, согнутые внутрь в виде полулуния.

X тип представлен железными удилами из Агарана. Они имеют двухчастные стержневые трензеля, соединенные посредством дополнительных колец, и пластинчатые прямоугольные псалии. На трензеля их надеты дополнительные железные зубчатые доски. Подобные удила хорошо известны из Грузии (Цинцаро, Ахалгориский клад, Сурами, Кончиети, Саирхе, Итхвиси).

Таким образом, четыре типа металлических удили почти одновременно появляются в памятниках Армении начиная со второй половины II тыс. до н.э. На рубеже II-I тыс. до н.э. появляется У переходный тип со стержневыми псалиями, являющийся развитием удили III типа.

Такое разнообразие удили, бытовавших совместно, говорит как о развитии коневодства, так и о появлении готовых форм из разных переднеазиатских стран (Б.Б.Пиотровский).

В начале I тыс. до н.э. под ассиро-урартским влиянием появляется пять новых типов (из них У-УІ местные), хотя без сомнения значительная часть всех удил отливалась на месте.

Э.С.ПАРСАМЯН

МАЛЫЙ МЕЦАМОРСКИЙ ХОЛМ - ДРЕВНЕЙШИЙ КОМПЛЕКС НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК В АРМЕНИИ

Многие исследователи истории астрономии, не имея под рукой фактов, тем не менее, чисто логически приходили к заключению, что древние обитатели Армянского нагорья были не только знакомы, но и участвовали в становлении древней астрономии.

Последние десятилетия обогатили наши знания новыми открытиями, имеющими непосредственную связь с древней астрономией. На территории Армении были обнаружены пояс-календарь бронзового века, геоцентрическая модель мира XI в. до н.э., наскальные астрономические рисунки, изображающие созвездия Льва, Скорпиона и Стрельца, Солнца, Луны и пяти планет, видимых невооруженным глазом и т.д. Большой интерес представляет найденный на одной из скал круг, разделенный на четыре части взаимно перпендикулярными линиями. На нем на четырех противоположных сторонах изображены человеческие фигуры. Здесь представлена Земля и антиподы. Этот знак (иероглиф) Земли используется в астрономии и в настоящее время.

Все наскальные вырубленные рисунки, а их перечень можно продолжить, свидетельствуют о том, что древнейший человек пытался изобразить на скалах зачатки своих астрономических познаний.

Однако не только эти разрозненные изображения созвездий оставил нам древний обитатель Армянского нагорья, а как показало исследование малого Мецаморского холма, в этой части нагорья сохранился древнейший комплекс наблюдательных площадок, который в современном звучании есть древнейшая "обсерватория".

Древнее поселение мецамор располагается на берегу реки Ме-

цамор в 30 км западнее г.Еревана. Археологическими раскопками установлено, что Мецамор был заселен с начала III тыс. до н.э. Это был один из центров древней металлургии, которая имеет свое начало в Армении с IV тыс. до н.э.

В 200 метрах от основного Мецаморского холма находится группа скал, на одной из которых К.Мкртчяном в 1964 г. были замечены знаки звезд. Первое же исследование скал в 1966 г. показало, что мы имеем дело с комплексом скальных сооружений, игравших роль наблюдательных площадок в глубокой древности.

Весь Малый холм состоит из группы скал, среди которых особенно хорошо сохранились три. Первая имеет треугольную форму, с острым углом направленным на юг. Биссектриса этого угла совпадает с направлением север-юг (с точностью ± 2 градуса). На восточной стороне треугольника находится высеченная в скале трапеция, внутри которой четыре изображения звезд. Кроме того, вся скала испещрена знаками, которые повторяются и на других площадках.

Вторая площадка находится на 2,5 м выше первой, она также имеет треугольную форму и также ориентирована вдоль меридиана, т.е. находится в плоскости, проходящей через направление север-юг.

Третья площадка отличается от первых двух. К ней с севера на юг ведут высеченные в скале ступеньки (7 ступеней), которые находятся также в плоскости меридиана. К вершине ширина ступеней уменьшается. На последней ступени был обнаружен высеченный знак север-юг-восток, т.е. ориентир, дающий возможность проводить простейшие астрономические наблюдения. Это площадка, как и первые две, также испещрена знаками. Таким образом, мы имеем три площадки, ориентированные по меридиану. Перейдем к истолкованию первой площадки.

На восточной стороне, как мы уже отметили, в трапеции, размером 55x40 см, находятся четыре изображения звезд, из которых три хорошо сохранились. Трапеция сужается по направлению на юго-восток. Случаен ли такой выбор? Нам кажется, что нет. При случайном выборе места для нанесения знаков более вероятным является середина площадки, а не край. Следовательно, нанесение этих знаков на восточной стороне преследовало определенную цель, и направление трапеции может служить ключом к ее разгадке. Тот

факт, что трапеция с изображением звезд находится на восточной стороне, сразу же наталкивает на мысль о связи с восходом светила или Солнца. Последнее сразу же отпадает, так как Солнце в древности имело свое определенное обозначение.

Продолжим мысленно высоту трапеции до горизонта и отметим, с восходом каких светил связано это направление. С этой целью измерим азимут высоты трапеции с помощью компаса и проведем некоторые расчеты. Через A обозначим восточный азимут высеченной высоты трапеции, делящий трапецию пополам. Линия высоты сохранилась, но проведена она грубо, поэтому ошибка в $\pm 1-2^\circ$ неизбежна при измерении. Измерив азимут и учитывая поправку на магнитный полюс для широты Мецмора (4 градуса), находим $A = 298^\circ$. Используя формулы сферической астрономии, зная азимут, можно вычислить экваториальные координаты (α - прямое восхождение, δ - склонение) светил, восходящих в этом направлении, начиная с древнейших времен до наших дней.

Для величины склонения получаем следующее значение: $\delta = - 21^\circ$. Для определения прямого восхождения необходимо знание часового угла, которое определяется равным 71° .

Зная величину склонения, можно установить, какие яркие звезды и когда имели данное склонение. Для этого используем каталог ярких звезд за 5000 лет. В табл. I приведены наименования звезд, их яркости в звездных величинах, эпохи, когда склонение этих звезд равнялось $- 21^\circ$.

Таблица I

Названия звезд	Звездные величины	Эпоха до н.э.
Сириус	- 1.58 ^m	- 2600
Ригель	0.34	- 2100
Антарес	1,22	+ 400
	1.99	- 1000

Только четыре звезды, приведенные по степени яркости, заслуживают внимания. Самым примечательным является тот факт, что

в таблице оказалась самая яркая звезда нашего полушария Сириус. Нам кажется, что наиболее вероятной звездой, которую наблюдали, поклонялись и о которой оставили нам информацию древние обитатели Мецамора, был Сириус. Склонение звезды очень чувствительно к изменению азимута, точность которого может колебаться в пределах $1-2^\circ$. В табл.2 приведены результаты расчетов времени восхода Сириуса в Мецаморе и эпохи для трех различных значений азимута, откуда видно, как сильно меняется эпоха с изменением склонения на два градуса. Подчеркиваем снова, что $A = 298$ самое вероятное значение.

Таблица 2

Азимут		Местное время восхода	Эпоха до н.э.
300°	$- 22^\circ 20'$	4 ^h 39 ^m	- 2800
298°	$- 21^\circ 58'$	4 43	- 2600
296°	$- 19^\circ 00'$	5 03	- 1900

Времена восхода вычислены для дня летнего солнцестояния, т.е. 22 июля. Таким образом, 2800-2600 лет до нашей эры Сириус можно было наблюдать рано утром в лучах восходящего Солнца - так называемый гелиактический восход Сириуса. Тот факт, что в эту эпоху Сириус была звездой летнего неба (сейчас она видна поздней осенью и особенно долго зимой), подтверждает мысль, что она могла быть предметом поклонения обитателей Мецамора, для чего достаточно представить ясное небо, открывающееся из Мецамора, и ярчайшую звезду на ней. Не исключено, что первое появление Сириуса обитатели Мецамора могли так же, как и древние египтяне, связать с началом года. Повторение звезды в трапеции четыре раза связано было, по-видимому, с обожествлением этого светила. Если приведенные рассуждения и предположения верны, то первая площадка свидетельствует о том, что жители Армянского нагорья были хорошо знакомы с звездным небом и могли использовать периодическое появление светила для исчисления времени.

Вторая площадка не имеет формы первой, но ее передняя часть обработана так, что биссектриса опять имеет направление север-юг. Она на 2,5 м возвышается над остальными. Площадь ее также испещрена знаками.

Третья площадка представляет особый интерес.

Могли бы мы утверждать, что она имеет какую-либо связь с наблюдениями в случае любой ее ориентации, если бы направление ступеней, например, было бы не с севера на юг, а наоборот, или же в перпендикулярном направлении? Оказывается, что ориентация в данном случае не равнозначная. Если бы лестница была направлена по линии восток-запад, смело можно было бы утверждать, что в данном случае мы имеем дело только с культовым сооружением. То расположение, которое мы имеем, является оптимальным для ведения астрономических наблюдений, пусть даже самых примитивных - невооруженным глазом. И вот почему. Для астрономических наблюдений необходимо, чтобы весь южный горизонт с востока на запад был открыт - это первая необходимость. В Мецаморе мы имеем это условие. Допустим, что наша лестница имеет обратное направление, т.е. с юга на север, тогда мы не смогли бы наблюдать за планетами, лунной и большей частью звезд. Наблюдать мы могли бы только небольшую околополярную часть небосвода. Чтобы действительно вести наблюдения, следует стоять лицом к югу. Так располагаются и современные обсерватории. Вот почему расположение третьей площадки приблизительно в меридиальной плоскости, а ориентир на последней ступени наводит на мысль о том, что направление ступеней выбрано не случайно. Так как ступени не точно расположены в меридиане, т.е. в плоскости, проходящей через направление север-юг-зенит, то для этого дополнительно был вырублен ориентир. Таким образом, лестница также была площадкой для наблюдений. Мы не останавливаемся на том, что здесь могли происходить и культовые обряды и что многие из знаков Малого холма обязаны им, это само собой разумеется.

Когда Олькотт и Маундер писали о возможном существовании астрономических знаний у жителей Армянского нагорья, не было известно никаких фактов, на которые они могли опираться.

Таким образом, первые же исследования Малого Мецаморского

холма показавши, что наряду с культовым значением, он имеет и астрономическое значение, связанное с примитивными наблюдениями за небесными светилами. Датировка холма, сделанная на основе ориентировки трапеции по Сириусу, приводит к эпохе сооружения - 2800-2600 гг. до н.э. Данные археологии свидетельствуют о том, что Мецамор был заселен уже с III тыс. до н.э.

Итак, жители Армянского нагорья уже в глубокой древности были знакомы с зачатками астрономии, что в свою очередь говорит о высокой культуре и политической мощи народа, населяющего Ара-ратскую долину. Это еще раз показывает, что страна, имеющая развитую металлургию, не могла не иметь науку и в первую очередь астрономию.

Л.Б.ЕРМОЛОВ

ЭВОЛЮЦИЯ КОПЬЯ

1. Копье является одним из наиболее древних орудий, прошедших длительный путь развития. Его форма и особенности утолщения наиболее изменялись в эпоху бронзы.

2. В эпоху палеолита копье было одним из основных орудий охоты на таких крупных животных, как мамонт, шерстистый носорог и зубр. Для добычи этих животных применялись копья с длинными и узкими роговыми наконечниками, так как орудие только такой формы может пробить толстый слой жировой и мышечной ткани, глубоко проникнуть в тело животного и задеть жизненно важные органы. Подтверждением этого являются совершенно идентичные по форме орудия охоты на моржей и китов (при которой также требуется глубокое проникновение) у народов, занимающихся морским зверобойным промыслом. Некоторые африканские народы при охоте на слонов также использовали копья с длинными узкими наконечниками. Соответствие длины наконечников копий величине добываемых животных в эпоху палеолита подтверждается также и тем фактом, что наконечники из поселения охотников на мамонтов в Мехеричах почти на треть длиннее наконечников копий из Амвросиевки, где основ-

ной добычей был зубр. Другой тип палеолитических копий имел более широкие и плоские каменные наконечники, посредством которых зверю наносилась большая рассекающая рана, быстро ослабляющая его вследствие обильного кровотечения. Такие копья предназначались для охоты на более мелких стадных животных, способных развивать большую скорость в беге, так как прицельное метание копья в определенное, убойное место быстро бегущего животного с дальней дистанции практически невозможно.

3. В неолитическую эпоху главным орудием активной охоты становится лук. Он наиболее эффективен для поражения животного с дальней дистанции, а также в условиях лесного ландшафта. Однако копье сохраняется как орудие охоты на наиболее крупных лесных животных (медведя, кабана, лося), где необходимы удар большой силы и серьезное ранение, чтобы остановить зверя. В эпоху палеолита и неолита копье предназначалось для метания в цель с определенного расстояния. Убойная сила копья зависела от размеров и формы наконечника, дистанции и силы броска.

4. Одной из значительных тенденций эволюции копья в эпоху бронзы является утяжеление наконечников, а соответственно и самих копий, что является результатом почти полной утраты метательных функций копья. Оно становится орудием охоты только с близкой дистанции, а также орудием ближнего боя. Это изменение функции повлекло за собой появление большого разнообразия как в формах наконечников, так и самих копий. Общее утяжеление копья способствовало появлению на втулке наконечников металлических петель, которые могли служить для ношения копья на ремне через плечо. Парные петли (ушки) на втулке наконечника, возможно, использовались в качестве специальных съемников наконечника с древка, а также для украшения копья подвешенными к ним фигурками. Помимо этого, парные петли или поперечные выступы у основания пера иной формы, несут функцию ограничителей, препятствуя глубокому проникновению копья и сквозному ранению. Копья такого типа, используемые в военных целях, предназначались для ближнего боя. Охотничьи копья подобного строения впоследствии трансформируются в рогатины.

Г.Н.БЕСТУЖЕВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОДУКТ И РАЗВИТИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЫЧАЕВ

(По материалам курганных захоронений эпохи
бронзы в Западном Прикубанье)

1. Погребение умерших членов общества обычно сопровождается отправлением установленных обычаями обрядов, устройством могильных сооружений, расходом сырьевых и технических средств и пр. Все эти действия и материальные средства в совокупности составляют энергетический потенциал, который затем почти полностью выпадает из сферы общественного производства. В древности общество суеверно преследовало цель обеспечить благосостояние покойника в пути в "иной" мир и в самом "потустороннем" мире. Но, изымая из сферы общественного обращения материальные ценности, расходуя на похороны часть общественного продукта, общество могло надеяться и на должное воздаяние со стороны покойника. Причем, видимо, предполагалось, что воздаяния будут тем щедрее, чем богаче жертва со стороны общества. В пользу этого особенно ярко свидетельствуют обычаи поминовения. Из истории религии разных народов известно, что в древности бытовали представления будто свои личностные качества и свой прижизненный социальный статус умершие сохраняли посмертно. Поэтому общество могло надеяться, что чем более высокий общественный ранг занимал покойник при жизни, тем могущественнее он мог воздействовать на благосостояние общества после своей смерти.

2. В значении культурных ценностей курганы майкопско-новосвободненской культуры демонстрируют высокую их вариабельность. Высота курганных насыпей варьирует в пределах от 10,6 м (майкопский курган) до 1 м и ниже. Соответственно высотам варьируют и диаметры курганов в окружности подошвы насыпи: от 128 м (Серебряный курган в урочище клады близ ст.Новосвободной) до 30-25 м. Погребальные камеры выкапывали в земле (ямные могилы), сооружали из мегалитов (гробницы) или устраивали в виде несохранившихся к настоящему времени наземных построек (площадки), перекрытых

насыпью кургана. Как правило, погребальные камеры использовались для похорон один раз. Приблизительно трудоемкость сооружения погребальных камер соответствует (но не всегда) трудоемкости возведенных над ними курганных сооружений. Богатство (материальная ценность) и разнообразие погребального инвентаря обычно соответствуют степени грандиозности погребальных сооружений. Носители майкопско-новосвободненской культуры практиковали также обычай погребения покойников в уже существующие курганы, которые в связи с этим часто увеличивали. Но и такие захоронения укладываются в общую схему вариабельности расхода энергетических ресурсов общества. Неравномерное распределение общественных энергетических ресурсов позволяет предполагать полярно развитую социальную стратификацию у майкопско-новосвободненского населения.

3. Трудовые и материальные затраты на похороны покойников в обществах иного культурного круга варьируют в меньшем диапазоне, чем в майкопско-новосвободненской культуре. И все же расход ресурсов общества достаточно велик. На это указывают большие размеры могильных ям, следы отправления ритуальных действий вокруг могил, постройка, оформление и оставление в курганах погребальных повозок, размеры курганов высотой I-I,5 м, иногда до 2,5-3 м. Часто в курганах встречаются впускные захоронения, с которыми обычно, но не всегда, связываются последующие досыпки курганных насыпей. Погребальный инвентарь не отличается таким разнообразием и богатством, как в майкопско-новосвободненской культуре. В последующее "катакомбное" время практика впускных захоронений становится нормой. Курганы досыпались не так часто, а новые возводились вообще редко. Но выкапывание катакомбных могил, иногда довольно глубоких, до 10 м глубиной, работа трудоемкая. По количеству и разнообразию погребального инвентаря катакомбные захоронения мало чем отличаются от ямных.

4. В заключительный период эпохи бронзы картина резко меняется. В Прикубанье пока известно мало курганов "срубного" времени, и они малых размеров. Обычно же покойников хоронили в насыпях древних курганов на небольшой глубине. Погребальный обряд однообразен и скуден. Общество расходует гораздо меньше средств и энергии на похороны покойников. Здесь налицо явная переориен-

тация ценностей. Общество, вероятно, стало меньше уповать на помощь из загробного мира. В целом от "майкопско-новосвободненского" в "срубному" времени в развитии погребальных обычаев наблюдается тенденция к упрощению, унификации обряда и уменьшению средств и энергии, расходуемых на похороны покойников. Это было вызвано целым рядом причин, обуславливавших историческое развитие общества с середины III до начала I тыс. до н.э. в Прикубанье. Поэтому и осмысление археологических данных должно строиться многопланово.

Э.С.ШАРАФУТДИНОВА, О.Р.ДУБОВСКАЯ

КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ДВЕ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

И. В.А.Городцов еще в 20-х годах первый стремился отождествить исторических киммерийцев с археологическими памятниками, выделив предположительно киммерийскую культуру. Поворотным пунктом в разработке этой проблемы явились исследования А.А.Иессена. Его классификация степных памятников УШ-УП вв. до н.э. базируется на типологии металлических принадлежностей конской узды.

Значительное увеличение материала этого периода за последние два десятилетия вызвало пересмотр ряда положений о культуре и периодизации памятников УШ-УП вв. до н.э. Изучение киммерийского периода в этом плане очень успешно продолжили А.М.Лесков и А.И.Тереножкин. Периодизация А.И.Тереножкина, тоже построенная на основе двух типов удил, а также по другим признакам, противоположна схеме периодизации А.А.Иессена, которому в то время были еще не известны принципиально новые данные из памятников киммерийского времени. А.И.Тереножкин комплексы со стремечковидными удилами и соответствующими псалями отнес к архаической черноморской группе, а комплексы с двукольчатыми удилами и соответствующими псалями - к поздней новочеркасской группе. Такой же периодизации придерживается и А.М.Лесков, расходясь, однако, с Тереножкиным в абсолютных датах (последний их удрев-

ают) и в вопросах генезиса.

2. Не претендуя на решение киммерийской проблемы и не затрагивая вопросы абсолютной хронологии, мы предлагаем классификацию погребений УШ-УП вв. до н.э. по иному принципу: на основе ориентировки погребенного. Комплексам исследуемого периода свойственна закономерность, отмеченная еще А.М.Десковым (1971) и суммируемая А.И.Тереножкиным (1976); костяки с ориентировкой на восток и северо-восток обычно скорчены и их сопровождают изделия черноголовско-камышевахского типа; костяки с ориентировкой на запад вытянуты (изредка слабо скорчены) и им сопутствуют более поздние изделия новочеркасского типа.

В составленной нами таблице на примере 60 погребений коррелируются два признака: ориентировка костяка и инвентарь, состоящий из принадлежностей уады, украшений, орудий труда и оружия. В результате комплексы разделились на две группы, каждой из которых присущи свои типы изделий (в столовой керамике такое разделение пока не учитывается).

Инвентарь черноголовской группы: бронзовые стремечковидные удила, стержневидные трехдырчатые псаали из бронзы или кости; наконечники стрел, костяные со скрытой втулкой (ромбические в сечении) и бронзовые - двулопастные, с короткой втулкой, ромбической или шатровой формой пера и шипами; бронзовые тонкие восьмеркообразные бляшки, дунницы; бабочковидные бляшки из клыков, рога и кости; бронзовые иглы, однолезвийные ножи с горбатой спинкой, иногда с петлей (карасукско-тагарский тип), изредка такие же железные ножи и биметаллические мечи-кинжалы с прямым перекрестием кабардино-пятигорского типа.

Инвентарь новочеркасской группы: бронзовые двукольчатые удила и изогнутые трехдырчатые псаали с лопастью на одном конце; наконечники стрел - двулопастные бронзовые (изредка трехлопастные) и железные, с длинной втулкой и ромбической, реже с башнеподобной головкой; костяные колчаные застёжки, ажурные бляхи (иногда из золота с инкрустацией) с солярным орнаментом; бронзовые прорезные бляхи; ажурные трехчастные, с грибовидным оковчаньем по бокам пряжки; железные копья, мечи и кинжалы, так называемого кабардино-пятигорского типа с коротким перекрестием

ем, концы которого в виде опущенных треугольников; каменные топоры - сверленные цилиндрические или с овальным лезвием и усеченно-коническим обушком.

Различия обеих групп по инвентарю касаются типов основных изделий (узда, оружие) и некоторых категория вещей. Для первой черnogоровской группы характерны, помимо определенного типа узды и ее украшений, бронзовые ножи и иглы; железные изделия редки, фрагментарны и небольших размеров, очень редки и биметаллические мечи-кинжалы. Для второй, новочеркасской группы соответственно характерны каменные топоры и железное оружие (копья, мечи, наконечники стрел). Общее для обеих групп: подвски в 1,5 оборота, костяные пулевидные и пирамидальные наконечники стрел, наличие железных изделий (но разных по типам), каменные оселки (более крупные во второй группе) и кухонные сосуды.

3. В черnogоровской группе продолжают традиции конца эпохи бронзы (в обряде и нескольких типах вещей: костяные трехдырчатые псалии и наконечники стрел с ромбическим сечением), по основному набору инвентаря прослеживается больше связей с Сибирью и Казахстаном и меньше с Северным Кавказом. На основании изложенного полагаем, что за различиями обеих групп, помимо хронологического фактора, стоят различия в культурной ориентации и связанный с этим в определенной мере этнический фактор. Разработка этих сложных вопросов представляет отдельную тему. Пока можно лишь сказать, что ранняя черnogоровская группа связана с потомками степного населения ("белозерцы") позднебронзового века, смешавшимися с новым этносом и ассимилировавшимися пришельцами. Этот процесс выразился в изменении образа жизни и материальной культуры. Киммерийским памятникам свойственны новые черты. Они принадлежат к иной археологической культуре, связанной с качественно новой эпохой - временем широкого употребления железных изделий. Исчезновение поселений - один из симптомов нового исторического процесса. Ярko выражены рядовые и богатые погребения, среди последних нередки могилы конных воинов. Этот погребальный обряд в целом отражает уклад кочевых воинов-конников. Но могилы мужчин всегда содержат оружие, т.е. вооружено все мужское население, что указывает, очевидно, на

эпоху военной демократии. В этом заключается еще одно существенное отличие от эпохи поздней бронзы евразийских степей, на равном этапе которой, судя по погребальному обряду, вооружена только родовая верхушка - знать.

А.Д.РЕЗЕЛКИН

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

1. За последнее время еще более определенно проявились две точки зрения на развитие и генезис культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе. Одни археологи придерживаются идеи непрерывности и преемственности в развитии от майкопской группы памятников к новосвободненским (Мунчаев, 1975; Формозов, 1965) и от последних к северокавказской культуре (Марковин, 1960). Сторонники второй точки зрения считают, что следует различать две самостоятельные культуры: майкопскую и новосвободненскую, разные по происхождению (Столяр, 1964; Сафонов, Николаева, 1974), северокавказская культура также имеет свой источник происхождения, общий с новосвободненской и дольменной культурами (Сафонов, Николаева, 1980).

2. Качественно новая информация для дальнейшего осмысления майкопской культуры в целом получена при раскопках Кубанской археологической экспедицией под станицей Новосвободной в урочище "Клады" в 1979-1981 гг. В трех из пяти раскопанных курганов новосвободненского времени основные погребения содержали черную, до блеска лощеную керамику, резко отличную от майкопской: небольшие кубки с коротким вертикальным венчиком, чаши с широким устьем и небольшим дном, блюда, сосуды с высоким прямым венчиком и двумя ручками у основания шейки (типа амфоры). Вся керамика плоскодонная, дно слегка вогнутое, орнамент - штамп елочкой и накольчатый. Оттиски шнуров и веревочки отсутствуют. Две могилы были устроены на дневной поверхности, одна из них на галечной вымостке,

Другая на земле и присыпана слоем чистого мелкого песка, толщиной 7-12 см. Третья могила представляла собой небольшую квадратную яму глубиной 15-20 см от древней дневной поверхности. Положение погребенных из-за очень плохой сохранности костных остатков установить не удалось, но в последующих впускных новосвободненских погребениях (два из них были в двухкамерных гробницах) все сохранившиеся погребенные лежали на правом боку, скорченные, руки перед лицом, ориентация - южный сектор.

Таким образом, стратиграфически наиболее ранние погребения новосвободненской группы имеют наибольшие отличия в типах керамики и погребальных сооружениях от майкопской.

3. Сейчас, на наш взгляд, накопилось достаточно данных, чтобы попытаться ответить на вопрос: чем объясняется различие между майкопской и новосвободненской группами памятников. Следствие ли это эволюции одной культуры, или новосвободненская группа представляет собой памятники, оставленные иным населением. Сопоставим группы по категориям материала:

а) Конструкции могил, курганов.

Майкопская культура. Курганы земляные, из каменных конструкций имеются только кромлехи, погребальные сооружения - ямы больших размеров, дно и стены которых иногда выложены деревом, камнями.

Новосвободненская группа. Курганы земляные, каменные, земляные с каменным ядром, с кромлехами. Погребальные сооружения - ямы небольших размеров, гробницы, но в подавляющем большинстве это каменная вымостка на древней дневной поверхности:

б) Погребальный обряд. Следует отметить, что кроме основного погребения в майкопском кургане, положение погребенных в могилах достоверно принадлежащих майкопской группе нам не известны. В новосвободненской группе погребальный обряд такой же, как и в Майкопском кургане, т.е. погребенные лежат на правом боку, скорченные, кисти рук перед лицом, ориентация - головой в южный сектор.

в) Металл, украшения. Поскольку кроме комплекса из основного погребения майкопского кургана и клада, найденного в 1898г. близ станции Старомышастовской, известен лишь один кинжал из

погребений Майкопской группы, нам удобнее показать то общее, имеется между вышеперечисленными находками и остальным металлом Новосвободненской группы.

Из бронзовых изделий - только проушной топор имеет близкое сходство с аналогичным топором из вальчикской гробницы (Чегем 1973). Из украшений - золотая рифленая бусина, аналогичная бусина из погребения 3 кург. 5 у с. Чегем I, и золотая подвеска-серьеза с камнем из старомышастовского клада - такой же подвеске из этого погребения (Кореневский, 1981).

г) Керамика.

Майкопская группа. Основная форма - шаровидное тулово со слегка уплощенным дном и сильно отогнутым, отходящим от тулова (горочкой) венчиком. Изредка на шаровидном тулове встречается короткий вертикальный венчик. Тесто прекрасно отмучено, обжиг хороший, поверхность залощена, иногда покрыта ангобом. Орнаменты отсутствуют.

Новосвободненская группа. Основная форма - реповидное тулово, дно плоское, шейка короткая, вертикальная, часто оканчивается слегка отогнутым венчиком. Тесто песчанистое, обжиг средний, поверхность залощена, ангобирована, причем ангоб часто пачкающий, орнамент встречается часто - елочка, налепные и продавленные жемчужины, накоды, ямки. Всегда орнаментирована только верхняя половина сосуда. Помимо этой формы в стратиграфически самых ранних погребениях есть вышеописанная керамика черного цвета различных форм.

4. В целом необходимо отметить: в Новосвободненской группе памятников стабильное применение камня в погребальных конструкциях, появление гробниц, погребений на древней дневной поверхности (Мунчаев, 1975), качественно иной керамики, обилие типологически выдержанных форм металлических предметов - все это говорит о том, что в формировании этой группы принимали участие не только и даже не столько те племена, что оставили майкопскую группу памятников, а какие-то иные, с другими культурными традициями, в которых явно прослеживаются мегалитические черты. Различия двух групп, майкопской и Новосвободненской, не являются, на наш взгляд, следствием эволюционного развития одной куль-

туры, они - генетические.

5. Именно новосвободненская группа памятников широко распространилась по Северному Кавказу и, возможно, ее носители существенно повлияли на формирование беденской культуры (большие курганы, погребальные каменные конструкции, случаи захоронений на древней дневной поверхности, погребенные лежат на правом боку, скорченные, некоторые формы керамики, черное лощение, орнамент "шишечками", костяные стрелы) (Гобеджишвили, 1981).

6. Представляется неправомерным считать, что северокавказская культура представляет собой непрерывное генетическое развитие майкопской (Марковин, 1960). Также нельзя, вероятно, включать новосвободненские двухкамерные гробницы в дольменную культуру, по следующим причинам. Во-первых, материал, найденный в северокавказских дольменах, относится к эпохе средней бронзы, а материал, найденный в гробницах, - к эпохе ранней бронзы. Во-вторых, архитектура дольменов имеет качественное отличие от архитектуры гробниц. Достаточно вспомнить, что дольмены имеют одну камеру и трапециевидны в трех проекциях, тогда как гробницы двухкамерные и прямоугольные. Также нельзя, с нашей точки зрения, объединять в единый культурно-хронологический пласт новосвободненскую, дольменную и северокавказскую культуры (Сафронов, Николаева, 1980). Это культуры разные по происхождению и с разными историческими судьбами.

Н.Д.ДОВЖЕНКО, Н.А.ЧМЫХОВ

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ
КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА
(На примере антропоморфных стел)

I. Важным условием прогресса отдельных районов является наличие не только соответствующей социально-экономической организации, но и идеологической системы с концептуальными идеями. Воплощением одной из таких идей являются антропоморфные стелы,

известные во многих культурах юга Европы эпохи бронзы.

2. Очевидные закономерности, подчеркивающие смысловое назначение стел, — особенности расположения стел над погребениями, ориентация стел на стороны горизонта (Довженко, 1979), подчеркнуто мужской пол (прежде всего широкие плечи и узкие бедра) подавляющего большинства стел выявлены на курганах бронзового века Северного Причерноморья, где встречено наибольшее количество стел этого времени (Рычков, 1979). Здесь они, как и на соседних территориях, перекрывали отдельные погребения, вкапывались в насыпи, входили в состав каменных гробниц или кромчихов.

3. Черты антропоморфных стел находят свое объяснение в представлениях многих народов, где известны образы каменного человека или идола, а также мужчины, сопровождающего отдельных погребенных в царство мертвых. Учитывая, однако, что стелы присущи прежде всего ямным погребениям Северного Причерноморья, которые, по наиболее широко распространенному мнению, оставлены индоиранцами, наиболее полное понимание черт погребальных стел можно искать в индийских мифах о Пуруше.

4. Согласно Ведам, выделяется несколько аспектов образа Пуруши, соответствующих различным сторонам смысловой нагрузки стел:

а) Пуруша и стелы сопровождают некоторых умерших в царство мертвых; Пуруша сопровождает на тот свет только брахманов, стелы также перекрывают некоторые погребения или входят в состав отдельных погребений, очевидно, только знати, возможно, жрецов-брахманов; Пуруша — "брахман среди людей"; в стеле также иногда подчеркнуты признаки знатности (изображения топоров, поясов, ножей, посохов...), вероятно, касты брахманов;

б) имя "Пуруша" означает "муж"; в стелах также переданы обычно подчеркнутые признаки мужского пола;

в) Пуруша может быть представлен как одним, так и несколькими Пурушами (до 7 Пуруш), иногда даже лежущими противоположными полками — мужчиной и женщиной; стелы также встречены в погребениях в различном числе — от одной до нескольких, среди стел изредка встречаются и "женские";

г) Пуруша является одновременно двойником (атманом-душой) человека, стелы (или стелы) также "прилагаются" к умершему, кото-

рый, по представлениям древних людей, мог иметь одну или несколько душ; это соответствует также известной близости обряда захоронений со стелами и с погребальными куклами, считавшимися двойниками-душами (одной или несколькими) умершего;

д) Пуруша - первопредок людей, с культом предков связан и погребальный обряд, с культом предков связаны и погребальные куклы;

е) Пуруша - вселенский человек, олицетворение вселенной; вследствие космического символизма древних погребальных сооружений и их составных частей космическим символом является и стела.

5. Вышеназванные черты Пуруши в большей или меньшей мере присущи не только всем без исключения типам погребальных стел на территории Южной Европы, но частично и идолам святилищ, что сближает антропоморфные стелы и идолы не только иконографически, но и семантически. Отдельные важнейшие стороны всеобъемлющего комплекса понятий, связанных у индийцев с Пурушей, известны у различных народов мира. Существование в эпоху бронзы района южноевропейских культур, где эти понятия выражены однотипно, позволяет предполагать наличие общих закономерностей развития этих культур, тесных контактов их населения в прошлом, оснований дальнейших прогрессивных взаимовлияний.

Л.Н.БИЯГОВ, А.С.ПИЛИПОСЯН

ТРАДИЦИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ПОЯСОВ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ АРМЕНИИ

I. За последние годы в Армении было обнаружено свыше десяти новых бронзовых поясов. Бджинийские пояса происходят из могильника "Яли глух", датируемого IX-УШ вв. до н.э. Представлены они тремя видами узких (ширина 5 см) поясов. К первому виду относятся гладкие неорнаментированные пояса с отверстиями на концах (3 экз.), два из которых имеют длину 60 см, а последний, видимо, детский, 48 см. Ко второму виду относятся пояса, украшенные

геометрическим орнаментом (один целый, один фрагментированный). Первый, длиной 60 см, украшен двухрядным сильно стилизованным орнаментом "бегущей спирали" и группами треугольников. Второй также заполнен орнаментом "бегущая спираль", короткими штрихами и точечным орнаментом. Третий вид представлен одним поясом (длина 60 см), края которого украшены елочным орнаментом и треугольниками, а центр четырьмя фигурками львов с широко раскрытой пастью и торчащими из них какими-то предметами, напоминающими древко стрелы.

2. Пояса из погребений близ с. Саригюх, датируемые УШ-УП вв. до н.э., представлены двумя экземплярами. Оба относятся ко второму виду поясов, украшенных геометрическим орнаментом. Первый из них узкий (длина 87 см, ширина 8 см). На одном конце его прикреплена прямоугольная петля, а на другом расположено три отверстия от пряжки. Внутреннее пространство пояса заполнено четырьмя поясками орнамента (два по краям, два в центре), каждый из которых состоит из многорядных вертикальных волнистых линий, с такими же отходящими от них короткими горизонтальными. Подобная орнаментация, насколько нам известно, впервые встречается в орнаментальных мотивах бронзовых поясов Закавказья. Второй пояс богато орнаментирован. Он широкий (длина 98 см, ширина 18 см). Бордюр пояса состоит из узкой, свободной от орнамента полосы. В центре пояса проходит прямоугольная рамка, образованная из двух параллельных линий, с неорнаментированной, как на бордюре, полосой. В центре рамки проходит двухрядная линия с шестью полосами вертикальных черточек, а остальная поверхность пояса сплошь покрыта орнаментом "бегущая спираль". Пояса с подобной орнаментацией хорошо известны из памятников Армении УШ-УІ вв. до н.э. (мухан, Кармир-блур, Дилижан, Адана и т.д.), но наличие рамки на нашем поясе вносит новый орнаментальный мотив в эту группу поясов.

3. Богато орнаментированный пояс случайно найден в с. Енокаван (могильник Астхи-блур). Длина его 74 см, ширина 11,5 см. На концах его расположено по три отверстия для стягивания. Борты пояса украшены елочным орнаментом, "бегущей спиралью" и короткими косыми штрихами. С обеих сторон внутрь пояса вдаются

по два вписанных друг в друга крупных треугольника, внутренний из которых заполнен заштрихованными клиньями, а по наружному краю расположен орнамент "бегущая спираль". Такие вдающиеся внутрь треугольники являются характерным украшением поясов из Армении и Закавказья рубежа II-I тыс. до н.э. (Степанаван, Кармир-блур, Самтавро, Трели). Внутреннее пространство бордюра заполнено сценами охоты и магии. По обе стороны треугольников изображены по две человеческие фигуры с широко расставленными ногами и распростертыми руками с растопыренными пальцами. Туловище изображено в виде двух перевернутых треугольников, заполненных точечным орнаментом, подчеркивающих узкую талию и широкие плечи, и одновременно передающих вид одежды, напоминающий короткий кафтан. Головы этих фигур клюют фантастические птицы с длинным раздвоенным хвостом, небольшой грудью, длинной шеей и широко раскрытым клювом. После этой композиции следует изображение всадника, в руках которого лук с натянутой тетивой и приставленной стрелой. Голова всадника украшена перьями. Рядом скачет запасной конь.

В центре пояса, перед конями, изображено по две чередующихся пары стилизованных оленей и преследующих их львов. Между верхними и нижними рядами этих фигур помещена рамка с бортами, украшенными "бегущей спиралью", внутри ее изображено восемь фигур бегущих животных, возможно собак.

4. Новые находки орнаментированных бронзовых поясов подтверждают их широкое распространение в раннем железном веке Армении. Эти изделия тесно связаны как с военным делом (часть воинского набора), так и, судя по орнаментации и сложным сценам, с обширным кругом культовых представлений. Видимо, они являются необходимой принадлежностью определенной социальной группы, связанной во всяком случае на поздних этапах с вооруженным всадничеством.

В.М.КОТОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА И ПЕРЕДНЕЙ
АЗИИ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

1. Культурно-историческое единство переднеазиатско-кавказского региона - древнейшего очага становления производящего хозяйства - охватывает не только материальную культуру, но распространяется также и на культуру духовную. Сходство некоторых сюжетов и образов в древних изобразительных памятниках Дагестана и Передней Азии отражает существование мировоззренческих представлений, эпохально общих для населения этих областей.

2. Образ божества плодородия, богини-матери в канонической позе оранта, одетой в клетчатую юбку, запечатленный в дагестанском неолитическом святилище Харитани, близок образом подобных же божеств из неолитического святилища Чатал-Гуьк, изображениям шумеро-вавилонских богинь Инанны и Иштар. Поразительную близость обнаруживают в дагестанских и переднеазиатских памятниках схематические изображения культовой распашки поля и некоторых всаднических изображений.

3. Отголоски былой общности мировоззренческих представлений сохранились в дагестанском фольклоре. Примечательно совпадение дагестанской лексемы "нину" - "мать" (в значении "родившая нас женщина", "всеобщая мать") с именами шумерской богини-матери - Нинхурсаг, Нинмах, Нинту, а также сохранившееся до наших дней в Дагестане женское имя Иштар, Иштара и зафиксированное в колыбельных песнях и поговорках аварцев имя Гильгамеш.

4. Все эти факты, свидетельствуя, что исторические связи Кавказа и Дагестана с Передней Азией были весьма широкими и наряду с материальной культурой охватывали также и культуру духовную, особенно важны перспективой вскрыть интересный, еще совсем не известный пласт древних мифологических представлений дагестанских горцев в их самом конкретном выражении, и ос-

ветить пути их формирования, связанные с действительными историческими контактами.

С.Г. АМАЯКЯН

КУЛЬТ СОЛНЦА У ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИХ
ОБЩИН ЗАКАВКАЗЬЯ И УРАРТСКОЕ БОЖЕСТВО ШИВИНИ

1. В урартских надписях для обозначения имени Шивини употреблялась Шумерограмма бога солнца (Дити), обстоятельство, которое дало возможность для определения Шивини в качестве бога солнца пантеона Урарту.

Шивини изображен на кармирблурском поясе (Б.Питровский) в облике коленопреклоненного длинноволосого юноши, держащего над головой крылатый символ солнца, а на одной из бронзовых вотивных пластин из Сербар-тепе - в группе божеств, стоящих перед Халди в традиционной для урартских богов одежде (Р.Д.Барнет). Символами Шивини были, по-видимому, крылатый диск солнца (Б.Питровский), свастика (С.Амаякян) и конь (М.Израелян). С культом Шивини связываются и некоторые изображения древа жизни (С.Амаякян).

2. Теоним Шивини, по мнению Г.А.Меликишвили, происходит от имени хурритского бога солнца Шимиги. Это предположение, однако, И.М.Дьяконов считает необоснованным. В этом отношении убедительно сопоставление Шивини с хеттскими Шуни (В.В.Иванов) (ср. др. хетт. *šiu* "бог" пала ²*ṣiia* "солнце"; лув. ²*ṣiia* "солнце"; арм. *տիւ* (*tiu*) "светлая часть дня" и множество других индоевропейских корней того же значения - др. индоевр. *diu* "день" и *deus* "бог, небо"; санскр. *divasa* "день" и *dēva* "бог"; лат. *dies* "день" и *deus* "бог" и т.д.). В этом случае следует признать, что Шивини был одновременно и божеством дня (ср. арм. *tiu*) урартского пантеона, а его культ имел индоевропейское происхождение.

3. В надписи, высеченной в последней четверти IX в. до н.э. Мгери-дур, где приводится пантеон урартских богов, Шивини

упомянут третьим после божеств Халди и Тейшеба. Рассмотрение данной надписи позволяет предполагать, что к культу Шивини имеют отношение мифические существа Артуараси - в качестве "войска бога Шивини".

Религиозными центрами Шивини были города побережья Ванского озера - Тушпа и Уишини. Отсюда же происходит надпись царя Минуа, посвященная Шивини, в которой Минуа для себя и своего сына просит жвань, радость, величие. Это свидетельствует о том, что Шивини был одним из богов-покровителей царствующей династии, и является дополнительным подтверждением того, что культ Шивини был связан с озером Ван. Последнее явление объясняется мифом о солнце (сохранившимся в армянской традиции), где рассказывается о восхождении солнца (Арев) с озера Ван, в недрах которого, по-видимому, находилась опочивальня Арев. Этим мифом объясняется и то обстоятельство, что, говоря "бог города Тушпа", подразумевалось не главное божество Ванского царства Халди, а Шивини (Г.А.Меликишвили). По-видимому, Сардури I (840-825), построивший новый престольный город Урарту на берегу озера Ван, не нарушил существующий здесь древний культ бога солнца.

4. В культах бога Шивини и Арев есть и другие общности, сопоставление которых способствует более глубокому восприятию их образов, Они оба воспринимались пышноволосыми юношами, с их культом связывался конь, и оба они имели свою "дружину". Шивини подчинялись Артуараси, а Арев - 12 его телохранителей. Кроме этого, в Хеттском царстве, в Урарту и в Армении солнце воспринималось и женским и мужским божеством. В городе Тушпа рядом с Шивини почиталась богиня Тушпуеа (Г.Меликишвили), которую Б.Б. Пиотровский рассматривает как богиню солнца. Она воспроизведена в украшениях урартских котлов в виде птицы с торсом женщины и с диском между крыльями.

5. Один из месяцев урартского летоисчисления был назван именем Шивини (ՏԻՒԻՒՄ). Этот месяц в урартских надписях упоминается в связи с большим праздником и с жертвоприношениями, которые делались богам и святилищам Урарту. В Армении тоже был месяц, посвященный солнцу (Արեգ) - месяц весеннего равноденствия, когда праздновались приход весны и Нового года (примеча-

тельно, что в Хеттском царстве они отмечались в конце марта (Г.Гоффнер, А.Ардэинба). Следовательно, допустимо, что праздник и жертвоприношения в "месяце бога солнца" и в Урарту были посвящены первому месяцу весны и года.

6. Известно, что культ солнца имеет древние традиции и его проявления широко представлены в культуре закавказских племен поры палеометалла. Сцены поклонения солнцу и так называемая солнечная лядья имеются среди наскальных рисунков. Солнечные символы можно отметить и в орнаментации, свойственной этой эпохе. В урартскую эпоху мы видим, как на основе этих традиций в канонизированном пантеоне древневосточной цивилизации солнечное божество выступает уже персонифицированно и в антропоморфном облике.

И.Н.ХЛОПИН

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ КУЛЬТУРЫ СЕРОЙ КЕРАМИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ИРАНА

1. До сих пор не установлено происхождение в Северном Иране серой керамики раннего железного века (XIV-X вв. до н.э.). Исследования на территории Ирана последних десятилетий не обнаружили ни одного памятника, который мог бы быть объявлен генетическим предшественником своеобразной культуры, содержащейся в недрах таких памятников, как Хурвин, Кайтарье и т.п. Исключение составляет территория Юго-восточного Закаспия, иначе говоря Юго-западной Туркмении, где в 1972-1977 гг. были раскопаны Сумбарские могильники эпохи поздней бронзы. Этот материал оказалось возможным датировать временем Намазга УІ (вторая половина II тыс. до н.э.), но вопрос его происхождения оказался открытым.

2. В 1977-1981 гг. в долине Сумбара раскопан другой могильник, Пархай II, который содержит разновременные погребения. За пять лет раскопок были вскрыты 106 погребальных камер и собран большой и разнообразный материал. Анализ керамики в сочетании

сс стратиграфическими наблюдениями позволил разделить всю совокупность материала на шесть последовательных в хронологическом и генетическом отношениях культурно-исторических периодов, которые мы предлагаем считать сверху вниз и называть их ЮЗТ-I - ЮЗТ-VI (ЮЗТ - Юго-Западная Туркмения). Самый верхний период - ЮЗТ-I - и является сумбарской культурой, т.е. культурой той серой керамики, о которой речь шла выше.

3. Для анализа генезиса этих комплексов мы будем сравнивать тип погребального сооружения и керамический комплекс, затем - металлические изделия. Погребальное сооружение сумбарской культуры - катакомба с входом либо вертикальным сверху, либо горизонтальным с боку. Этот тип погребального сооружения оформился в предшествующий период ЮЗТ-II - было найдено четыре одиночных погребения в катакомбах с уже устоявшимся характером трупоположения. Считать эти погребальные сооружения более ранними позволяет найденная там керамика. Кроме того, именно в этот период складывается обычай, класть вместе с женщиной прялнице (еще керамическое), а с мужчиной - наконечник копья. Этот период, сравнительно кратковременный, мы предлагаем датировать в пределах XVI-XV вв. до н.э.

4. Следующий период - ЮЗТ-III - не содержит катакомб. Покойников погребали в камерах, причем известны случаи как коллективных погребений в склепах, так и в одиночных. Склеп по своему типу на первый взгляд отличается от катакомбы и повторяет в уменьшенном виде жилище того времени, принятое на этой территории: это была полуземлянка с углубленным боковым входом и дерево-земляным перекрытием. Поскольку наблюдается объективная тенденция сокращения числа погребенных в склепах в течение III - первой половины II тыс. до н.э., склепы постепенно уменьшались в размерах и когда в погребальном сооружении стали хоронить одного покойника, они изменились принципиально. Они стали использоваться одноактно и это позволило их глубже опустить под землю; это в свою очередь привело к отказу от дополнительных конструкций для поддержания кровли, поскольку ее сохранение для следующего покойника оказалось не нужным. Так из полуподземного склепа с искусственной кровлей, по нашему мнению, получи-

лась глубокая катакомба.

5. Керамическая коллекция могильника Пархай II, разделенная на шесть последовательных культурно-исторических периодов, показывает непрерывность развития с середины IV тыс. до н.э. до рубежа II и I тыс. до н.э. Это является доказательством непрерывного местного развития культуры Юго-западной Туркмении, которая закончилась культурой с серой керамикой, представленной Сумбарскими могильниками. Таким образом, именно на территории Юго-западной Туркмении имеются данные, чтобы считать эти места местом происхождения культуры с серой керамикой, распространившейся во II тыс. до н.э. по всему Северному Ирану, включая и Юго-восточное Закавказье. Как бы ни интерпретировать культуру серой керамики; мы считаем, что ее прародина нахдилась в Юго-восточном Закавказьи, и туда она никогда и ниоткуда не пришла, а носители ее проживали на этой территории постоянно с IV тыс. до н.э. наверняка, а возможно, и с более раннего времени.

Х.А.АМИРХАНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(По раскопкам в Чохе)

I. В 1954 г. в горном Дагестане был открыт многослойный памятник каменного века - стоянка Чох. Культурные отложения стоянки были датированы В.Г.Котовичем верхним палеолитом и мезолитом. На протяжении всего последующего времени особый интерес специалистов вызывали такие чохские находки, как обломок сланцевой основы жатвенного ножа и зернотерки. В процессе дальнейшего изучения памятника возникли новые вопросы. Так, Н.К.Верещагин допускал наличие в изучаемом им остеологическом материале Чоха остатков одомашненных животных (овца), а Г.Ф.Коробкова определила исследованную ею выборку кремневых пластинок как вкладыши жатвенных орудий. В.Г.Котович говорил о сложении в ме-

зодите Дагестана элементов производящего хозяйства. В.М.Мас-сон, основываясь на этих же моментах, а также на типологии каменного инвентаря, рассматривал Чох в одном ряду с известными ближневосточными памятниками, отражающими начало перехода от присваивающего к производящему хозяйству. В таком же плане высказывались К.Х.Кушварева и О.М.Джапаридзе.

2. В последние годы раскопки стоянки были возобновлены. Выделены два литологических горизонта с мезолитическим материалом и один неолитический слой, объединяющий в себе два верхних ("мезолитических") слоя старой стратиграфии. В течение 1980-1981 гг. неолитический слой исследован на площади 60 кв.м. В новом раскопе частично вскрыты остатки примыкающего к скале жилища с дугообразной каменной стеной и коридорообразным выходом. Найдены обломки зернотерок, куранты, обломок костяной основы жатвенного ножа, а также незаконченное изделие этого же рода и некоторые другие предметы. Керамика по совокупности технологических характеристик и восстановленных форм (горшок, чаша) имеет ряд общих черт с архаичной керамикой энеолита Южного Закавказья. Кремневый инвентарь обнаруживает яркое культурное своеобразие и имеет несомненную типологическую связь с нижележащими мезолитическими ("верхнепалеолитическими" по старой хронологии) слоями. Найдены зерна культурных и диких злаков, включающие разновидности пшеницы и ячменя. Они получены при контрольных промывках культурного слоя Г.Н.Лисицной и определены ею же.

3. Можно заключить, что материалы верхнего слоя Чоха, датируемые археологически первой половиной неолита, а данными споро-пыльцевого анализа - началом - первой половиной VI тыс. до н.э., доказывают наличие в горной зоне Восточного Кавказа архаического пласта поселений с производящей экономикой, предшествующего кругу памятников типа Шомутепе-Шулавери. Преемственность в кремневом инвентаре неолитического и мезолитического слоев (единство культуроопределяющих типов) указывает на непрерывность развития культуры в течение этих двух эпох и, по-видимому, на самостоятельное (в кавказском масштабе?) становление производящей экономики. Это подтверждает правоту Н.И.Вавилова, выделявшего на ботанико-географической базе самостоятельный

Кавказский очаг происхождения культурных растений в пределах Юго-Западноазиатского центра.

Р.М.ТОРОСЯН, Л.А.ПЕТРОСЯН

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ШИРАКАВАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

1. Первобытное поселение Ширакаван является одним из памятников Армянского нагорья, в котором отражен многовековой прогресс общественных, хозяйственных и культурных отношений в эпоху бронзы и железа.

Памятник находится на левом берегу реки Ахурян близ села Ширакаван (Авийский район Армянской ССР), на высоте 1480 м от уровня моря. Памятник многослойный. Мощность культурных слоев достигает 5 м.

2. Древний этап культуры бронзы в памятнике представлен жилыми комплексами, которые состоят из просторных однокомплексных, в плане квадратных помещений, с примыкающими к ним подсобными сооружениями и ямами-хранилищами. В помещениях были обнаружены очаги, орудия труда, сосуды культового и повседневного обихода.

Раннебронзовый слой Ширакавана датируется XXV-XXIII вв. до н.э.

3. Следующий этап в развитии бронзы представлен строительным слоем среднебронзового периода и погребальными комплексами. Каменные стены помещений однорядные. Полы и стены обмазаны глиной. Внутри помещений обнаружены хозяйственные очаги, их ямы.

Вследствие интенсивного развития земледелия, скотоводства и ремесла осложняются социальные отношения между членами общин. Это ярко выражено в погребальном обряде.

Сравнительным изучением образцов материального производства и культуры выявляются органические связи между культурами ранней, средней и поздней бронзы.

4. Последний этап культуры бронзы в Ширакаване представлен

погребальными комплексами.

Богатый материал, обнаруженный в погребениях, свидетельствует о быстром росте и развитии металлургии, деревообработки и ювелирного дела.

Погребения, принадлежащие представителям различных слоев общества, в позднебронзовом некрополе отличаются друг от друга не только размерами, убранством и погребальными обрядами, но и местонахождением.

5. Послебронзовый период представлен строительными слоями и погребальными комплексами.

Поселение I тыс. до н.э. состоит из жилых кварталов, "храмовой площади" и крепости.

На восточной стороне обнаружен храмовый комплекс общественного назначения, при котором существовали подсобные сооружения и мастерские. Аналогичные комплексы обнаружены в синхронных слоях Двина и Мецамора. Предполагается, что в начале I тыс. до н.э. в Армении существовало храмовое хозяйство.

Внутреннее эволюционное развитие общины приводит к появлению зачатков урбанизации. Об этом свидетельствует крепость, построенная на территории поселения. Крепость имеет мощную каменную стену, укрепленную большими квадратными контрфорсами. На территории крепости обнаружено два строительных слоя. Нижний слой принадлежит IX-УП вв. до н.э., верхний - раннеармянскому периоду (УI-У вв. до н.э.).

Классовые отношения ярко выражены в погребальных комплексах I тыс. до н.э.

Наряду с обычными погребениями обнаружены крупные "каменные ящики", в которых похоронены представители знати. Вместе с хозяином хоронили лошадей, слуг, рабов, оружие, предметы украшений из драгоценных металлов и камней.

Общественно-хозяйственный прогресс в памятнике Ширакаван аргументируется не только богатыми коллекциями образцов материального производства и культуры, а также изменениями в принципе планировки и сооружения поселений.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

I. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ
ПРОГРЕСС

В.М.МАССОН (Ленинград). Культурный прогресс в эпоху палеометалла	2
П.М.ДОЛУХАНОВ, (Ленинград). Эпоха бронзы: экологические, экономические и культурные процессы	4
С.Н.БРАТЧЕНКО (Киев). К определению уровня развития бронзовой индустрии в эпоху бронзы	6
М.Г.ГАДЖИЕВ (Махачкала). Некоторые особенности культурного прогресса по материалам археологии Северного Кавказа	9
С.С.БЕРЕЗАНСКАЯ (Киев). О ремесле в эпоху бронзы на территории Украины	12
Г.Е.АРЕШЯН (Ереван). К проблеме относительной независимости развития культуры и социальной организации (По материалам бронзового века Армянского нагорья и Южного Кавказа)	13
М.Н.ПОГРЕБОВА (Москва). Роль инокультурных влияний в культурном развитии	17
В.С.БОЧКАРЕВ (Ленинград). Развитие общества и прогресс систем вооружения (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы)	19
В.А.АЛЕКСИН (Ленинград). Формы хозяйства и типы социальной организации в эпоху первобытно-общинного строя	22

II. КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА,
ИХ РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В.И.МАРКОВИН (Москва). Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы	27
В.Б.ВИНОГРАДОВ (Грозный). Новое в изучении этнокультурного процесса в восточной Чечне (Эпоха бронзы)	29
К.Н.ПИЦХЕЛАУРИ (Тбилиси). Центральное Закавказье на раннем этапе эпохи поздней бронзы	32
Э.В.ХАНЗАДЯН (Ереван). Развитие палеометаллических культур Армянского нагорья	33

С.Л.ДУДАРЕВ (Грозный). О некоторых особенностях культурного процесса у племен эпохи поздней бронзы восточной части плоскостной Чечни	38
А.А.НЕХАЕВ (Краснодар). Новые данные о развитии майкопской культуры в Прикубанье	41
А.Л.ВЕЧИТАЙЛО (Киев). О значении связей степной Украины и Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы	43
И.Г.НАРИМАНОВ (Баку). Культура равнин Восточного Закавказья в ранней бронзе	44
Н.В.АНФИМОВ (Краснодар). Локальные варианты и хронология памятников эпохи раннего железа северо-западного Кавказа	46
Е.Е.КУЗЬМИНА (Москва). Андроновская культурная общность (Принципы выделения и установления хронологических этапов)	47
Б.И.САРИАНИДИ (Москва). Особенности развития культуры эпохи бронзы в дельте Кургаба	51
И.С.МАСИМОВ (Ашхабад). Келлелинский оазис и проблема генезиса культуры эпохи бронзы в Мергяне	53
Т.П.КИЯТКИНА (Душанбе). Культуры Средней Азии в эпоху бронзы и данные антропологии	56
А.Д.ПРЯХИН (Воронеж). Абашевские древности и проблемы культурного развития эпохи бронзы евразийской лесостепи	58
К.Х.КУШНАРЕВА (Ленинград). К выделению культур эпохи средней бронзы Южного Кавказа	61
В.А.ТРИФОНОВ (Ленинград). О смене обрядовых групп погребений в Степном Прикубанье (Энеолит - средняя бронза)	64
А.Е.СИМОНЯН (Ереван). Кармирбердская культура по материалам периода средней бронзы в Армении (Опыт выделения)	69

Ш. РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Н.Н.ЧЕРЕДНИЧЕНКО (Киев). О некоторых аспектах развития экономики раннебронзового века в Степном Причерноморье	74
А.Ц.ГЕВОРКЯН (Ереван). Прогресс в развитии металлопроизводства позднебронзовой эпохи Армении	76

- Г.С.ИСМАИЛОВ (Баку). Становление металлургии и металло-
обрабатывающего производства в Восточном
Завкавказье 77
- С.Г.ДЕВЕДЕЯН, А.Ц.ГЕВОРКЯН (Ереван). Прогрессивные
процессы в металлообработке Лория-берда
(II тыс. - начало I тыс. до н.э.) 79
- И.Т.ЧЕРНЯКОВ (Одесса). Роль металлургии в прогрессе степ-
ных культур эпохи бронзы Северного Причерно-
морья 80
- И.Н.ШАРАФУТДИНОВА (Киев). Каменные литейные формы и про-
изводственный прогресс (По материалам Север-
ного Причерноморья второй половины II - нача-
ла I тыс. до н.э.) 84
- К.М.КАРАБАСПАКОВА (Алма-Ата). Развитие металлургии и гор-
но-металлургический центр на юге Казахстана
эпохи бронзы 87
- Д.А.ХАХУТАЙШВИЛИ (Батуми). Возникновение и развитие про-
изводства железа в древней Колхиде 88
- Г.Ф.КОРОБКОВА (Ленинград). Развитие производств в эпоху
палеометалла (В свете экспериментально-тра-
сологических исследований каменных орудий) 89
- Н.Н.СКАКУН (Москва). Прогрессивные явления в экономике
раннеземледельческих культур Болгарии 94
- А.С.ОСТРОВЕРХОВ (Одесса). Стекло и фаянс как источник
для изучения прогресса археологических куль-
тур Северного Причерноморья в эпоху бронзы
и раннего железа 97
- Ю.А.ШИЛОВ (Киев). Физико-химическая характеристика кера-
мики и развитие степных культур эпохи
энеолита - бронзы 99
- В.П.ШИЛОВ (Москва). Первые ремесленники эпохи бронзы в
предкавказских степях 101
- Н.М.ШЛАГЛИЙ (Киев). Погребения раннего бронзового века
с повозками в курганах северо-западного
Причерноморья 103
- Т.Г.МОВША (Киев). К вопросу о колесном транспорте в
трипольской культуре 104
- А.И.КУБЫШЕВ, И.Т.ЧЕРНЯКОВ (Киев). К проблеме существова-
ния весовых систем у племен каткомбной
культуры (По материалам погребения литейщика
у с.п. Терновка в Приазовье) 106
- К.Х.КУШНАРЕВА (Ленинград), Г.Н.ЛИСИЦЫНА (Москва). Прогресс
земледельческого производства у племен Юж-
ного Кавказа UI - начала I тыс. до н.э. 109
- Н.М.ЕРМОЛОВА (Ленинград). Развитие скотоводческого и
охотничьего хозяйства в эпоху бронзы 112

IV. ПРОГРЕСС И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫХ
ЯВЛЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

- В.И. КОЗЕНКОВА (Москва). Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса (На примерах кобанской культуры Кавказа) 114
- Б.В. ТЕХОВ. (Цхинвали). О культурном прогрессе эпохи бронзы и раннего железа Центрального Кавказа 116
- С.А. ЕСАЯН, Э.М. ГЕВОРКЯН (Ереван). Развитие удил в древней Армении 117
- Э.С. ПАРСАМЯН (Ереван). Малый Мецаморский холм - древнейший комплекс наблюдательных площадок в Армении 120
- Л.Б. ЕРМОЛОВ (Ленинград). Эволюция копья 125
- Г.Н. БЕСТУЖЕВ (Ленинград). Общественный продукт и развитие погребальных обычаев (По материалам курганных захоронений эпохи бронзы в Западном Прикубанье) 127
- Э.С. ШАРАФУТДИНОВА, (Ленинград), О.Р. ДУБОВСКАЯ (Ворошиловград). Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье 129
- А.Д. РЕЗЕПКИН (Ленинград). Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе 132
- Н.Д. ДОВЖЕНКО, Н.А. ЧМЫХОВ (Киев). Идеология и прогрессивное развитие культур бронзового века (На примере антропоморфных стел) 135
- Л.Н. БИЯГОВ, А.С. ПИЛИПОСЯН (Ереван). Традиция изготовления в раннем железном веке Армении бронзовых поясов 137
- В.М. КОТОВИЧ (Махачкала). Некоторые мировоззренческие представления древнего населения Дагестана и Передней Азии и культурные связи 140
- С.Г. АМАЯКЯН (Ереван). Культ Солнца у земледельческо-скотоводческих общин Закавказья и урартское божество Шивини 141
- И.Н. ХЛОПИН (Ленинград). К происхождению культуры серой керамики раннего железного века Северного Ирана 143
- Х.А. АМИРХАНОВ (Москва). Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (По раскопкам в Чохе) 145
- Р.М. ТОРОСЯН, Л.А. ПЕТРОСЯН (Ереван). Этапы развития материальной культуры Ширакского населения 147

Сдано в производство 4.10.1982 г., подписано к печати 4.10.1982 г.
ВФ 01946. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 1. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,83. Учетно-изд. л. 7,9. Тираж 500. Зак. № 765.
Изд. № 5772. Цена 1,25.

Издательство АН Арм. ССР, 375019, Ереван, ул. Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Арм. ССР, 378310, г. Эчмиадзин.

$\rho \bar{u}$
497 29

1 p. 25 к.

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0238612

1,95

ρ_{π}
497 291